

В «КРЫЛАТОЙ ПЕХОТЕ»

В „КРЫЛАТОЙ ПЕХОТЕ“

ОЧЕРКИ.
ВОСПОМИНАНИЯ.
МАТЕРИАЛЫ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973

Яркие страницы в историю победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне вписали бойцы и командиры воздушнодесантных войск.

В составе гвардейских воздушнодесантных частей и соединений было много воинов из Прикамья. Некоторые из них начали службу в «крылатой пехоте» еще до войны, другие пришли на фронт в грозные боевые годы. И все они сражались, как подобает гвардейцам.

В этой книге собраны очерки о боевых делах пермяков, сражавшихся в воздушнодесантных войсках, их воспоминания, а также материалы о бывших десанниках. Большую помощь в подготовке книги к изданию оказал Пермский областной совет ветеранов войны.

Составители А. М. Граевский
и А. Д. Пучнин.

ПЕРМЯКИ

В «КРЫЛАТОЙ ПЕХОТЕ»

Второе августа 1930 года... Утро под Воронежем выдалось на редкость ясным. Восходящее солнце предвещало жару. Его лучи, падая на скошенную и убранную поляну, придавали ей золотистый оттенок. Легкий восточный ветерок нес с собой аромат свежего сена...

На опушке небольшой дубовой рощи, перед которой расстилась ровная площадка размером восемьсот на шестьсот метров, собрались в это утро те, кто должен был оценить возможности групповой выброски парашютистов, вооружения и боеприпасов, определить величину их рассеивания при приземлении, установить время, необходимое на сбор, распаковку грузовых контейнеров и приведение десантников в полную боевую готовность.

До намеченного срока оставалось десять минут. Взоры всех были устремлены в сторону, откуда должен появиться самолет.

И вот над порыжевшей от солнца поляной, на высоте пятьсот метров, появился «Фарман-Голиаф», двухмоторный самолет грузоподъемностью не более шести-семи человек, впервые в мире приспособленный советскими инженерами и техниками для выброски парашютного десанта.

— Один... два... три... пять... Шесть!

Шесть точек, одна за другой, отделившись от самолета, камнем падают вниз.

Секунда... Вторая... Третья... Над каждой точкой вспыхивает белый купол парашюта.

Группа из шести человек, возглавляемая военным летчиком Л. Г. Миновым, оставила самолет за пять секунд и приземлилась почти в центре площадки.

Самолет, сделав разворот, лег на обратный курс.

...Над площадкой снова появился «Фарман-Голиаф». В нем находилась вторая группа десанта, тоже из шести человек. Ее возглавлял военный летчик Я. Д. Мошковский. Группа прыгала с высоты триста метров. Это был смелый эксперимент: парашютисты прыгали с ручным раскрытием парашюта. Приземлились они вблизи грузовых парашютов с оружием.

Вооружившись ручными пулеметами, винтовками, револьверами и гранатами, десантники обеих групп быстро вышли к хутору, который был определен исходным пунктом...

Так был выброшен первый в мире парашютный десант. Этот день, 2 августа 1930 года, стал днем рождения советских воздушнодесантных войск.

Первый эксперимент не решал тактической задачи. Да она перед ним и не ставилась. Такая задача была поставлена перед десантом в сентябре того же года, на маневрах Московского военного округа.

...На рассвете в тылу «противника» появился самолет АНТ-9. Его борт оставили одиннадцать вооруженных парашютистов. Приземлившись и спрятав парашюты в лесу, десантники совершили внезапный налет на штаб дивизии, захватили оперативные документы и благополучно вернулись в расположение своих войск. Десантом командовал Я. Д. Мошковский.

Так было положено начало развитию нового рода войск — воздушнодесантных частей.

Первый парашютнодесантный отряд (ПДО) был сформирован в начале весны 1931 года в Ленинградском военном округе. Поначалу он был нештатным. В этом отряде с апреля по октябрь сто шестьдесят человек совершили пятьсот пятьдесят экспериментальных, показательных и тренировочных прыжков. Была проведена исследовательская работа по вопросам теории и психофизиологии прыжка, конструирования и использования парашютнодесантной техники, оперативно-тактического применения воздушного десанта. Для работы в военных округах были подготовлены инструкторы по парашютному делу.

На базе опытных парашютнодесантного и воздушнодесантного (посадочного) отрядов зимой 1932 года в Ленинградском военном округе был создан авиамотодесантный отряд № 3. Командиром его был назначен М. В. Бойцов. Такие же авиамотодесантные отряды были образованы в Белорусском, Московском и Украинском военных округах*.

В 1933 году директивой Народного комиссара по военным и морским делам авиамотодесантный отряд № 3 был развернут в 3-ю авиационную бригаду особого назначения (3 АБОН). Затем он был преобразован в 201-ю воздушнодесантную бригаду.

В 1934—1935 годах авиабригады особого назначения были созданы в Киевском, Белорусском и Дальневосточном военных округах.

Таким образом, в короткие сроки в нашей стране были сформированы воздушнодесантные части и соединения, имевшие на

* Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 29, оп. 54, д. 13, л. 1.

вооружении первоклассную по тому времени авиационную, парашютную и другую боевую технику.

Проведенные в 1935—1936 годах военные маневры показали, что этот новый род войск нашей армии является грозной силой, наиболее подвижным и маневренным боевым средством, способным решать серьезные тактические и оперативные задачи.

Первое боевое крещение воздушнодесантные войска получили на Халхин-Голе в 1939 году. Это воины 212-й воздушнодесантной бригады сражались за высоту Фуи, которую японцы превратили в один из основных своих опорных пунктов.

В боях на Халхин-Голе участвовали и наши земляки: В. Я. Болотов и П. П. Зуев — из Перми, М. А. Гущин — из Кизела, И. В. Лосев — из Губахи, Чудинов — из Нытвы, Баранов, Дерябин, Глазунов, Казаков, П. А. Лепихин — из Куединского района Пермской области.

В момент вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз дислоцированные в Прибалтике, Белоруссии и на Украине воздушнодесантные корпуса находились еще в стадии формирования штабов и органов управления.

Тяжелая обстановка, сложившаяся с первых дней войны, вынудила ввести эти корпуса в бой с врагом в качестве обычных мотострелковых соединений.

Так, десантники 4-го воздушнодесантного корпуса, в который входили 7, 8 и 214-я воздушнодесантные бригады, вели успешные бои восточнее Минска и тяжелые оборонительные бои юго-западнее Могилева. В этих боях принимали участие наши земляки: Н. В. Кузьмин, проживающий ныне в Перми, и А. В. Журавель, проживающий в Чердынском районе Пермской области. Он первым из 4-го батальона 214-й воздушнодесантной бригады в июле 1941 года поджег под Могилевом фашистский танк.

3-й воздушнодесантный корпус, в который входили 5, 6 и 212-я воздушнодесантные бригады, в начале августа 1941 года вступил в бой с отборными фашистскими дивизиями, стремившимися захватить столицу Украины и устроить 8 августа парад немецких войск на Крещатике. Десантники не только остановили врага, но и отбросили его на пятнадцать — двадцать километров от Киева. До конца августа десантники удерживали рубеж, прикрывая Киев с юго-запада.

В числе воинов 212-й воздушнодесантной бригады, героически сражавшихся у стен древнего Киева, были и уроженцы Прикамья: М. З. Азанов, А. П. Бессонов, М. А. Гущин, Е. Ф. Кремлев, В. И. Лицман, А. Ф. Носов, К. О. Пепеляев, Г. Я. Сербин.

Затем 3-й воздушнодесантный корпус, реорганизованный в

87-ю стрелковую дивизию, вел тяжелые бои за город Тим Курской области. Три с лишним месяца он преграждал немцам путь на восток в районе города Щигры. За беспримерный героизм, проявленный бойцами и командирами в боях за города Тим и Щигры, 87-я стрелковая дивизия в январе 1942 года получила наименование 13-й гвардейской. Особенно отличилась эта дивизия в битве на Волге.

После разгрома немцев под Сталинградом 13-я гвардейская стрелковая дивизия принимала участие в наступательных боях и шла по тем же местам украинской земли, которые в жестоких боях обороняла. Через Румынию, Польшу, Чехословакию, громя фашистов, пронесла она свое овеянное славой гвардейское знамя.

5-й воздушнодесантный корпус в составе 9, 10 и 201-й воздушнодесантных бригад, получивших большой боевой опыт еще в первые дни войны на рижско-двинском направлении, в начале октября 1941 года был переброшен на самолетах в район Орла. Перед ним была поставлена задача: преградить путь танковой армии Гудериана, наступавшей вдоль шоссе на Тулу и Москву.

Парашютисты вместе с танкистами и воинами 1-го гвардейского корпуса в подвижной обороне между Орлом и Мценском девять суток изматывали части Гудериана и нанесли им такой урон, что гитлеровское командование вынуждено было образовать специальную комиссию для расследования причин поражения 24-го моторизованного корпуса под Мценском*.

Наступление немецких войск на Тулу было задержано на семнадцать дней. За это время в районе Тулы была организована прочная оборона.

Исключительный героизм проявили парашютисты в боях с врагом на подступах к Москве. Отряд под командованием капитана И. Г. Старчака, ныне заслуженного мастера спорта СССР, полковника запаса, почетного гражданина города Юхнова, насчитывавший четыреста тридцать человек и готовивший парашютистов для засылки во вражеский тыл, размещался в лагере под Юхновом. В районе Юхнова, от которого до Москвы всего 205 километров, кроме десантников отряда И. Г. Старчака, не было ни одной нашей воинской части.

А враг рвался к Москве. Его механизированные части двигались на Юхнов.

* См.: Ж. Буше. Бронетанковое оружие в войне. М., «Иностранная литература», 1956, стр. 227.

«За нами Москва. И если мы не задержим фашистов хотя бы на несколько дней, пока подойдут наши войска, народ нам этого не простит...» * — заявил на коротком митинге комиссар отряда бывший днепропетровский металлист Николай Щербина.

Здесь десантники дали клятву: стоять насмерть, задержать врага!

На реках Угре и Извери десантники, вооруженные только стрелковым оружием (пулеметы, автоматы, винтовки, гранаты), на пять суток задержали продвижение гитлеровцев на Москву. Бронированной армаде армейских групп Гудериана и фон Клюге с трудом удалось преодолеть только двадцать пять километров. Когда 9 октября 1941 года на сто восьмидесятом километре от Москвы танковая бригада сменяла отряд, в нем насчитывалось всего двадцать девять человек. В их числе был наш земляк А. В. Журавель.

Вот как оценивает стойкость и мужество парашютистов-десантников бывший командир 5-й воздушнодесантной бригады, затем 87-й стрелковой и 13-й гвардейской дивизий, генерал-полковник дважды Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев:

«...Я не помню ни жалобы, ни упрека. Они знали, что значит приказ, и верили, вопреки всем нашим неудачам, потерям, разочарованиям, верили в победу. Слово и воля партии соединяли их в такой поистине чудесный сплав, которому не ржаветь ни в слякоти осенних дорог, ни в тяжелой распутице огорчений...

Перед оставленной на старом рубеже небольшой группой прикрытия ставилась, по существу, невыполнимая задача; их оборонный рубеж был рубежом смерти. Десантники знали об этом. Скопища немцев часами топтались перед нашей слабой обороной, горсткой наших храбрецов, разворачивали крупные силы для удара, вызывали танки, бронетранспортеры, теряли десятки солдат от огня наших пулеметов, а потом, ворвавшись в наши окопы, не обнаруживали там никого.

Смелчаки десантники выполняли задачу, успевали оторваться от противника и занять новый участок обороны» **.

В ходе тяжелых оборонительных боев воздушнодесантные части и соединения постепенно выводились из состава действующей армии на доукомплектование и формирование. За проявленные с первых дней войны высокие морально-боевые качества, беспредельный героизм, безграничную преданность Коммунисти-

* И. Г. Старчак. С неба в бой. М., Воениздат, 1965, стр. 46.

** А. И. Родимцев. Твои, Отечество, сыновья. Киев, 1966, стр. 150.

ческой партии и Советской Родине каждому вновь сформированному соединению присваивалось гвардейское звание и вручалось боевое гвардейское знамя еще до выхода в район боевых действий. Десантники получали более калорийное питание, повышенное денежное содержание. Особая забота проявлялась о их вооружении, снаряжении и обмундировании. Решение о их десантировании или использовании в боевых действиях в качестве гвардейских стрелковых соединений принимала только Ставка Верховного Главнокомандования. В воздушнодесантные войска направляли в основном коммунистов и комсомольцев. К осени 1941 года Советская Армия насчитывала уже двести тысяч* хорошо подготовленных парашютистов.

В декабре 1941 года Советская Армия, измотав и обескровив врага в тяжелых оборонительных боях под Москвой, перешла в контрнаступление. Необходимо было воспрепятствовать планомерному отходу вражеских войск и подходу их подкреплений. В середине декабря 1941 года и в январе 1942 года было заброшено несколько воздушных десантов на основные пути отхода вражеских войск. Парашютные отряды под командованием майора Н. Л. Солдатова, капитанов И. Г. Старчака, И. А. Суржика, Е. Н. Калашникова, действуя небольшими группами, оказывали помощь наступающим с фронта войскам в освобождении городов Клина, Волоколамска, Медыни и Юхнова.

В конце января 1942 года между Вязьмой и Смоленском были выброшены десантники 4-го воздушнодесантного корпуса (8, 9 и 214-я воздушнодесантные бригады). Неожиданным ударом они захватили важные узлы шоссеиных и железных дорог, освободили большой район Смоленщины, сорвали подход резервов фашистской армии и тем самым помогли контрнаступлению наших войск. В этих операциях участвовали наши земляки И. А. Боблак, Н. В. Кузьмин, П. А. Лепихин, Н. И. Первухин, М. С. Пермьяков, В. В. Солнцев, Г. Е. Шавшуков, В. С. Шатров.

Командование Западного фронта в своем приветствии личного состава 4-го воздушнодесантного корпуса назвало десантников чудо-богатырями.

Бывший гитлеровский офицер А. Гове в своей книге «Внимание, парашютисты!» пишет: «Высаженные русские парашютисты в течение многих дней удерживали в своих руках лес и, лежа при 38-градусном морозе на положенных прямо на снег сосновых ветках, отбивали все немецкие атаки...»**.

* См.: И. И. Лисов. Десантники, М., Воениздат, 1968, стр. 191—192.

** А. Гове. Внимание, парашютисты! М., «Иностранная литература», 1961, стр. 22.

Храбростью советских парашютистов, действовавших на смоленской земле, были восхищены и союзники.

Майор английской военной миссии, посетивший в числе нескольких иностранных офицеров находившегося в госпитале прославленного командира отряда десантников И. Г. Старчака, заявил: «О русских парашютистах мы самого высокого мнения...»

С трудом подбирая русские слова, стойкость десантников он назвал фанатизмом.

«По-вашему, это фанатизм? — ответил И. Г. Старчак, — а нашему, любовь к земле, на которой вырос и которую возвеличил трудом. Любовь к стране, где ты полный хозяин. И то, что советские бойцы бьются за Родину до последнего патрона, до последней капли крови, мы считаем самой высокой воинской и гражданской доблестью!»*.

А сколько мужества, героизма и отваги проявили в годы войны парашютисты-моряки! Им посвящен рассказ Леонида Соболева «Батальон четверых». Выброшенные с самолета за тридцать минут до начала высадки морского десанта, они обеспечили ему успешную высадку и выполнение поставленной задачи.

Среди парашютистов-моряков были и наши земляки. Пермский писатель Олег Константинович Селянкин дважды был сброшен на парашюте в тыл вражеских войск с разведывательно-диверсионной задачей: под Москвой и Сталинградом. С такой же целью был сброшен в тыл противника на Северо-Западном фронте моряк П. П. Скрипаченко, ныне проживающий в Перми.

В ночь на 4 февраля 1943 года был сброшен воздушный десант в районах Глебовки и Васильевки. Сковав значительную часть сил противника, он помог высадке морского десанта в Станичке, ставшей важным плацдармом при освобождении Новороссийска. В последующие дни сюда же были переброшены отдельный парашютнодесантный полк и другие части, входившие в 20-й десантный и 10-й стрелковый корпуса. Так возникла Малая земля, ставшая впоследствии легендарной. «...Там не было метра площади, куда бы не свалилась бомба, не упала мина или снаряд. Семь месяцев фашистские самолеты и пушки вдоль и поперек перепахивали клочок земли, на котором не осталось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Плавился камень, горела земля, и только советские солдаты вы-

* И. Г. Старчак. С неба в бой. М., Воениздат, 1965, стр. 166—167.

держали в этом аду», — свидетельствует Герой Советского Союза С. Борзенко в предисловии к книге И. С. Шияна «На Малой земле».

Участниками десанта и боевых действий на Малой земле были В. Гайнулин из Кизела, Ю. Д. Вечтомов и П. Е. Кутявин из Перми, И. К. Онянов из Нытвенского района и многие другие наши земляки.

Продолжая откатываться под ударами советских войск, гитлеровское командование надеялось остановить наступление их на Днепре. Гитлер потребовал от своих солдат ни в коем случае не допустить форсирования Днепра Красной Армией и позиции удерживать до последнего человека.

Для успешного форсирования Днепра и захвата плацдарма Ставка Верховного Главнокомандования во второй половине сентября 1943 года приняла решение выбросить воздушный десант на правый берег Днепра в составе более десяти тысяч парашютистов. Десантники, встреченные ружейно-пулеметным огнем противника еще в воздухе, проявили беспримерное мужество и стойкость, с честью оправдали в бою звание гвардейцев.

Это было вынуждено признать и гитлеровское командование. В одном из приказов штаба 8-й немецкой армии говорилось: «Даже тогда, когда противник не имел боеприпасов, он атаковал и защищался с невиданным фанатизмом. Каждый десантник был вооружен кинжалом, который он искусно пускал в ход».

В числе этих десантников были пермяки В. М. Изотов, В. И. Краев, Н. В. Мещанкин, Е. В. Приданников, Н. Е. Трапезникова, М. Х. Хананов.

Наиболее широкое применение воздушные десанты нашли в конце 1945 года на Дальнем Востоке при разгроме Квантунской армии — самой сильной группировки японских сухопутных войск. Десантники должны были «быстро овладеть стратегическими пунктами, промышленными и военными объектами в глубоком тылу японских войск, чтобы не допустить уничтожения материальных ценностей и обеспечить разоружение японских гарнизонов. Эту задачу не могли с необходимой быстротой решить даже подвижные передовые отряды танковой армии и механизированных корпусов»*.

В центральные города Маньчжурии, на Ляодунский полуостров, в Северную Корею, на Южный Сахалин и Курильские ост-

* И. И. Лисов. Десантники. М., Воениздат, 1968, стр. 191—192.

рова было высажено двадцать воздушных десантов, сыгравших важную роль в разгроме Квантунской армии.

Японцы были вынуждены признать, что воздушные десанты для них были как снег на голову.

Примером этому может служить воздушнодесантный отряд в составе двухсот человек под командованием майора И. И. Белододеда, высаженный 22 августа в Порт-Артуре. Десантники разоружили японский гарнизон и охрану порта, перекрыли выход японских кораблей из гавани, заняли телеграф, телефонную станцию, вокзал, порт и другие объекты. Они взяли в плен около двухсот японских солдат, разыскали и задержали начальника гарнизона вице-адмирала Кобояси.

В разгроме Квантунской армии принимали участие десантники-пермяки П. П. Зуев, В. И. Климов, Г. Г. Ковин, П. В. Мосин, И. А. Пигалев.

В годы Великой Отечественной войны парашютисты-десантники участвовали в боях и в рядах гвардейской пехоты. Когда требовала обстановка, по решению Ставки Верховного Главнокомандования подготовленные воздушнодесантные части направлялись на наиболее ответственные участки боевых действий в качестве гвардейских стрелковых соединений.

Так, в феврале и марте 1942 года три воздушнодесантные бригады были направлены на Северо-Западный фронт. Одна из них, 1-я маневренная воздушнодесантная бригада, сформированная в Кировской области, состояла из воинов Пермской, Кировской областей и Удмуртской АССР. В составе этой бригады участвовали в боях под Демянском проживающие ныне в нашей области А. Г. Алдаров, И. В. Ашихмин, Ю. Д. Вечтомов, К. М. Возяков, В. Гайнулин, М. А. Главатских, И. Т. Косовских, Н. Е. Кокшаров, Л. И. Морозов, В. В. Онянов, Н. И. Селиванов, Г. И. Севастьянов, И. М. Судницын, В. К. Тиунов, П. М. Черепов.

Смертью храбрых пали в этих боях пермяки Глазырин, П. Горбунов, П. Коровин, В. В. Петров, Е. Ф. Тиунов.

В апреле 1942 года шесть воздушнодесантных бригад, сосредоточенных на Северном Кавказе, были переформированы в 32-ю и 33-ю гвардейские стрелковые дивизии.

В конце сентября 1942 года десантники 32-й дивизии остановили немецкое наступление на Туапсинском направлении и держали этот рубеж до января 1943 года, изматывая противника в жестоких оборонительных боях. В числе бойцов этой дивизии были А. Ф. Носов из Павловска, П. Е. Кутявин из Перми и другие.

Наши земляки Л. И. Морозов, В. Гайнулин из Кизела, В. В. Онянов из Очера, И. М. Судницын из Красновишерска,

В. К. Тиунов из Верещагино, Ю. Д. Вечтомов из Перми в составе 5-й гвардейской стрелковой бригады, бывшей 1-й маневренной воздушнодесантной бригады, форсировали Терек, сражались за освобождение станиц Наурской и Ищерской, города Моздок.

Неувядаемой славой покрыли себя гвардейцы-десантники в кровопролитных боях за Сталинград. В разгар жестоких оборонительных боев в августе 1942 года туда было направлено восемь гвардейских стрелковых дивизий (34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41-я), преобразованных из воздушнодесантных корпусов. В битве за город на Волге участвовали также 13-я и 33-я гвардейские стрелковые дивизии, состоявшие из десантников.

«...Это была действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие из них были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах. Дрались они геройски. При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой. Штурмовали группами. Ворвавшись в дома и подвалы, они пускали в ход кинжалы и финки. Отступления не знали, в окружении дрались до последних сил и умирали с песнями и возгласами: «За Родину. Не уйдем и не сдадимся!»*.

На подступах к Сталинграду героически сражались гвардейцы 40-й стрелковой дивизии, сформированной весной 1942 года в Московской области из 11, 12, 13-й воздушнодесантных бригад. В ее личном составе были в основном добровольцы Прикамья и Урала.

Навсегда сохранится в памяти народной героический подвиг шестнадцати гвардейцев этой дивизии во главе с младшим лейтенантом В. Д. Кочетковым. Два дня на Казачьем кургане, близ хутора Дубовой, горстка десантников отбивала яростные атаки танков и пехоты противника, уничтожив более ста вражеских солдат и шесть танков. Только один из них остался в живых. Это наш земляк, проживающий в Очере, — П. А. Бурдин.

Всеми миру известен дом Павлова — как «символ героической борьбы всех защитников Сталинграда... как памятник воинского умения и доблести гвардейцев». Так писала 31 октября 1942 года фронтовая газета в корреспонденции «Дом Павлова». В составе гарнизона знаменитого дома были и парашютисты-десантники И. В. Лосев из Губахи, В. И. Лицман, проживающий в Перми.

В Сталинградской битве в числе гвардейцев-десантников принимали участие И. В. Аликин, М. Ф. Ваулин, И. А. Боблак,

* В. И. Чуйков. Начало пути. М., 1962, стр. 208—209.

С. И. Безматерных, А. П. Бухтияров, З. Г. Гилев, М. А. Гушин, М. П. Долгих, М. П. Дурыманов, А. И. Киров, А. Н. Ключкин, Е. Ф. Кремлев, П. П. Мерзляков, И. П. Могиленских, А. Г. Негапов и другие наши земляки.

Вместо ушедших в действующую армию на Северный Кавказ и на Сталинградский фронт в сентябре 1942 года были вновь сформированы восемь воздушнодесантных корпусов. После прохождения необходимой подготовки эти корпуса были преобразованы в гвардейские воздушнодесантные дивизии (с 1-й по 10-ю) и в начале февраля 1943 года направлены на Северо-Западный фронт для разгрома Демянской группировки гитлеровской 16-й армии.

По признанию гитлеровского генерала Типпельскирха, «...около ста тысяч немецких войск оказались в окружении, и их в течение нескольких месяцев пришлось снабжать только по воздуху».

Участниками этой операции были пермяки Н. Гумаров, А. А. Завьялов, И. Т. Захаров, А. К. Кустов, В. Т. Мальцев, В. Т. Мечин, К. П. Микишев, Г. Муллаяров, Н. И. Окулов, А. П. Попов, И. М. Умрихин, И. Н. Шилов и многие другие.

Основной стратегической задачей гитлеровского командования летом 1943 года было уничтожение наиболее крупной группировки советских войск, расположенной на Курской дуге.

Верховное Главнокомандование, располагая сведениями о планах фашистов, разработало план ответных действий на весну и лето 1943 года. В нем предусматривалось: «Измотать противника в оборонительных боях и затем переходом в контрнаступление полностью разгромить вражеские войска, сосредоточенные в районе Курского выступа»*. В этом районе были сосредоточены значительные силы советских войск. Сюда были переброшены и воздушнодесантные дивизии.

12 июля в районе Прохоровки совместными усилиями всех родов войск главная вражеская группировка, наступавшая с запада и юга на Прохоровку, была остановлена. Кровавопролитные бои вели десантники 6-й и 9-й гвардейских воздушнодесантных дивизий. Это были жаркие и яростные схватки с врагом. Дух гвардейцев оказался сильнее брони фашистских танков. Гитлеровские войска начали отступать.

В жестоких боях под Ахтыркой и Котельевой особую доблесть и героизм проявили десантники 5, 7 и 8-й гвардейских воздушнодесантных дивизий, составлявших 20-й гвардейский стрелковый корпус 4-й гвардейской армии.

* Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1958, стр. 451.

Они прошли с боями свыше двух тысяч километров, участвовали в освобождении двух тысяч населенных пунктов, в том числе Будапешта, Вены, Бухареста. В ходе боев форсировали двадцать водных преград, среди которых такие реки, как Днепр, Южный Буг, Днестр и Дунай, разгромили более десяти немецких дивизий. Только пленных было взято свыше шестидесяти тысяч солдат и офицеров. Уничтожено, разбито и захвачено много вражеской боевой техники и военного имущества *.

В составе воздушнодесантных дивизий, входивших в этот корпус, были уроженцы и жители Прикамья: А. Г. Бельский, Е. П. Бобриков, И. А. Вавилин, П. С. Голубев, Н. Гумаров, П. С. Дьяков, А. А. Завьялов, И. А. Карпов, А. К. Кустов, В. П. Мечин, Н. М. Чазов, П. С. Уткин, Н. И. Шварев, Г. А. Шилов, И. М. Шипулин. Это наш земляк Н. И. Соболев пробрался в окопы гитлеровцев, закидал их гранатами и добыл боеприпасы для батальона.

В битве на Курской дуге, в боях за освобождение Украины, Белоруссии и Молдавии стойко и мужественно сражались воины из Прикамья: Н. П. Бажин, В. С. Воронов, В. С. Волков, А. П. Бухтияров, Ю. А. Гаврилов, В. И. Дедов, И. В. Десятков, Д. Ф. Кашин, И. А. Киров, А. А. Киров, Е. С. Коротков, Н. В. Кузьмин, А. Н. Максимов, В. М. Мошев, А. Д. Оборин, И. А. Пигалев, Е. Ф. Романова, И. О. Чайников, И. Н. Шилов.

Командир батальона В. С. Шатров из деревни Носята Верецагинского района, лейтенант В. Л. Веденьков из Кунгура за мужество и отвагу при форсировании Днепра удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Звание это 20 декабря было присвоено и командиру огневого взвода В. А. Сулову, ныне проживающему в Соликамске.

Воины-десантники участвовали и в освобождении Южной Карелии. В июне 1944 года сюда был направлен 37-й гвардейский стрелковый корпус в составе 98, 99 и 100-й гвардейских стрелковых дивизий. Почти за трехлетний период противник построил здесь мощную глубокоэшелонированную оборону (шесть полос долговременных укреплений с бронированными колпаками, отоплением и освещением). Кроме того, большую трудность для наступающих представляла и местность, изобилующая озерами, реками, болотами, лесами и валунами. Серьезным препятствием была глубокая и многоводная Свирь.

Массовый героизм десантников являлся здесь подлинной

* См.: Н. И. Бирюков. Трудная наука побеждать. М., Воениздат, 1968, стр. 271.

нормой поведения гвардейцев. Дивизиям корпуса было присвоено почетное наименование Свирских. В этой операции, длившейся менее двух месяцев, принимали участие и наши земляки А. Е. Землянский, А. А. Зубов, В. М. Изотов, Н. П. Калинин, К. Г. Нуриев, А. А. Перминов, Б. Я. Проскураков, М. Н. Ракинцев, В. Г. Шаров.

В числе двенадцати героев-комсомольцев, первыми форсировавших Свирь и захвативших плацдарм на правом берегу, был проживающий в Перми В. А. Маркелов, получивший за этот подвиг звание Героя Советского Союза.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны из воздушнодесантных бригад была сформирована 9-я гвардейская армия в составе трех гвардейских стрелковых корпусов.

В первой декаде марта 1945 года эта армия по указанию Ставки Верховного Главнокомандования вошла в состав 3-го Украинского фронта, войска которого, готовя Венскую наступательную операцию, вели тяжелые оборонительные бои в районе озера Балатон. Крупная немецкая танковая группировка пыталась «разгромить войска центра и левого крыла 3-го Украинского фронта и отбросить их за Дунай»*.

При освобождении от немецко-фашистских оккупантов Венгрии, Австрии и Чехословакии среди десантников 9-й гвардейской армии были наши земляки Н. Г. Агеев, А. А. Бабинцев, В. И. Баранов, Е. П. Бобриков, В. Я. Болотов, Ф. Я. Бронников и другие.

Среди выявленных двухсот пермяков, ветеранов-десантников, шесть Героев Советского Союза: В. Л. Веденьков, Ш. Г. Казанбаев, Н. И. Кузнецов, В. А. Маркелов, В. А. Суслев, В. С. Шатров.

В годы Великой Отечественной войны забрасывались с парашютом во вражеский тыл для выполнения специальных заданий командования пермяки М. З. Азанов, А. Г. Бельский, И. А. Боблак, Н. О. Бояршинов, Л. П. Валеева, Г. А. Волков, П. В. Верещагин, Б. Ф. Гаврюков, И. Э. Залкинд, В. М. Мурзин, Е. Ф. Николаева, М. П. Караксин, С. В. Чудинов и другие.

Совет Пермской секции ветеранов воздушнодесантных войск, входящей в Пермский областной совет ветеранов войны, 7 мая 1965 года организовал встречу бывших парашютистов-десантников, проживающих в Перми и области. Тогда же был избран организационный комитет секции и определены его задачи, главная из которых — установление всех бывших воинов воздушнодесантных войск, уроженцев и жителей Прикамья. С тех пор

* Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1958, стр. 707.

встречи боевых друзей-десантников Западного Урала проводятся ежегодно.

Интересной и богатой воспоминаниями была встреча парашютистов-десантников 10 мая 1970 года, посвященная 25-летию Дня Победы. Она проходила в Пермском гарнизонном Доме офицеров. На эту встречу прибыли бывшие десантники из Лысьвы, Соликамска, Кизела, Чернушки, Верещагино и из других городов страны.

Воздушнодесантные войска — это войска смелых и отважных. Годы войны с фашизмом показали всю силу и боевые возможности этого грозного рода войск. Смелость и мужество, преданность Родине, воинскому долгу, проявленные десантниками в боях с врагом, и сейчас служат образцом доблести и героизма. Как показали войсковые учения «Днепр» и «Двина», воздушнодесантные войска в современных условиях боевой обстановки приобретают все большее значение.

«Воздушнодесантные войска — это мужество высшего класса, храбрость первой категории, готовность № 1»*.

Много песен сложено в честь «крылатых бойцов», а еще больше легенд. И справедливо наш советский народ называет воздушнодесантные войска легендарными. Там, где на фронте или в тылу противника появлялись парашютисты-десантники, враг отступал, неся большие потери. Десантник всегда выходил победителем. Он даже смертью своей побеждал врага. Это о них, воздушных десанниках, сложены слова песни:

— Семнадцатилетние мальчики,
Смотревшие смерти в глаза,
Разведчики и автоматчики,
Мне слышатся их голоса.
Ребята ушли на задание,
Да так и остались в веках.
Прошла наша молодость ранняя
В воздушнодесантных войсках.

В этой книге рассказывается об отдельных эпизодах трудного боевого пути наших земляков, воевавших в воздушнодесантных частях.

А. Д. Пучнин, председатель совета Пермской секции ветеранов воздушнодесантных войск, инструктор парашютнодесантной службы, подполковник в отставке.

* В. Ф. Маргелов. Есть встать в строй! М., 1967, стр. 48.

С. МОКРОУСОВ

СПАСАЯ

СВЯТЫНЮ ПОЛКА

Казанбаев Шарифзян Габдурахманович родился в 1916 году в деревне Сараша Бардымского района Пермской области. После окончания семилетки и курсов в Свердловске работал дорожным мастером. Затем был избран председателем сельпо. В сентябре 1938 года был призван в армию. Службу проходил в 14-й воздушно-десантной бригаде. В составе 14-го полка 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в освобождении Белгорода, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Знаменки, Кировограда, в Корсунь-Шевченковской операции. На фронте вступил в КПСС.

При освобождении Молдавии,

оказавшись в окружении в составе штаба полка в селе Чоколтени 1 апреля 1944 года, ценою своей жизни спас святыню полка—гвардейское знамя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии старшине Шарифзяну Казанбаеву 13 сентября 1944 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Ш. Г. Казанбаев похоронен в селе Чоколтени Молдавской ССР. На месте его гибели установлен памятник.

Южная ночь наступила внезапно. Как-то быстро исчезли сумерки и наступила темнота. Зато небо сразу же засветилось тысячами звезд, которые горели значительно ярче, чем на Урале. Это сразу заметил Шарифзян Казанбаев, когда стал выстраивать своих солдат.

— Ну как, отдохнули? — спросил он своих подчиненных.

— А как же! — ответил за всех рядовой Иван Терентьев, бывший колхозник из Калининской области.

— А теперь, ребята, снова в поход. Наш гвардейский полк получил приказ: выйти в тыл к немцам, на рассвете захватить село Чоколтени и перерезать шоссе. Немецкие части должны попасть в окружение. Дальнейшая наша задача — не выпускать их из «котла». Не дать им возможности прорваться из окружения. Выступаем сейчас. Сначала пойдем по балке. Там стык двух немецких полков. Оба не прикрыты. Дальше — через буковый лес и виноградники. Предупреждаю: не курить, двигаться бесшумно.

Шарифзян Казанбаев привел свой комендантский взвод в Чоколтени, когда там с противником было покончено. Разведчики и солдаты первого батальона перерезали телефонные провода, которые тянулись от тыловых подразделений немецких полков, расположенных в селе Чоколтени, без шума убрали часовых и в короткой схватке овладели населенным пунктом.

Фашисты опомнились лишь к полудню, когда поняли, что шоссе перерезано и село Чоколтени находится в наших руках. Немцы бросили против гвардейского полка танки, бронетранспортеры, автоматчиков. Начался упорный бой.

На восточной окраине, возле крайней хаты, залег гвардии старшина Шарифзян Казанбаев со своими солдатами. На поле боя горели уже три вражеских танка, два бронетранспортера, валялись десятки трупов фашистских солдат. Немецкая пехота не выдержала такого отпора и откатилась.

Вскоре с востока показалась новая колонна фашистов. И вновь противник двинулся на деревню. Гвардейцы отбили и эту атаку.

Потом к фашистам подошло еще подкрепление. На позиции гвардейцев обрушился сильный артиллерийский огонь. Одно за другим вышли из строя четыре противотанковых орудия. У гвардейцев остались лишь противотанковые гранаты.

А немцы начали очередную, четвертую по счету, атаку. С востока подходили все новые и новые части противника. Гвардейский полк нес большие потери. Всего пятьсот человек насчитывал он, когда двинулся в тыл немцев. А здесь атаки следовали одна за другой. И все же гвардейцы мужественно удерживали захваченный рубеж.

Когда противнику удалось подойти к северной окраине села и захватить несколько домиков, Шарифзяна Казанбаева вызвали в штаб. Его встретили командир полка гвардии майор Бикеев и начальник штаба гвардии майор Фарберов.

— Гвардии старшина Казанбаев, — начал командир полка. — Нам нужно продержаться самое большее час-полтора. В пяти километрах отсюда находится наша кавалерийская дивизия. Она спешит к нам на помощь. Положение наше не из легких. Фашистов в десять раз больше, чем нас. Но мы будем сражаться до последнего солдата. Это — наш долг. Долг гвардейцев. На тебя возлагаю очень ответственную задачу — спасти гвардейское знамя. Я верю в тебя. Ты — коммунист и все сделаешь, чтобы спасти святыню нашего полка.

— Умру, но не отдам знамя врагу, — ответил старшина Казанбаев.

Фарберов снял с древка гвардейское знамя полка и вручил его Казанбаеву. Тот сразу же спрятал его под гимнастерку.

— С тобой пойдут пять солдат. Будет надежнее, — сказал Бикеев.

Через несколько минут гвардейцы выбрались на южную окраину села. Они благополучно миновали виноградники, небольшой яблоневый сад, затем вошли в буковый лесок, который тянулся вдоль шоссе.

И здесь, километрах в двух от деревни, их заметили немцы. Начался жестокий неравный бой. Гвардейцы бережно расходовали каждый патрон. Стреляли только наверняка. Они не давали противнику приблизиться ни на один метр. Разъяренные неудачей, немцы бросили против советских воинов бронетранспортер и роту автоматчиков. Очередью из пулемета Шарифзян перебил скаты бронетранспортера, и машина остановилась. Выпрыгивающие из нее фашистские солдаты тут же были скошены пулеметной очередью.

Но в неравной схватке таяли силы гвардейцев. В живых оставались только двое — Казанбаев и рядовой Терентьев. Отражая натиск врага, Шарифзян все время думал о том, как спасти знамя.

— Иван! — крикнул он Терентьеву. — Прикрой меня огнем.

Я закопаю знамя в землю. Если погибнем — наши найдут нас и догадаются, где искать знамя.

Казанбаев начал руками разгребать около себя землю. Сделав небольшое углубление, он положил туда свернутое знамя. И вдруг вскрикнул Иван Терентьев, сраженный вражеской пулей. Автомат выпал у него из рук.

Шарифзян Казанбаев остался с врагом один на один. От ран слабели руки, кружилась голова. Но он продолжал вести бой.

Вот от его меткого выстрела свалился вражеский автоматчик, за ним еще несколько человек. А фашисты все приближались и падали, сраженные меткими пулями уральца. Но гвардеец слабел с каждой минутой. Кровь из ран на руке и груди сочилась на землю, где лежало спрятанное знамя, и некогда было сделать перевязку.

Когда от меткого выстрела на землю свалился четырнадцатый гитлеровский автоматчик, Шарифзян получил третье ранение — в голову — и потерял сознание.

Он очнулся под вечер. Услышав шум автомашин и цокот копыт, Шарифзян поднял голову. По дороге двигался отряд казаков в кубанках, с алыми лампасами на шароварах. Он крикнул им, замахал правой рукой — подняться уже не было сил. К нему подъехали несколько кавалеристов во главе с офицером.

Шарифзян слабым голосом произнес:

— Тут, подо... мной... знамя нашего полка.

Он слегка подвинулся, сдвинул холмик земли и обнажил алое полотнище. Он пытался вынуть его из углубления, но смог только приподнять угол знамени. Потом пальцы его разжались, и гвардеец снова приник к земле.

В тот же день кавалеристы доставили знамя в гвардейский полк. Омытое кровью гвардии старшины Шарифзяна Казанбаева, спасенное ценою жизни его и товарищей, гвардейское знамя вновь развевалось над полком.

В селе Чоколтени свято чтут память героя с Урала. Его имя носит пионерская дружина местной школы. На могиле Шарифзяна Казанбаева жители деревни установили бюст.

О. СЕЛЯНКИН

ОДИН

ИЗ ДВЕНАДЦАТИ

Маркелов Владимир Андреевич родился в 1925 году в деревне Новая Подбаска Мелекесского района Ульяновской области. К началу Великой Отечественной войны окончил девять классов и поступил в школу ФЗО в Ульяновске. После окончания школы, с 1942 года, работал на Ульяновском автомобильном заводе. В январе 1943 года добровольцем ушел в Советскую Армию, где был зачислен в воздушнодесантные войска. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1944 года. На груди коммуниста Владимира Андреевича Маркелова, кроме боевых наград, есть и орден «Знак Почета».

В настоящее время офицер В. А. Маркелов продолжает службу в Советской Армии.

В июне 1944 года войска Карельского фронта готовились форсировать многоводную Свирь, на правом берегу которой, на участке Ошта — Свирьстрой, фашистские войска занимали крупный плацдарм. Форсирование любой водной преграды — дело сложное, требующее большой подготовки и точного расчета. А здесь все усложнялось тем, что фронт на этом участке стабилизировался три года назад. Враг глубоко зарылся в землю, успел создать три линии укреплений.

Советское командование понимало, что форсирование реки в таких условиях — задача очень сложная, и к операции войска готовились хотя и быстро, но очень тщательно, план ее разрабатывали во всех деталях. Операции должна была предшествовать артиллерийская подготовка в течение трех с половиной часов. Цель ее — подавить огневые точки врага, сделать бреши в проволочных заграждениях, уничтожить хотя бы часть главных оборонительных сооружений. Знали, что враг имеет батареи и огневые точки, которые затаились и обнаружат себя только в самый решающий момент нашего наступления. А сколько их, этих точек? Какова их огневая мощь? Нужно заставить их открыть огонь, потом — засечь и подавить. Но как заставить врага пойти с главного козыря?

Наконец решение было найдено: когда огонь нашей артиллерии будет перенесен в глубь обороны противника, начать ложное форсирование Свири.

На воду спустили двенадцать плотиков, на которых были размещены чучела людей и макеты боевой техники. К каждому из плотиков нужен был смельчак, который вел бы плотик в заданном направлении и стрелял по врагу, создавая картину общего наступления.

Над тем, где взять двенадцать смельчаков, долго не думали: в любой части найдутся. Но выбор пал на бойцов 300-го гвардейского полка воздушных десантников.

Только объявили, что надо добровольцев на опасное дело, — десятки солдат вышли из строя на два шага вперед. Из них и выбрали двенадцать. Самых лучших. Таких, что в любой переделке не дрогнут. Среди них оказался и ефрейтор Владимир Маркелов.

Каждому из двенадцати объяснили общую и его личную за-

дачи. Потренировались в форсировании водного рубежа и в штурме укрепленной полосы.

А потом настала ночь на 21 июня 1944 года. Белая ночь. Отчетливо видны не только редкие пряди белого тумана, лениво плывущего над Свирью, но и деревья на том берегу, где затаился враг. Было удивительно тихо. Казалось, и нет никакой войны. И вдруг разом ударили многие пушки. По нежно-голубому небу заметались багровые сполохи, а на правом берегу Свири разорвались первые наши снаряды, круша доты и дзоты, выворачивая из земли кольца с колючей проволокой. Сначала враг попытался вести ответный огонь, но скоро умолк.

Ровно за сорок минут до конца нашей артиллерийской подготовки был отдан приказ:

— Двенадцать плотов на воду!

И еще немного погода:

— Начать движение!

В этот момент, словно намереваясь помочь врагу, подул легкий ветерок и поднял над рекой клочья тумана, которые хоть как-то маскировали плотики.

Наша артиллерия продолжала крушить укрепления врага. Ее огонь стал еще яростнее, и все равно только двенадцать плотиков, за каждым из которых прятался смельчак, были мишенью для всех уцелевших огневых точек. На них обрушился весь вражеский огонь. Сначала — пулеметный и автоматный, а потом — минометный и орудийный. С плотиков зло ответили автоматным огнем.

Вражеские пули, осколки мин и снарядов впивались в бревна плотика, прошивали насквозь лежащие на них макеты, пузырили воду около головы Маркелова, но он упрямо продолжал продвигаться вперед, толкая перед собой плотик и короткими очередями отвечая на выстрелы.

Временами водяные столбы от разорвавшихся вражеских снарядов подымались так близко от плотика, что его швыряло, как щепку, и тогда казалось, что руки вот-вот выпустят скользкие бревна. Частокол водяных столбов совсем скрывал правый берег, но ефрейтор Маркелов все равно посылал туда короткие очереди. Он напоминал о себе, давал знать врагу, что еще жив, что движется вперед. Он вызывал огонь на себя.

Владимир не заметил, как наша артиллерия начала подавлять обнаружившие себя огневые точки врага. Он просто вдруг почувствовал, что вокруг плотика стало меньше рваться снарядов, что вроде бы не так густо летят вражеские пули. Он не оглядывался назад, смотрел только на правый берег, до ко-

того оставались уже считанные метры. Ефрейтор Маркелов твердо знал, что он обязан добраться до берега и броситься вперед, на врага, уничтожая его огнем автомата, ударами приклада или десантного ножа. Так гласил боевой приказ.

А если бы он оглянулся в это время назад, то увидел бы десятки плотов, плотиков, лодок и понтонов. Уже не двенадцать смельчаков, а тысячи рвались к вражеским укреплениям. Владимир Маркелов одним из первых ворвался во вражескую траншею.

Родина высоко оценила его подвиг, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 года ему, как и всем остальным одиннадцати смельчакам, было присвоено звание Героя Советского Союза.

А потом были День Победы и Парад Победы в Москве. И по Красной площади мимо Мавзолея В. И. Ленина прошагал старшина Владимир Маркелов. Он был одним из тех, кому выпала высокая честь представлять на этом параде нашу Армию, армию-победительницу.

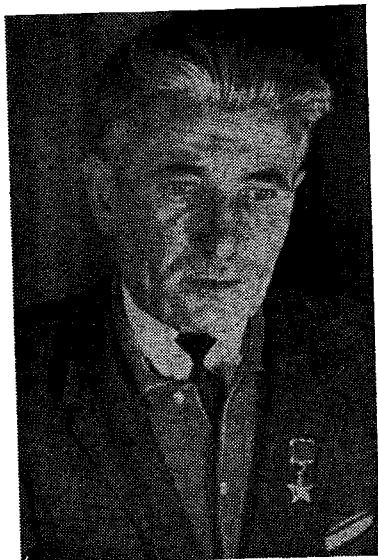
После войны Владимир Андреевич Маркелов, уже будучи отцом семейства, продолжил учебу в школе, затем окончил военное училище и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. И всюду он пользовался авторитетом и уважением. В академии товарищи неоднократно избирали его секретарем своей партийной организации.

В. СВАЛОВ

НА ПРАВОМ

БЕРЕГУ ДНЕПРА

Суслов Василий Афанасьевич родился в 1921 году в деревне Орловка Чердынского района Пермской области. В 1939 году по призыву комсомола поехал работать на Дальний Восток. Вскоре был призван в армию. В конце 1942 года младший сержант Суслов прибыл на Северо-Западный фронт и был направлен в 5-й полк 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. В ее составе В. А. Суслов участвовал в боях под Старой Руссой, в освобождении левобережной Украины, в битве за Днепр. Здесь он стал коммунистом. Здесь совершил подвиг. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 декабря 1943 года.

В настоящее время В. А. Суслов живет и работает в Солянкамске.

К переправе через Днепр подошли ночью 1 октября 1943 года. Темно — хоть глаз выколи. Отцепив свою 75-миллиметровую пушку от «виллиса», расчет покатил ее по понтонному мосту на руках. Рядом сплошным потоком шли пехотинцы. Разбившись по двое, они волокли снарядные ящики. Некоторые несли снаряды под мышками.

Река шумела под понтонами глухо и тревожно. Этот мощный шум не могли заглушить довольно частые разрывы снарядов и мин — немцы держали переправу под постоянным обстрелом. Иногда снаряд попадал в мост, и к месту разрыва устремлялись молчаливые саперы, стоявшие под огнем по краям моста, оберегая всех переправляющихся на ту сторону от неверного шага. А в этой крошечной тьме шагнуть с моста в реку совсем недолго. Направление движения угадывалось слабым заревом над высоким берегом — там шли упорные, не замолкавшие даже ночью бои. И надо было спешить туда...

Вот такой запомнилась переправа Василию Сулову. Много позднее военный историк так описал эту обстановку:

«Крупного успеха при форсировании Днепра достиг Степной фронт. Первыми вступили на правый берег северо-западнее Верхне-Днепровска войска 7-й гвардейской армии. В ночь на 25 сентября передовые подразделения, широко используя подручные переправочные средства, преодолели реку и захватили небольшие плацдармы. К утру сюда переправились основные силы стрелковых полков и часть артиллерии. Отражая ожесточенные контратаки, войска армии за пять дней соединили занятые плацдармы в один общий, расширив его до 25 километров по фронту и до 15 километров в глубину. К 30 сентября форсировали Днепр и остальные армии».

С помощью пехотинцев расчет Василия Сулова тащил свою пушку на высокий берег. Сзади подпирали пушки других расчетов.

— Давай!.. Вперед!.. Чего там? — Командир батареи карабкался по склону рядом и тоже впрягся, помогал провернуть тугие колеса вверх по склону. Когда одолели крутизну берега, стало полегче. Но еще несколько километров навстречу бою пришлось тянуть пушку все вверх и вверх.

Вся ночь прошла в тяжелом физическом напряжении. Выка-

тили пушку на огневую позицию, взялись за лопаты — рыть укрытие для пушки, окоп для склада снарядов, щели для себя. А утром начался бой. Да так и не кончился этот бой почти двенадцать суток. Отбивая яростные контратаки немцев, «расчет уничтожил три танка, двенадцать огневых точек противника и до роты живой силы», — так писал в донесении командир батареи.

Потом бои затихли. Немцы перегруппировались для новых попыток столкнуть наши войска в Днепр. Не дремали и наши. Прибывали новые силы, укреплялась оборона плацдарма. Пушку Василия Сулова выдвинули прямо на передовую — на прямую наводку, сразу за небольшой деревушкой со странным названием Мичурин Рог. От края кукурузного поля в сторону немцев уходил покаты́й широкий лог. В дальнем его конце виднелись белые мазанки другого села.

— Танкоопасное направление, — сказал комбат. Но Сулов и сам понимал, какой участок достался его расчету.

За ночь оборудовали позицию, приготовили боеприпасы, замаскировали пушку сухими кукурузными стеблями. Оставив охранение, расчет устроился отдыхать. Только заряжающий Григорий Жуков все еще рылся в окопе.

— Углубить еще немного надо и нишу вырыть...

Глубина щели, если ее рыл Жуков, всегда была почти два метра. А внизу еще и в сторону сделает углубление, чтобы спать не под открытым небом. Жуков был самым старшим по возрасту, хозяйственным и расчетливым солдатом. Он спокойно сносил насмешки острого на язык наводчика Саши Друзенко и прозвище Крот принял от него равнодушно. Как-то так получилось, что именно Жуков всегда готовил укрытие и для командира. А потом это укрытие стало общим для обоих.

Перед рассветом, укутавшись шинелью, Сулов прилег возле орудия. Но спать не пришлось. Только задремал, как наблюдатель тронул за плечо.

— Смотрите. — Он протянул бинокль и показал рукой в сторону дальнего конца лога. На фоне белых стен мазанок уже можно было различить движение.

«Танки!» — мелькнула догадка.

Одна за другой машины поворачивали в лог. Сулов лихорадочно закурил рукоятку полевого телефона.

— В лог сосредоточиваются танки, — доложил он.

— Сколько?

— Не знаю... Есть продолжать наблюдение и не стрелять без приказа!

Светало быстро. Вот уже за Днепром начало разливаться за-

рево восхода. Лучи солнца позолотили далекие сады и левяды. Танки все прибывали в лог и медленно приближались к выходу из ложины. Ясно были видны обрاملенные белым черные кресты на броне. Стал слышен лязг гусениц.

«Расстояние пятьсот метров», — мысленно определил Суслов.

Он огляделся. Все ли готово к отражению танковой атаки? Саша Друзенко с побледневшим лицом приник к окуляру прицела. Иван Шумов и другие подносчики снарядов тянулись через бруствер, стараясь разглядеть врага. Они возбужденно обменивались короткими замечаниями. В голосах чувствовались тревога и решимость.

— Откуда их столько?..

— Ну, держись, братцы!..

Только заряжающий Григорий Жуков, кажется, совсем не интересовался тем, что происходит впереди. Он деловито раскладывал поудобнее ящики с бронебойными и подкалиберными снарядами, сложил у бруствера щели кучку гранат Ф-1. Отдельно от них положил три противотанковые гранаты и стал сосредоточенно вставлять в них запалы.

Ожидание становилось тягостным, и Суслов командовал:

— Всем с бруствера!.. Проверить личное оружие, запалы в гранаты ввернуть... Приготовиться к отражению танковой атаки противника...

Суслов внимательно наблюдал в бинокль за тем, что происходит в логу. Танков становилось все больше. Докладывая об этом по телефону, он оглянулся и посмотрел в сторону НП, расположенного на самом гребне прибрежных холмов. Где-то там и остальные орудия, но разглядеть их невозможно.

Из-за Днепра, со стороны солнца, нарастал гул самолетов.

— Штурмовики идут, — обрадовался Суслов. — Ну, держись, фрицы!..

А из лога уже выползли первые танки. Карабкаясь на пологие распаханные склоны, они расходились веером для атаки. Прямо на орудие ползла тесная группа танков. Тяжелый головной танк был уже меньше чем в трехстах метрах, когда последовала команда открыть огонь. Началась отчаянная дуэль пушки и танков.

Первым же снарядом головной танк был подбит. На его броне заплясали языки пламени. Еще два выстрела, и второй танк, обошедший подбитую машину слева, тоже встал. Вот загорелась еще одна машина, вставшая правее остальных. Вот и четвертый танк остановлен...

Но и пушка оказалась под обстрелом. Сразу восемь или десять танковых пушек вели прицельный огонь с близкого расстояния по огневой позиции сусловского расчета. Снаряды взрывали бруствер, рвались впереди, справа, слева. Фонтаны земли закрывали обзор, свистели осколки, сверху непрерывно сыпались комья глины. Но через равные промежутки времени пушка посылала снаряд за снарядом навстречу врагу.

И вдруг выстрела не последовало. Суслов хотел крикнуть Друзенко, но не увидел его у прицела. Саша был убит наповал. Бережно уложив безжизненное тело наводчика, Суслов сам встал к панораме.

Потеряно было совсем немного времени, а цели в перекрестии прицела казались уже огромными. Вот еще один танк запылал и еще... Разворачивая ствол то вправо, то влево, сержант Суслов посылал снаряд за снарядом в бронированные чудовища, меченные паучьими крестами. Было что-то невероятное в самом факте, что пушка еще жила. Счет подбитых ею танков уже перешел десяток. От расчета осталось только четверо... трое. А пушка чудом продолжала огонь.

Наконец они остались вдвоем: заряжающий и командир орудия. Ничего не замечая вокруг, Суслов стрелял и стрелял. Он обернулся от прицела к Жукову только когда тот не успел быстро перезарядить орудие. Заряжающий бежал со снарядным ящиком прямо по куче стреляных гильз, и они звенели под его ногами.

— Скорее!.. Заряжай!

Вся огневая позиция, так тщательно сделанная расчетом, сейчас была сплошь изрыта воронками и представляла месиво глины, металла и крови.

Последние выстрелы пришлось делать уже не вперед, вдоль ложины, а вправо, вдоль линии своих окопов. Несколько танков подошли вплотную к ним.

— Смотри! — Жуков оттолкнул Суслова от прицела и показал рукой ему за спину. Вдоль окопа прямо на орудие шел танк. До него не более двадцати метров. Пушку не развернуть...

— В укрытие!..

Фашисты не стреляли, уверенные, что теперь-то они просто раздавят этих смельчаков вместе с их проклятой пушкой. Мгновение — и выдернута чека предохранителя с противотанковой гранаты. Чуть выждав, когда танк приблизится, Суслов швырнул под гусеницу гранату.

— Есть еще один!

Вслед за подбитым танком к пушке двигались еще два. Навстречу им тоже полетели гранаты.

Все же силы оказались неравными. Фашистских танков было много, а за ними шли автоматчики. В окоп смельчаков плюхнулась граната. Жуков успел схватить ее за длинную деревянную рукоятку и выбросить. Потом окоп закрыла тень танка. Они едва успели заползти в нишу. И снова в окоп угодила граната... А потом стены окопа завалились, поползли.

Очнулся Суслов быстро. Жуков, прижавшись лицом к его шее, глухо стонал. В полуразваленном окопе они были засыпаны землей. Только в глубине ниши был воздух и можно было дышать. Звуки боя глухо доходили сквозь завал.

— Потерпи, Гриша, темноты дожидаться надо... Потерпи...

Но темнота не принесла тишины. Бой не прекращался. А рядом всю ночь гудели моторы. Немцы тягачами уводили в балку подбитые танки. Слышалась лающая речь фашистов.

На рассвете бой начал разгораться снова. Земля часто и гулко вздрагивала, и после каждого такого толчка на полузасыпанные лица бойцов валилась новая порция земли. В окоп спрыгнули двое немцев. То ли они сами были перепуганы насмерть, то ли шум боя мешал, но они не почувствовали присутствия двух русских солдат. А те всеми силами старались не выдать себя. Из окопа немцы вскоре убрались, но бубнили где-то рядом.

Днем шум боя стих. Немцы сидели на бруствере, гремели котелками, вызывая у Суслова чувство мучительного голода. А еще хотелось курить.

Временами говор немцев удалялся, и Жуков с Сусловым успевали перекинуться несколькими словами.

— Не могу больше, ноги... Давай попробуем выбраться, а?

— Нет, Гриша, это наверняка — плен. Если не сможешь терпеть, я взорву гранату... Лучше уж так...

И еще ночь прошла. А к полудню снова яростно задрожала от взрывов земля. Атаковали наши танки. Их моторы слышались рядом. Немцы поспешно отходили.

— Ну, дождались, Гриша. Давай выбираться...

Только откопав товарища, Суслов понял, каких сил стоило тому сдерживать стоны. Жуков был тяжело ранен в обе ноги. В обычных условиях он истек бы кровью. Но завалившая их земля сослужила добрую службу, сыграв роль тугой повязки, остановила кровотечение. Взялив товарища на спину, Суслов пополз по полю в сторону своих.

...Санитары встретили их уже на вершине холма, где был

раньше наблюдательный пункт артдивизиона. На госпитальном эвакуопункте они попрощались. Жуков ослабел. Прижимая к груди голову товарища, расплакался.

— Спас ты меня, командир... Спасибо тебе... А то бы плен...

— Это ты спас обоих. Твоя ниша в окопе...

Уже после войны Суслов разыскал своего товарища. Жуков еще в госпитале получил награду — орден Красного Знамени.

В поисках своего дивизиона Суслов обошел все известные ему места. Но за двое суток боев прошла не одна перегруппировка. Нашел он лишь остатки артсклада. Охранял его солдат из расчета второго орудия Ленков.

— Вот те на! А ваш расчет весь считают погибшим.

Суслов устало махнул рукой, давая понять, что сил нет рассказывать.

— Где штаб? — Он опустился на снарядный ящик и снял каску. Лицо Ленкова побледнело.

— Ты смотри, поседел ведь, — испуганно проговорил он и засуетился: — Не веришь? Глянь в зеркало. — И протянул осколок стекла.

Суслов как-то равнодушно посмотрел в зеркало. Черная щетина покрывала щеки. Тяжелые складки легли между бровей и на лбу. «Грязи-то...» В слезавшихся волосах широкой полосой на левой стороне легли белоснежные пряди.

— Видели, все видели, как вы дрались, — сказал, обнимая Сусллова, командир дивизиона. — Молодцы!.. Да, из мертвых встали вы с Жуковым... Старшину ко мне! — приказал он вестовому, а затем снова обратился к Суслову: — Как бы не отослал похоронную на тебя... Ну, рассказывай подробнее...

О. ДЕНИСОВ.

КОМАНДИР ДЕСАНТНОГО ВЗВОДА

Шатров Виктор Степанович родился в 1914 году в деревне Носята Верещагинского района Пермской области.

В 1936 году был призван в армию. В составе 120-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии участвовал в боях на озере Хасан. Затем был уволен в запас. В 1939 году младший лейтенант В. С. Шатров вновь в армии. Службу проходил в 10, 8, 7-й воздушнодесантных бригадах, 106-й и 107-й гвардейских воздушнодесантных дивизиях.

С первых дней Отечественной войны в составе 10-й воздушнодесантной бригады участвовал в боях на рижско-двинском направлении, в оборонительных боях под Москвой, Орлом и Мценском. В 1941 году в составе группы И. Г. Старчака он дважды был заброшен на парашюте

в тыл вражеских войск под Юхновом и Медынью со специальным заданием. В составе 3-го гвардейского воздушнодесантного полка 1-й гвардейской воздушнодесантной дивизии командир батальона В. С. Шатров принимал участие в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской, Балатонской оборонительной и Венской наступательной операциях. 22 февраля 1944 года за форсирование Днепра ему присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Красной Звезды и медалями.

В послевоенные годы В. С. Шатров продолжал службу в воздушнодесантных войсках. Совершил 486 прыжков с парашютом, имеет звание инструктора парашютнодесантной службы. В 1960 году вышел на пенсию. Живет в Харькове.

Он готовился стать агрономом, но апрельским днем 1936 года поезд увез Виктора Шатрова к берегам Тихого океана, где началась его нелегкая солдатская служба.

Неспокойно было на наших дальневосточных границах. Усердно постигал Шатров военную науку, стал командиром стрелкового взвода. В августовские дни 1938 года воспитанник Ленинского комсомола Виктор Шатров подал заявление о приеме его в ряды Коммунистической партии. Это было 5 августа. А на следующий день взвод, во главе которого шел молодой коммунист, уже штурмовал высоту Безымянная в районе озера Хасан.

В тот день Шатров трижды сходилась врукопашную с японскими самураями и трижды выходил победителем. Раненый, он оставался в строю, вновь и вновь поднимая свой взвод в атаку. Не один десяток захватчиков приобрел себе «жизненное пространство» от огня шатровского взвода. Так, на третьем году солдатской службы и двадцать четвертом году своей жизни младший лейтенант Виктор Степанович Шатров совершил подвиг, который был отмечен высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени.

Двадцать первую годовщину Великого Октября он праздновал в кругу односельчан. Истосковавшийся по земле хлебороб вновь вернулся к любимому делу. Его назначили старшим агрономом Сепычевской МТС. Но призванный в декабре 1939 года на переподготовку командиров запаса, он был оставлен в кадрах Советских Вооруженных Сил.

...Вновь шагает лейтенант Шатров во главе взвода. Правда, теперь к слову «пехота» надо непременно добавлять слово «крылатая». За спиной солдат парашюты, и потому десантников с полным основанием называют крылатыми.

Первый прыжок... Первые волнения и первые радости... На груди рядом с поблескивающим рубином боевым орденом появляется голубой значок парашютиста.

Война для Виктора Степановича началась необычно. 19 июня, поднятый по учебной тревоге, он вылетел на тактические занятия, когда было получено сообщение о начале войны с фашистской Германией. Их часть оказалась окруженной немцами.

Для десантников, готовивших себя к действиям в тылу врага,

наступило время проверки их боевого мастерства, идейной за-
калки.

Первый приказ был — соединиться со своими частями. Взвод лейтенанта Шатрова шел впереди полка, ведя разведку. Природа щедро одарила в тот год литовские земли. Спелые колосья ржи тихими волнами плескались возле дороги, по которой шел Шатров со взводом. Залюбовавшись хлебами, он не сразу понял смысл нарастающего в воздухе угрожающего свиста. Только когда где-то справа прогрехотал взрыв артиллерийского снаря-
да, он, словно очнувшись от сна, командовал: «Ложись!».

Взвод залег в придорожной канаве. Еще один снаряд разо-
рвался метрах в двухстах левее. И все затихло. Солдаты напря-
женно вслушивались в мирный шелест колосьев, ища взглядом
противника. Но вместо немцев на дороге показалась голубая
«эмка». Скрипнув тормозами, она остановилась на пригорке, и
из распахнувшейся дверки показалась знакомая фигура генера-
ла Безуглова.

— Рано, орлы, в землю прячетесь, — бросил он, подходя к
Шатрову.

— Под обстрел немецкой артиллерии попали, товарищ гене-
рал, — ответил командир взвода.

— Ну, так уж и под обстрел. Показалось, наверное, — в
том же шутливо-насмешливом тоне проговорил комкор, приса-
живаясь на обочину дороги.

Он едва успел опуститься на землю, как новый взрыв по-
тряс воздух, и голубая «эмка», подпрыгнув, как гуттаперчевый
мячик, загорелась во ржи.

— От реки бьют, — уже серьезно заметил генерал, взглянув
на карту. — Готовьтесь к бою, будем брать деревню.

Бой завязался сразу, как только первая цепь атакующих при-
близилась к деревне. Из окна крайнего дома застрекотал вра-
жеский пулемет. Одним прыжком перескочив через невысокую
изгородь, Шатров бросился к дому, срывая на бегу кольцо с
рукоятки гранаты. Еще секунда, и от ее взрыва вспыхнуло укры-
тие вражеского пулеметчика. Рядом затрещали винтовочные
выстрелы, заглушаемые звонкой пулеметной дробью.

Бой длился всю ночь и затих лишь с лучами восходящего
солнца. Немецкий гарнизон, который, по всей вероятности, пред-
ставлял собой головной отряд, отошел.

Полк продолжал свой путь. Колонна двигалась словно на
учениях. Ничто не напоминало о войне. В голове полка, ведя
разведку, по-прежнему шел взвод лейтенанта Шатрова. По пути
к нему примкнули сначала двое, а затем еще шестеро местных

жителей, уходивших от немецких оккупантов. Во второй половине дня разведка вышла к хутору, недалеко от которого начинались постройки городского типа.

Решив уточнить место нахождения взвода, Виктор Степанович, взяв с собой двух солдат и одного из местных жителей, направился к хутору. У дома под деревом стоял рыжеволосый мальчуган.

— Ты немцев не видел?

— Да вон они, — зло бросил мальчуган и махнул рукой в сторону городских строений.

Немцы, видимо, наблюдавшие за хутором, заметили разведчиков и открыли по ним ураганный огонь из трех станковых пулеметов. Шатров и сопровождавшие его солдаты бросились в кювет и поползли к своим. Но не успели они добраться до взвода, как, покрывая ружейно-пулеметную трескотню, над полем покатилося громовое «ура». Полк перешел в атаку и к вечеру овладел городом.

Первые бои с оккупантами увенчались победой. Однако находящаяся в тылу немцев крупная воинская часть советских войск не могла оставаться незамеченной. Вскоре стали поступать сведения о том, что гитлеровцы окружают полк. С целью сохранения сил было принято решение продвигаться дальше поротно и позводно.

Обходя крупные гарнизоны и уничтожая мелкие группы врага, взвод лейтенанта Шатрова продолжал движение к Даугавпилсу.

...И вот он снова среди однополчан. Аккуратный и подтянутый, стоит перед комиссаром бригады и слушает приказ о назначении его заместителем командира отряда, который должен быть заброшен в тыл врага.

Ноябрьской ночью с полевого аэродрома поднялись самолеты. Они шли на запад бомбить занятый врагом Смоленск, а лейтенант Шатров со своей группой десантников должен был дезорганизовать тылы танкового корпуса, который как составная часть немецко-фашистских войск наносил удар по Москве через Клин, Яхрому, Крюково.

Кромешный мрак окутывал лесную чащу в районе выброски. Это радовало и тревожило лейтенанта. Радовался он тому, что ночная тьма облегчала выполнение задачи; тревожился потому, что она затрудняла сбор отряда.

После приземления, спрятав парашют и сориентировавшись, Шатров двинулся по заданному азимуту. Один за другим подходили к нему бойцы. Группа шла к тому месту, где, по данным

разведки, должен был находиться вражеский склад боеприпасов.

Вдруг легкий порыв ветерка донес до них запах дыма. Еще несколько осторожных шагов, и десантники стоят около манящей теплом землянки. Как хочется зайти в нее хоть на минутку, отогреть ооченевшие руки, сменить промокшие портянки. Через железную трубу неслась чужая гортанная речь.

— «Постучим» и войдем, — приглушенным окающим баском шутит горьковчанин Горшков, обращаясь к командиру.

— «Постучим», — в тон ему отвечает лейтенант.

В боевом расчете Горшков — второй номер 50-миллиметрового ротного миномета. Но пока он представляет расчет в единственном числе. Первый номер, прыгнувший раньше, приземлился где-то рядом. И хотя это «рядом» может измеряться всего лишь несколькими сотнями метров, искать некогда. Десантник должен быстро принимать решение. Открыв лоток и взяв мину, Горшков ударяет ее взрывателем о колено, бросает в трубу и падает на землю. Через покосившуюся и осевшую железную трубу слышатся стоны, вопли. Еще два взрыва от брошенных гранат содрогают землю, и все затихает.

...Очень жарко пришло в ту пору воздушным десанникам. Идя по вражеским тылам навстречу нашим наступающим войскам, они попали под двухслойный огонь — своих и противника. Видели великую сокрушающую силу огня «катюш». И когда под утро с линии фронта донеслось победное русское «ура», Шатров и его боевые товарищи пережили великую радость: враг был сокрушен, он бежал, он не мог устоять перед силой советского оружия, силой духа советских воинов.

...Батальон, которым командовал теперь уже капитан Шатров, вышел к небольшой деревушке и едва остановился на привал, как приехал командир дивизии. Отозвав в сторону командира батальона и его заместителя по политчасти, он без вступления, просто, как о совершенно обыденном деле, сказал:

— Сегодня будем форсировать Днепр. Переправочных средств нет. Под рацию дадим одну надувную лодку. Сопроводить вас будет рота саперов. Задача: захватить и удержать плацдарм до перехода в наступление основных сил дивизии и танковых войск генерала Ротмистрова.

Повзводно батальон выдвигается в прибрежные камыши. Проходят 120 томительных минут ожидания, и от солдата к солдату передается команда: «Вперед!». Шатров взглянул на часы. Ноль часов 15 минут. Один за другим выходят из камышей лю-

ди и, растворяясь в ночной темноте, устремляются к противоположному берегу. Что ждет их там?

Но тишину нарушают лишь тихие всплески воды. А вот и песчаный островок посредине реки. Вымокшие, изнемогающие от усталости люди падают на песок. Минуту лежат неподвижно, затем поднимаются и идут дальше. До цели еще половина пути. Но даже не умеющих плавать это не страшит. Кто-то из идущих впереди нашел мель. Теперь вода едва покрывает плечи. Еще несколько усилий, и десантники выходят в камыши правого берега. Еще километр движения по болоту, и батальон оказывается в балке. Немцы молчат. Тишина. Затих и всплеск воды. Только слышно тяжелое дыхание людей, роющих щели.

Не успел Шатров отдышаться, как за спиной показалось запыленное осеннее солнце. Оно поднималось медленно, словно боясь упрека, что не помогло десанникам рассмотреть раньше те восемьдесят вражеских танков, которые шли им навстречу и угрожали смести все живое.

Вступать в борьбу с танками, не переведя дыхания после ледяной купели, при наличии одних только автоматов и саперных лопат, было невозможно. И командир батальона решил пропустить танки через свои позиции, не ввязываясь в бой без крайней необходимости. Медленно переваливаясь, машины с крестами прошли к реке и, видимо, ослепленные солнцем, не заметив ничего подозрительного, повернули назад. Десантники облегченно вздохнули.

— Перекурим, товарищ капитан, — обратился к Шатрову повеселевший ординарец Парахин.

Однако перекуривать пришлось недолго. Немцы, почуяв неладное, зашевелились. В небе появился «костыль» — разведчик, а следом за ним на позиции батальона хлынула новая волна танков. Правда, на этот раз их было вполовину меньше, зато шли они в сопровождении пехоты.

Вспыхнувший бой в первые же минуты принял ожесточенный характер. Роты лейтенанта Зоркина и старшего лейтенанта Шафигулина, пропустив танки, завязали борьбу с пехотой. А находящаяся во втором эшелоне рота лейтенанта Волкова вступила в единоборство с танками.

Трудно сказать, сколько времени продолжалась эта схватка. Но «тигры» не выдержали. Огрызаясь и пятясь, поползли назад. Четырнадцать из них остались на поле боя как памятники героизма наших воинов. Однако еще не успели из расположения батальона бронированные крепости, как на смену им пришли воздушные стервятники. Тридцать «юнкерсов» на бреющем по-

лете до ночи утюжили позиции батальона. Но ничто не могло сломить воли героев-гвардейцев. Они с честью выполнили приказ. На отвоеванный у врага плацдарм переправились основные силы дивизии, которые вместе с танковыми частями генерала Ротмистрова прорвали оборону врага и, развивая успех, двинулись на освобождение Кривого Рога.

Славной страницей в историю Великой Отечественной войны вошел этот бой батальона Шатрова на правом берегу Днепра. Родина высоко оценила мужество и стойкость своих воинов. Шестеро из этого батальона, в том числе и его командир, получили звание Героя Советского Союза.

А. ГРАЕВСКИЙ

БОЕВАЯ

ЗАКАЛКА

Первухин Николай Иванович родился в 1922 году в деревне Митрофаново Вагайского района Тюменской области. До войны работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Омске. В августе 1941 года призван в Советскую Армию. Служил в 211-й воздушно-десантной бригаде. В апреле 1942 года в составе 1-го батальона этой бригады десантировался в район Дорогобужа. Во вражеском тылу находился до июня. При выходе из тыла был ранен. После двухмесячного лечения участвовал в боях под Сталинградом, в освобождении городов Изюм, Барвенково, Кривой Рог, Брест, воевал в Восточной Пруссии, Польше, штурмовал Берлин, войну закончил под Прагой. Был командиром

взвода разведки. Член КПСС с 1945 года.

Награжден орденом Славы трех степеней, орденом Отечественной войны II степени и девятью медалями.

Н. И. Первухин демобилизован в октябре 1946 года. В послевоенные годы работал секретарем Верхнемуллинского райкома ВЛКСМ Пермской области. В настоящее время он живет и работает в Перми, является председателем Пермского городского комитета ДОСААФ.

Зимой 1941/42 года громкую боевую славу снискал дерзкий рейд конного корпуса генерала Белова по тылам врага. Много было уничтожено вражеских гарнизонов, много было лихих и неожиданных налетов, сеявших панику в стане фашистов. И фашистское командование организовало настоящую охоту за конниками, норовя во что бы то ни стало окружить и уничтожить их.

К концу апреля корпус находился во вражеском тылу, в районе Ельни. Положение складывалось тяжелое, немцы наращивали атакующие силы. И тогда на помощь отважным конникам были посланы воины-десантники.

Обо всем этом Николай Первухин узнал перед вылетом, когда роте объяснили боевую задачу.

Может быть, потому, что в тыл забрасывали сразу весь батальон, а в самолете сидела половина взвода — знакомые все ребята, учебные прыжки вместе делали, — все воспринималось как-то буднично, вроде бы как на учении. Но ведь и боезапас немалый при себе, и НЗ... Нет, какие уж тут учения!

Сбросили их над территорией, которую контролировали наши войска. Поэтому приземление и сбор прошли спокойно. Быстро, без суеты, собрался сначала весь взвод, а затем и рота. И тут же двинулись вперед. Снова все получилось, как на учении. От этого и чувствовали себя уверенней, хотя и понимали: скоро, очень скоро — в бой.

Да, передний край оказался километрах в двух. Уставших и потрепанных в боях гвардейцев Белова отвели с линии обороны. Их сменили десантники. Можно сказать, и окопаться толком не удалось, когда на опушке недалекого перелеска показалась цепь наступающих фашистов. Эту атаку отбили уверенно и быстро, открыв оружейный огонь. На какое-то время стало тихо. Командиры еще и еще раз проверили огневые позиции бойцов. Приказ оставался прежний — держаться во что бы то ни стало.

Сзади рубежа обороны, в километре-двух от него, проходила шоссейная дорога. Немцы стремились перерезать ее, чтобы лишить корпус Белова свободы маневра, вбить глубокий клин в его оборону. Да и танкам фашистским сподручней было бы действовать по дороге. Вот почему он был так важен, тот рубеж, который обороняли десантники.

Недолго длилась передышка. Ломаным строем выползли на опушку пять фашистских танков. За ними, пригибаясь, перебежками, двигалась и пехотная цепь...

Есть мгновения и часы, есть события, которые каждый человек помнит всю свою жизнь. У одного это счастливое объяснение в любви. У другого — душевные слова матери на крутом жизненном повороте. У третьего — скорбный миг расставания с отчим домом... И у каждого солдата — его первый бой. Ибо нет более сурового испытания, чем испытание огнем войны.

У каждого он запоминается по-своему, первый бой. Священной, стройной, последовательной картины этого боя никто, конечно, воссоздать не сможет. Но зато ярко и навсегда откладываются в памяти отдельные фрагменты, эпизоды, детали.

Николаю Первухину запомнилось, как командир батальона крикнул:

— Ребята! Не бойтесь! Мы все равно их подожьем! По каждому танку бить двум расчетам противотанковых ружей. И не паниковать!

А танки приближались, ведя огонь. Первухин торопливо целился в указанный ротным танк, нажимал спусковой крючок. Второй номер Василий Петров тут же подавал очередной патрон. Привычные, заученные движения не отвлекали от главного — танки шли вперед, надвигались.

Прицел, выстрел... Еще выстрел... Еще... Вдруг танк судорожно дернулся, встал. И почему-то сразу стало понятно: не по своей воле остановился, нет. Подбили! Успела мелькнуть в сознании радость, да тут же пропала. Хоть и подбитый, а огнем шпарит. Да и остальные танки все идут. И пехота за ними.

Но вот еще один танк будто наткнулся на что-то, замер. Но огонь тоже ведет, не загорается... А три танка уже совсем близко. И в неотвратимости их движения — страх. Липучий, противный, под ложечкой сосет. Просто по-звериному, всей шкурой, хочется удрать. Не убежать, а именно удрать. Пулей.

Но нет, не тому учились. От танка одно спасение — в землю зарыться и стоять, не паниковать. Он, когда близко, рядом, не так опасен. Тут у него и слаbinу легче нащупать. Жаль только, что окопаться как следует не было времени.

Один расчет противотанкового ружья вперед был выдвинут, там ему огневую определили. До последнего момента держались ребята, стреляли по танку. Да не смогли с ним совладать — навалился всей тяжестью, смял, раздавил. Эх, мелковаты окопчики-то... Теперь, значит, наша очередь? Но главное — огонь вести. Огонь! Огонь! Огонь!

Танки подошли вплотную к рубежу обороны десантников. И тут поднялся в окопчике во весь рост сержант Шумилов. Поднялся, размахнулся и точно под гусеницы швырнул противотанковую гранату. Взрыв ухнул густо, окутав танк дымом. И когда отнесло этот дым, то стало видно — подбит танк, обезврежен, на бок припал.

А две уцелевшие машины вдруг развернулись, добавили ходу и вскоре скрылись в перелеске. Пехота еще раньше туда откатилась, не выдержала огня. О трех же подбитых машинах фрицы вроде бы забыли. Не до них, стало быть, было. Посидели-посидели в них немецкие танкисты, да, видно, сообразили, что их скоро могут живьем взять. Повылезали из танков, хотели скрыться. Да не удалось. Ни одному.

На том и закончился первый бой Николая Первухина. А был этот бой жарким и коротким. И немцы больше в этот день наступать не пытались, тихо себя вели. Ночью же десантников с рубежа отвели.

Начались утомительные марши, перемежавшиеся короткими и кровавыми схватками с вражескими гарнизонами. Где с ходу, где по всем правилам наступления, а где из засады били фашистов. И, нигде не задерживаясь, двигались дальше.

Быстро растаяли боеприпасы, поврежденное противотанковое ружье пришлось бросить. Вооружились немецким оружием. К нему в каждом бою патроны можно было добыть. А вот с продовольствием было хуже. Трехдневный неприкосновенный запас давным-давно съели. Самолеты сбрасывают кое-что, но не всегда удачно. Скучно с питанием стало.

Чтобы пополнить запасы, командование решило внезапным налетом взять железнодорожный разъезд, на путях которого в вагонах было немало добра, в том числе и съестного. Главный удар по разъезду должен был нанести десантный батальон, в котором воевал Первухин. Собственно, от батальона осталась уже только одна рота. Но тем не менее сложную задачу поручили именно десанникам.

Разъезд решено было брать внезапной атакой, на рассвете. Десантники скрытно подошли к разъезду. И ударили зло и неожиданно, гранатами, пулями, штыками истребляя заметавшихся в панике фашистов.

Как только взяли разъезд, командир сразу же послал группу бойцов со взрывчаткой по железнодорожным путям с задачей подорвать их. И вовремя. Идущий немецкий бронепоезд из-за подорванных путей вынужден был остановиться на почтительном расстоянии. А огонь противотанковой пушки, которую

подвезли конники, заставил его убраться совсем. Операция для десантников прошла без потерь.

И снова — утомительные марши, стремительные налеты. И бои, бои, бои... Конники и десантники, непрерывно меняя направления ударов, постепенно отходили к югу, в леса.

В конце апреля высадили десантников под Ельней на подмогу корпусу генерала Белова. А выходил корпус в расположение наших войск уже в июне, под Калугой. Операция по прорыву вражеской обороны была, видимо, недостаточно согласована. Наши ударили с фронта в одном месте. Конники и десантники нанесли удар с тыла, но немного в стороне. Однако, как бы там ни было, выход был проведен мастерски. Наведя панику в ближнем тылу немцев, уничтожив огневые позиции их артиллерии, конники и десантники прорвали вражескую оборону, организованно, в полном порядке, вышли к своим.

Только Первухину не повезло. Когда проходили уже последнюю траншею, не то мина настигла его, не то граната. Сразу семь осколков впились в тело. Товарищи подхватили его на руки, быстро вынесли из боя.

После лечения в госпитале Первухин, как ни просился, в десантные части больше не попал. Направили его в 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию во взвод полковой разведки.

Здесь, в разведке, очень и очень пригодилась Николаю Первухину боевая закалка, полученная в десантных частях во время рейда в тылу противника. Разведчики частенько проникали в тыл, чтобы собрать необходимые данные, взять «языка».

За одну такую операцию, проведенную в Кривом Роге в ночь на 23 февраля 1944 года, Николай Первухин был удостоен ордена Славы III степени.

Разведывательная группа, в которую он входил, найдя удобный подход, проникла в тыл противника и, взяв на улицах города трех «языков», без шума вернулась назад.

Тогда командир дивизии приказал разведчикам немедля провести этим же путем роту автоматчиков. Рота благополучно просочилась в город, который был еще в руках врага, и в назначенное время, разбившись на группы, подняла в тылу у немцев такой шум, что гитлеровцы в панике бежали из города, не успев даже взорвать многие здания, где уже была заложена взрывчатка.

Летом этого же года полк, в котором воевал сержант Николай Первухин, тогда уже помощник командира взвода разведки, участвовал в операции «Багратион», в ходе которой была очищена от захватчиков Белоруссия. Здесь разведгруппа, кото-

рой командовал Первухин, отличилась дважды. Сначала под Бобруйском сумели взять «языка» с хорошо укрепленной обороны противника. А в ходе наступления, когда была окружена большая группа фашистских войск и требовалось уточнить ее численность и намерения, разведчики, устроив после тщательного наблюдения засаду, захватили очень ценного «языка» — офицера связи. Так на груди Николая Первухина появился орден Славы II степени.

Отличились разведчики под командой Первухина (он тогда уже принял взвод) при выходе на рубежи Родины. Перед атакой на Брест часа три в засаде просидели, но все же дождался — шел офицер с двумя сопровождающими. В короткой схватке офицера захватили и, несмотря на то, что шум поднялся большой, в часть вернулись без потерь и с «языком».

А после взятия Бреста командир полка вызвал Первухина и сказал:

— Светлого времени осталось часов пять. Немедленно организуй наблюдение, разведай брод. Ночью будете форсировать Буг. Нужно на том берегу зацепиться, плацдарм создать. А то, чего доброго, задержат нас фрицы. Этого никак допустить нельзя.

Первухин немедленно выставил наблюдателей, у местных жителей разузнал, где реку можно перейти вброд, где спрятаны лодки. К вечеру стало ясно, что оборона у немцев не сплошная. По обеим сторонам брода у них выставлены пулеметы, но на довольно большом расстоянии от него. Похоже, сплеховали фрицы, не знают, что здесь брод. Этим обязательно воспользоваться надо.

Когда стемнело, Первухин выслал вперед две группы, по два человека в каждой, с задачей — обезвредить пулеметы, и как можно бесшумней. Взвод приготовился к форсированию. Лежали, напряженно вслушиваясь в ночные шорохи. Думалось — вот сейчас начнется на том берегу пальба, обнаружат хлопцев.

Но вышло все не так. Осторожно замигал с той стороны реки фонарик. Значит, один расчет удалось снять без шума. Вскоре и вторая группа сигнал подала — второго расчета тоже не существует.

По горло в воде разведчики быстро перебрали Буг. Дыра в немецкой обороне по фронту порядочная образовалась. Теперь надо бы вглубь плацдарм расширять. Бесшумно двигаясь, вышли ко второй траншее. Отсюда Первухин донес командованию, что форсирование прошло успешно, выслал проводников для идущих следом подразделений.

Не ждали гитлеровцы, что наши войска с ходу, без всякой видимой подготовки форсируют здесь Буг. А по их тылам уже катились автоматные и пулеметные очереди, с ослепительными вспышками рвались гранаты...

Да, пригодилась Николаю Первухину боевая выучка, боевая школа, пройденная в десантных войсках. Не раз вспоминал о ней, не раз использовал опыт первых боев. И когда вручили ему орден Славы I степени, высшую солдатскую награду Родины, еще раз вспомнил эту выучку. С благодарностью вспомнил.

Г. СОЛОДНИКОВ

ТРЕВОЖНЫЕ

НОЧИ

Азанов Михаил Захарович родился в 1919 году в деревне Дворец Очерского района Пермской области. Член КПСС с 1945 года. В Советскую Армию призван в сентябре 1939 года. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде, в составе которой в 1941 году участвовал в обороне Киева. Затем в 4-й маневренной воздушнодесантной бригаде и 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которой участвовал в боях под Старой Руссой. За период войны трижды был заброшен в тыл вражеских войск с разведывательно-диверсионной задачей. В августе 1943 года был тяжело ранен и по состоянию здоровья вернуться на фронт не смог. В послевоенный период более двадцати лет находился на партийной работе. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

В настоящее время М. З. Азанов живет в Очере.

Самолет резко накренился. Михаил почувствовал, как его все сильнее и сильнее прижимает к металлической стенке.

«Прыгать будете с высоты тысяча двести — тысяча пятьсот метров. На крутом вираже...» — вспомнил Михаил предупреждение штурмана. «А как же иначе? Надо, чтоб люди приземлились как можно ближе один к другому и побыстрее собрались вместе».

«Значит, прибыли в заданный район», — подумал Михаил и не удивился привычному холодку в груди и тому, что слегка вспотели ладони.

Да, Михаил Азанов волновался. Волновался даже больше обычного, хотя за плечами было уже тридцать прыжков. Но те были тренировочными. А этот — боевой. Первый боевой прыжок. И такой необычный...

— Приготовиться!

Михаил автоматически поправил ремни на груди, пошевелил плечами под лямками парашюта и вещмешка.

— Пошел!

Из двух, находящихся на борту, первой прыгала пятерка, в которой был Михаил Азанов. Он видел, как сержант Саша Симонов, старший их группы, пригнувшись, стал протискиваться в дверь. Сильная струя воздуха от винтов заталкивала его обратно. Но вот он взмахнул рукой и исчез в темном проеме. Тут же шагнул к двери, закрыл ее своей широкой спиной Николаев.

Азанов на мгновение глянул в сторону Русинова и Медведева. Следом за ним они должны были выбросить на грузовом парашюте мешок с бутылками горючей смеси, а затем уже прыгать сами.

Напротив сидела вторая пятерка во главе с лейтенантом Димой. Фамилии его Азанов не знал.

Преодолевая сопротивление воздуха, Азанов выглянул в дверь, на мгновение увидел тусклую луну, скользящую внизу землю и шагнул в пустоту.

На исходе была ночь на 6 августа 1941 года.

И тогда тоже была ночь, полная неизвестности. Июльская ночь, отделенная от этой девятью днями. Их привезли на маши-

нах в местечко Бровары под Киевом. Приказали сдать армейское обмундирование. Выдали штатскую одежду. Разместили по частным квартирам. Михаил Азанов с четырнадцатью товарищами — все из одной роты — досыпал ночь на просторном сеновале. Что их ждет впереди? Никто этого не мог знать. Ясно было одно — особое задание.

О нем Азанов, как и все другие, впервые узнал от командира взвода.

212-я воздушнодесантная бригада стояла в то время под Борисполем. Уже месяц шла война, а они еще не бывали в боях. Воздушных десантников держали в резерве. И вдруг объявили: нужны добровольцы для выполнения особого задания. Азанов ни минуты не колебался.

Из трехсот добровольцев выбрали только двести. Полковой комиссар Лобанов был предельно краток:

— Сдать все личные вещи, документы, фотокарточки, письма. Они вам пока не понадобятся.

И все. Никаких лишних слов. Война! Все узнается в свое время.

День за днем понемногу стало все проясняться. Выдали личное оружие: автоматы, пистолеты ТТ, финские ножи.

— Нашего производства, — горделиво говорили уральцы, показывая на лезвии клеймо Златоустовского завода. Стали изучать немецкое оружие.

Затем к десантникам прибыл полковник Тутьхин. С каждым познакомился. Всех разбили на пятерки. Михаилу Азанову повезло. Попал под начало к пермяку Саше Симонову из Слудки, с которым и служил в одном отделении. Еще один из Пермско-Ильинского района — Русинов. Остальные двое: Николаев — из Свердловска и Медведев — с Полтавщины.

С каждой пятеркой отдельно занятия проводили офицеры из штаба фронта. Изучали оружие, вели огневую подготовку, учились четко ориентироваться на местности, владеть компасом. Потом на учебных столах появились русско-немецкие разговорники и карты занятых фашистами районов. И все это в считанные дни.

Вечером 5 августа им выдали вещмешки, по восемь килограммов тола, по триста патронов, по две банки сгущенного молока, по три плитки шоколада и галеты. Сказали:

— Это на первые дни. В основном будете на подножном корму.

В тот же вечер лично всех, каждую пятерку в отдельности, проинструктировали. Пятерке Симонова предстояло действовать

юго-восточнее Белой Церкви, в полосе продвижения третьего немецкого моторизованного корпуса. Цель — замедлить это продвижение: взрывать мосты, разрушать полотно железной дороги, выводить из строя связь. Особое внимание обратить на мост через реку Рось в районе Богуслава.

В ночь на 6 августа тридцать две пятерки — сто шестьдесят человек — погрузились в транспортные самолеты.

Успокоение пришло сразу же, как только раскрылся парашют и начался плавный спуск. Азанов огляделся. Сверху земля казалась покрытой густым кустарником. А вон и чистое место, поляна вроде бы. Досадно, что несет мимо нее. Все ниже, ниже... И только с последних десятков метров стало ясно, что это лес. Густой лиственный лес.

Хлестнули по телу ветви. Померк тусклый лунный свет. Азанова сильно дернуло, и он закачался среди высоких дубов.

Темень. Тишина. Только вздрагивают потревоженные ветки, трепещет листва. Сколько же до земли? Сбросил вещмешок. Внизу глухо стукнуло. Кажется, невысоко. Поправил автомат на груди, отстегнул ремни, распустил запасной парашют и по его стропам стал спускаться. Думал, что земля — вот она, под ногами. Отпустил стропы и — полетел куда-то в глубину, в треск сучьев, в оглушительное шуршание сухих листьев.

Затаился. Прислушался... Где-то протарахтела машина. Огляделся: оказывается, упал в яму. Ладно, что неглубоко. Вылез. Впереди просвечивает кромка леса. Тишина...

Полез на дерево. Кое-как обрезал стропы, стащил купол на землю, свернул. Выгреб из ямы листья, расковырял ножом землю, потом тщательно засыпал парашют, забросал сверху листьями.

Далеко впереди полыхал столб пламени. Он быстро ослаб, припал к земле и угас.

Долго ходил Азанов по дубраве. Свистел условным свистом, прислушивался — никого. Решил передохнуть. Залез под бурелом, растянулся на земле. Задумался.

Вот и для него вплотную началась война. Странно как-то. И, чего греха таить, страшно. Ни разу в бою не был, на расстоянии врага не видел, не стрелял в него. А тут, хоть и на своей земле, а вокруг враги. Невидимые, непонятные, может, совсем рядом где-нибудь затаились...

Шум, треск сучьев, топот. Михаил сразу не мог ничего сообщить. Так стремительно все произошло. Кто-то бежал. Бежал

прямо на него. Михаил прижался к земле, готов был втиснуться, погрузиться в нее... Прыжок. И прямо через него, через ва- лежину, перемахнула косуля.

Не сразу пришел в себя молодой десантник. Потом сообра- зил: кто-то потревожил косулю, просто так не станет она но- ситься в такую рань.

Снова отправился на поиски. Утро уже вовсю разыгралось. Никого. Утомился. Решил запрятать мешок и автомат, хорошень- ко запомнил место. Отправился налегке вдоль кромки леса, да- леко не углубляясь в него. Дождь начал накрапывать, потянул ветер. Вдруг послышался знакомый посвист. Еще и еще раз. Точно, он! Пошел навстречу, откликнулся.

Саша Симонов! Наконец-то! Тоже без автомата и мешка. А сам спрашивает:

- Где оружие, вещмешок?
- Спрятал.
- И я тоже. Пойдем заберем.

Стали по карте определяться. Ничего похожего нет. Ни одно- го знакомого ориентира.

Пересекли лес. Неподалеку в поле, на пригорке, вышка дере- вянная — геодезический знак. Рядом вагончик тракторный. По- наблюдали, выждали время. Рискнули заглянуть в вагончик.

Странно. Никого вроде не было видно. А тут печка еще сов- сем теплая. Надо уходить. Только было направились к лесу — знакомый свист. Оглянулись: из бурьяна возле вышки человек выходит.

— Николаев!

Заговорили о столбе пламени. Николаев раньше Азанова прыгнул. И огонь он раньше увидел. Ничего не было, темнота, и вдруг — резкая вспышка. Решили, что это их мешок неудачно приземлился, разбились бутылки, вспыхнула горючая жидкость. Медведева и Русинова встретили только на следующее утро. Во время поисков наткнулись на Александра Захарова из второй пятерки. Потом им повстречался лейтенант Дима. Лишь по его карте разобрались, что выбросили их километрах в тридцати от заданных районов.

Дождались ночи и пошли. Около десяти километров двига- лись вместе. Валили телеграфные столбы, сматывали десятки метров проводов, резали кабели связи.

День пролежали на глухой пасеке у старика. Тот ни о чем не расспрашивал. Рассказывал сам. В селе у них, дескать, разнесся слух, что выброшен десант «червоноармейцев». Немцы рыщут по хатам, прочесывают лес.

Поздним вечером группы расстались. У каждой было свое основное задание.

К месту действия вышли к концу пятого дня после приземления. По пути пересекли железную дорогу, в двух местах взорвали полотно, на нескольких участках вырезали телефонный кабель.

Действовали только ночью. Днем отсиживались в потаенных местах. А их было не так уж много. Местность довольно открытая. Небольшие перелески, глубокие, заросшие густым кустарником лога. А между ними — поля, поля. Хлеба большей частью были убраны, увязаны в снопы, составлены в кучки. От этого безлюдные нивы казались еще сиротливее и печальнее.

Тоскливо, тяжело было лежать где-нибудь в кустах или среди снопов долгий день. Солнце светило по-летнему. Золотило пустынные пажити, играло в поздней августовской росе. Вспоминался дом, родные места. Такие же поля и кучки ржаных снопов по обеим сторонам дороги от Очера до станции Верещагино. Вставал в памяти день на исходе сентября тридцать девятого года, когда они, шестнадцать комсомольских активистов из Очерского района, отправлялись служить в воздушнодесантные войска.

Где сейчас родная бригада? Где парни-земляки: Аркадий Бессонов, Агей Носков, Яков Соромотин, Алексей Носов, Евгений Кремлев? Что с ними?

Не знал тогда Михаил Азанов, что еще 7 августа их бригада вступила в бой с врагом в пригородах Киева. Вместе с десанниками из других частей они не только остановили захватчиков у самых стен «стольного града» Киева, но и отбросили их в некоторых местах на двадцать — тридцать километров.

Нет, не состоялся тогда парад вражеских войск на Крещатике. Уже 10 августа немцы вынуждены были прекратить лобовое наступление. Но продолжали действовать в обхват.

Вот и здесь, на шоссе, к которому вышли пять десантников, шли танки, бронемашины, автомобили с пехотой. Близко к дороге невозможно было подобраться. Место приречное, заболоченное. Лишь кое-где на сухих взгорках поднимался кустарник. Он и выручил. Прележали в нем целый день, наблюдая за движением.

Ночью продвинулись ближе к реке, обследовали мост, изучили подходы к нему. Мост был с деревянным настилом, но на железобетонных балках и сваях. С наступлением темноты дви-

жение по нему сокращалось. Постоянной охраны не было. Лишь патруль автоматчиков на машине регулярно проезжал через реку. Встанут на мосту, постреляют для острастки по прибрежным кустам и отправляются дальше по дороге. Потом возвращаются обратно. Так и ездят взад-вперед с интервалом в полчаса.

Прикинули. Этого времени вполне хватало, чтобы заложить взрывчатку.

Попарно дважды переплывали реку. Азанов с Медведевым, Русинов с Николаевым. Надо было хорошо узнать подходы с другого берега.

На следующую ночь часов около трех все пятеро подошли к реке. Николаев с Русиновым переплыли на другой берег и заняли облюбованную накануне позицию. Как только проехал патруль, к мосту придвинулись Симонов и Азанов. Под их прикрытием Медведев быстро заложил на мосту четыре заряда и поджег шнур. Все бросились от реки. Бежали полем, через высокую некошеную рожь.

Раздался сильный взрыв. Над мостом взвилось пламя, полетели обломки. А на том берегу бесновались фашисты. Трещали беспорядочные автоматные очереди, доносились крики.

Когда патрульная машина укатила обратно, десантники вернулись к мосту. Настил снесен начисто, балки сорваны. Жаль, только сваи целы. Времени бы побольше, можно было бы цеплять заряды к ним. Дольше бы не смогли вражеские саперы восстановить мост.

Потом вся группа двинулась в сторону Корсунь-Шевченковского, с тем чтобы перейти фронт и выйти в расположение наших частей в районе Черкасс. Так было определено заранее.

Но где она, эта линия фронта? Кто им мог сказать? Да и мог ли? Она была до того подвижна, что порой невозможно было понять, где свои, где чужие.

Еще пять ночей не давали немцам покоя, тревожили их всеми средствами. Запоминали все, что видели у врага. Каждая мелочь могла пригодиться.

Потом пятерка раздробилась. Азанов пошел с Симоновым, Русинов с Медведевым, Николаев — один. Так было удобнее просочиться через заслоны врага. Да и больше было шансов на то, что кто-нибудь обязательно доберется до своих и доложит командованию о выполнении задания.

Фронт они перешли, даже не заметив его. Наткнулись на нашу небольшую передовую группу. Обрадовались. Но особое за-

дание — есть особое. О нем знаешь ты, твое непосредственное начальство да кто-нибудь из промежуточных. Постороннему же попробуй объясни, кто ты таков! Документов нет. А словам на войне кто поверит?

Только когда все прояснилось, Симонов с Азановым стали пробираться дальше. Сначала в Дарницу, пригород Киева, а затем в Бровары, где по-прежнему находился штаб фронта.

Не предполагал Михаил Азанов, что это не последнее его возвращение через линию фронта. Всего лишь первое. А сколько еще предстояло впереди ночных переходов по тылам врага!..

★ ★ ★

Б. ПАХУЧИХ

ВЕСНА

СОРОК ПЯТОГО

Баранов Виктор Иванович родился в 1918 году в Перми. В сентябре 1938 года был призван в Советскую Армию. До сентября 1944 года проходил службу в 202-й воздушнодесантной бригаде на Дальнем Востоке, затем в 22-й воздушнодесантной бригаде под Москвой. В составе 350-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии принимал участие в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии. Член КПСС с 1949 года.

Старшина Баранов В. И. награжден орденом Красной Звезды и семью медалями. Демобилизован в 1947 году. Живет в Перми. Работает на заводе имени В. И. Ленина мастером. В послевоенный период награжден медалью «За трудовую доблесть».

В марте 1945 года стрелковая дивизия, сформированная на основе воздушнодесантной бригады, пройдя с боями большую часть Венгрии, заняла позиции у реки Рабы.

Только успели окопаться в твердой каменной почве, подтянуть боевую технику — конец передышке. Опять жаркие бои за каждый клочок вспаханной, изрытой снарядами земли. Немцы засеяли на высотах, в густом леске, не жалели патронов. А все наши нехитрые сооружения видны с высокого противоположно-го берега как на ладони.

Из приказа Верховного Главнокомандующего
от 24 марта 1945 года.

«Войска 3-го Украинского фронта, отразив атаки 11 танковых дивизий немцев юго-западнее Будапешта и измотав их в оборонительных боях, перешли в наступление, разгромили танковую группу немцев и продвинулись вперед на фронте протяжением более 100 км».

Вечером командир роты связи лейтенант Мишкин вызвал старшину Виктора Баранова.

— Ситуацию объяснять не буду. Надо форсировать реку и гнать врага дальше, в его логово. Твоя задача — перебраться на противоположный берег, обеспечить телефонную связь и дать точные координаты огневых средств противника. С тобой пойдут разведчики.

Виктор Баранов короткими перебежками от валуна к валуну выбрался к реке. Затаился, когда немец полоснул из пулемета вдоль берега, затем шагнул в воду. Наткнулся в тростнике на старую лодку. Проверил, нет ли в ней пробфин. Лодка была в целости.

Четверо разведчиков, с которыми ему предстояло идти на задание, наладили плот. Стоя по пояс в холодной воде, они связали несколько тяжелых и скользких бревен. Порядок!

Баранов вернулся в свою землянку. Предупредил рядового Казакова, выделенного ему в помощь для обеспечения телефонной связи, что начало операции в четыре ноль-ноль.

Из письма родным. Март 1945 года

«...Завтра ухажу на задание. Обычное боевое задание, так что беспокоиться не о чем. Надеюсь до Берлина

дойти и вернуться домой живым и здоровым. Сейчас мы у речки Рабы. Дал же кто-то ей такое имя — Раба! Никакой в ней рабской покорности нет. И не широка совсем, а попробуй переплыви!.. Силища такая прет, что удержу нет. Враз сомнет и растопчет.

А вообще к Венгрии таки не успел приглядеться...»

Без четверти четыре Баранов встал, плеснул в лицо холодной воды. Еще раз перечитал письмо, написанное вечером при тусклом свете огарыша, подумал о том, что не мастак он описывать военные баталии, да, наверное, и не нужно это. Война — тяжелые, изнурительные будни, в которых нельзя ошибиться, расслабиться.

Сунул письмо в вещмешок, наскоро собрался. Казаков уже был готов в путь-дорогу. В темном, затянутом тучами небе повисли гроздь осветительных ракет. И сразу тяжело и мерно ударили наши гаубицы. Началась артиллерийская подготовка на соседнем фланге. Отвлекающий маневр. Пусть думает враг, что именно там наши части наступать собираются. А тем временем здесь разведка на противоположный берег переправится.

Лодка тихо, без всплеска, пошла. Заземилась сзади телефонный кабель. Рядом плот, на котором распластались разведчики.

Течение подхватило их и понесло. Характер у Рабы с норовом, того и гляди, опрокинет или каким-нибудь корневищем зацепит.

Немцы, почуяв неладное, зашевелились. Пулеметные очереди аккуратно прошли пенистую, вздыбленную массу воды вдоль и поперек. А потом посыпались мины. Они с противным свистом плюхались совсем близко, оглушая и рассеивая во все стороны смертоносный металл.

Разведчики оставили плот и бросились на берег. Баранов тоже оказался в воде. Нащупал ногами неровное каменистое дно и потянул лодку вперед. Приткнул ее в валуны, хотел было Казакову крикнуть, чтобы тот катушку с телефонным проводом и аппарат ему передал, а Казаков хрипит на корме лодки. Ранило.

Перетащил его Баранов на берег, перебинтовал наскоро раздробленное бедро. Устроил в безопасное место, шинелью сверху накрыл, а сам — вперед.

Вот уже аппарат настроен. Передал своим: все в порядке, ждите сообщений!

Разведчики, пригибаясь, нырнули в тень молодых дубков и словно пропали. Все ли вернутся? За спиной ширилась и росла полоска рассвета.

Баранов сел поудобнее, огляделся. Какая-то дымка заволок-

ла рощицы кряжистых и развесистых деревьев. А прямо перед носом — орешник.

Он только сейчас почувствовал весь аромат и все краски весны. От земли исходило тепло. На взгорках, прогретых солнцем, густо пробивалась трава.

И будто нет войны, будто не отшагал он тысячи километров от родного дома. Над головой такое же тихое и ясное небо. Но утром чуял: обманчива тишина, вот сейчас, через минуту, начнется большой бой.

Вернулись разведчики, сообщили координаты ближайших огневых точек противника.

Баранов поднял трубку телефонного аппарата:

— Высота сто тридцать семь, ориентир — высокое дерево с перебитой верхушкой...

И тотчас, словно обрадовавшись, заговорили наши орудия.

Он охрип, поддерживая связь с командным пунктом. В трехстах метрах от него летели в воздух боевые укрепления фашистской обороны. Темные фигурки выскакивали из развороченных, когда-то надежно замаскированных дотов и тут же падали, накрытые взрывами.

В голове билась одна мысль: только бы шальным осколком не порвало телефонный провод, только бы успеть передать все добытые сведения!

Огонь переместился ближе. Тяжелым снарядом срезало дерево рядом с ним. Баранов успел телом закрыть телефонный аппарат. Взрывная волна сорвала с него каску, оглушила, засыпала землей. Но связь не прервалась. И он снова припал к телефонной трубке.

Часов в семь утра весь полк десантников форсировал реку.

Застыли в строю друзья-однополчане. Командир полка Первеев, напрягая голос, зачитал приказ:

— ...За проявленное мужество при форсировании реки Рабы наградить гвардии старшину Баранова Виктора Ивановича орденом Красной Звезды!

★ ★ ★

Н. БОЯРШИНОВ

ЗА ОГНЕННОЙ ЧЕРТОЙ

Бояршинов Николай Осипович родился в деревне Копылы Дубровского сельсовета Оханского района Пермской области. В 1937 году окончил школу ФЗО при Пермском заводе имени Я. М. Свердлова, а потом — вечернюю школу конструкторов-чертежников. Работал в отделе главного технолога завода. По путевке ЦК ВЛКСМ в 1942 году был направлен на курсы подготовки командного состава воздушнодесантных войск. Участвовал в операциях войск Сталинградского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов. В 1945 году демобилизован из рядов Советской Армии по болезни. Ныне живет в Перми. Работает старшим инженером на заводе имени Я. М. Свердлова.

В начале лета сорок третьего года наш отряд был заброшен во вражеский тыл со специальным заданием. Место выброски — Юрьевский район Днепропетровской области. Я в отряде был подрывником. Предстояло, помимо выполнения конкретных боевых заданий, организовать базу для развертывания партизанского движения на Днепропетровщине.

Нас на «дугласе» одиннадцать. Другая половина отряда осталась пока в Ростове. Летим. У каждого за плечами парашютный ранец да еще по два рюкзака: один на животе, другой на спине, пониже парашюта. В обоих не менее трех пудов. Взято только самое необходимое: рация, боеприпасы, взрывчатка, продовольствие на десять суток, оружие. На груди автомат, через плечо на ремнях — револьвер в кобуре. А еще — пистолет в кармане и финка за голенищем сапога.

Ночи июньские короткие. А мы летели окружным путем: сначала на юг, с дозаправкой на Кубани, затем над морем на северо-запад. К району высадки приблизились не со стороны фронта, а с тыла, с юго-запада.

Начало светать. И тут, неподалеку от Днепропетровска, нас обнаружили немцы. Открыли пальбу из зениток. «Дуглас» что есть мочи начал карабкаться в высоту. Снаряды рвались где-то под нами. Самолет изрядно потряхивало. Сполохи разрывов выхватывали из темноты лица товарищей. Все напряглись, получив предупреждение: в случае чего — прыгать, кто как сможет...

Но все кончилось благополучно. Вышли из зоны зенитного огня. Сидящий рядом Вася Рыбкин начал изображать, какой у меня был несчастный вид (и в самом деле ломило в ушах и поташнивало — летели на такой большой высоте без кислородных приборов) и тут...

В стороне мелькнули две серые тени «мессеров». Они явно метили подобраться к нашему самолету. «Дуглас» с высоты стремительно ринулся вниз, в крутое пике. Вышли из него лишь на полукилометровой отметке. От немецких истребителей оторвались.

На малой высоте подошли и к месту выброски. Самолет зашел на цель. Входной люк открылся. Мы выстроились: пять человек и грузовой мешок с одной стороны, шесть — с другой. У нас двадцать четыре секунды на выброску. Не управимся —

раскидает далеко друг от друга, да и угодить можно совсем не туда, куда направляешься.

...Защелкнуты за страховый трос карабины фалов от вытяжных парашютов. Летчик-инструктор хлопает первого по плечу: пора! Тот в ответ кивает головой и ныряет в люк. Следом шагаю я.

Ох, какой же он упругий, этот воздух! А внизу — пустота!.. Прыгнули благополучно. Кругом тихо. Значит, не обнаружены.

Быстро разрезали на куски парашюты, закопали в неостывшую еще за ночь землю и замаскировали пшеничными колосьями. Грузовой мешок с толом спрятали неподалеку.

По карте определили место приземления — в шестидесяти километрах от районного центра Большие Маячки, в район которого нам надо скрытно подойти.

До рассвета успели пройти всего восемь километров. День провели в лесозащитной полосе. Пока один из нас нес караул, остальные отдыхали, подгоняли поклажу. С наступлением темноты снова двинулись вперед.

На пятую ночь добрались до леса. Устроили тайники для запасов взрывчатки. Связались по рации со штабом. Нам подтвердили в качестве первоочередного задания вывод из строя железной дороги на участке Кременчуг — Полтава. Желательно с наибольшим эффектом, то есть с одновременным подрывом эшелона с живой силой или техникой врага.

Ближайшей железнодорожной станцией от нашей базы оказалась Зацепиловка. Здесь и решили взорвать полотно. Выполнить эту задачу поручили мне и четырем товарищам, выделенным для прикрытия.

До станции — шестьдесят километров напрямую. Этот путь предстояло пройти скрытно, ночью. Днем прятались в заросших кустарником балках или в подсолнухах.

На пятые сутки вышли к назначенному пункту. Выбрали местечко на взгорке, в редком сосновом леске, и стали наблюдать. Слева — станция Зацепиловка. Триста пятьдесят километров от фронта. Почти каждые четверть часа проходят вражеские эшелоны. На восток — танки, артиллерия, какие-то плотно закрытые вагоны идут. На запад немцы увозили скот, зерно.

Выбрали место выхода к полотну — в километре от станции, возле семафора и будки стрелочника. Тут был самый «небдительный» в смысле охраны участок. Немецкий часовой часто прятался в будку от жары, считая, очевидно, что в непосредственной близости от станции никакой опасности нет. Дальше же

охрана держала себя настороже. Немцы ходили парами, в касках, с оружием наизготовку.

К тому же в выбранном месте вплотную к насыпи подходило болото, поросшее мелким кустарником. Только вот проходимо ли оно? Это нам пришлось устанавливать с наступлением темноты.

Не ожидали, что такая скверная топь бывает. Времени больше расчетного потеряли. Только в третьем часу ночи, сырые, перемазанные грязью, оказались мы в пятидесяти метрах от железнодорожного полотна.

Вот уже второй эшелон прошел, а часовые (их ночью оказалось двое) не показывались из будки. Задремали, видимо.

Булашевич и Чумичкин с автоматами поползли вправо, Майоров и Рыбкин — влево. У меня остались шашки с толлом и специальная неизвлекаемая мина.

Жду. Прощел эшелон на запад. Значит, через пятнадцать-двадцать минут следующий состав пойдет на восток. У немцев в этом деле точность. Пора!

За шесть минут я и мои сопровождающие проползли по болоту оставшиеся пятьдесят метров. Забрался я на насыпь и стал рыть под рельсами между шпал ямку. Голыми руками.

Осталось пять минут, а нужно было еще уложить толл, поставить мину и проверить ее контакты. Это я решил сделать обязательно, чего бы мне ни стоило. Рисковать — так не зря!

Всталкиваю толовые шашки в вырытое под рельсами гнездо — не лезут! Снова лихорадочно рою. Рельсы уже подрагивают под тяжестью приближающегося состава...

Но вот, кажется, все в порядке. Я кубарем скатился с насыпи и что есть силы побежал в болото. Ребята за мной. Сзади что-то ахает, рядом в ржавую воду плюхают доски, осколки... К счастью, никто не пострадал под этим «обстрелом».

Воспользовавшись сумятицей на станции, выбрались мы из болота и двинулись через пшеничное поле, засыпая следы махоркой, чтобы немецкие овчарки не могли обнаружить нас. Для этой цели махорку при себе держали в специальных баночках, чтобы всегда была сухой. Знали — пренебрежение этим правилом иным разведчикам жизни стоило.

Успели уйти всего на четыре километра. С рассветом укрылись в подсолнухах. День пролежали, наблюдая, как по дорогам на мотоциклах и машинах сновали каратели.

На следующую ночь отошли от станции на шестнадцать километров. В одном из хуторов решили узнать результаты операции. От местных жителей услышали, что прошлой ночью на За-

цепиловке партизаны взорвали эшелон из сорока вагонов и платформы с военной техникой и разным военным имуществом.

...По решению командования наша пятерка стала ядром сформированного в тылу врага партизанского отряда «Истребитель-2» (в отличие от основного, именовавшегося «Истребитель»). Я был утвержден комиссаром нового отряда.

Начался рейд по тылам врага. В августе, не давая врагу возможности оправиться от ударов, полученных под Курском, советские войска начали большое наступление на юге. Вперед двинулись соединения Юго-Западного и Южного фронтов. Нам было приказано обосноваться в днепровских плавнях под Херсоном и вести активные действия по разведке и уничтожению штабов гитлеровских частей, нарушению коммуникаций врага.

К этому времени нами была налажена широкая связь с местным населением. Оно поддерживало нас, снабжало продовольствием. Мы знали, где и когда сможем достать лошадей, повозку, лодку. Вот тогдашний боевой счет отряда: на хуторе Солонки Горностаевского района разгромлен штаб немецкого пехотного полка, захвачены штабные документы; взорван мост на шоссе на дороге; уничтожены три немецких склада, катер, баржа с военным имуществом, пять бензовозов, множество транспортных машин и повозок, 190 гитлеровских офицеров и солдат.

Немцы бросили против нас карателей. Целый полк гитлеровцев прочесывал плавни. Силы оказались неравными. И нам пришлось, разбившись на группы, уходить через Днепр, искать убежище на островах. Из отряда уцелели только пятьдесят пять человек. И все равно отряд жил и продолжал действовать!

...Началось наступление наших войск. В марте 1944 года район, где действовал наш отряд, был очищен от врага. Отряд «Истребитель-2» выполнил свою задачу.

Так закончился боевой прыжок, приведший к почти годовому рейду по немецким тылам.

Н. РЯЗАНОВ

НЕПОКОРЕННЫЙ ГАРНИЗОН

Бурдин Павел Александрович родился в 1911 году в городе Очер Пермской области. Работал на Очерском машиностроительном заводе. В сентябре 1941 года был призван в армию. Службу проходил в 11-й воздушнодесантной бригаде. В составе 114-го гвардейского стрелкового полка (бывшая 11-я воздушнодесантная бригада) 40-й гвардейской стрелковой дивизии воевал в Донских степях, на подступах к Сталинграду. Участвовал в боях на Курской дуге, в форсировании Днепра, в Корсунь-Шевченковской операции, в освобождении Румынии и Польши. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями.

П. А. Бурдин демобилизован в 1945 году. Вернувшись в Очер, продолжал работать на заводе. В 1966 году вышел на пенсию.

По степи, опаленной зноем и порохом, разлилась тревожная тишина. Полуденное солнце нестерпимо жгло с безоблачного неба. А они в большинстве своем были северянами, не избалованными жарой. Хотелось пить. Павел Бурдин мечтал лишь об одном: припасть бы к студеному ключу, такому, как на Урале — в родном Очере, под Кукуйской горой...

Он глотнул из фляжки, наполненной полчаса назад. Вода стала совсем теплой. Сменить бы ее... Павел взглянул вниз. Неподалеку, метрах в трехстах, протекал ручей. Не успеть. Сейчас начнется бой.

Бурдин крепче сжал в руках автомат, взглянул на товарищей. Они напряженно смотрели на юго-запад, откуда шел враг. Слово прикипел к ручному пулемету младший сержант. Его тоже зовут Павлом и фамилия почти такая же — Бурдов. И тоже уралец — из Свердловска. Во взводе поначалу путали их фамилии.

Рядом с пулеметчиком приготовился помогать ему ефрейтор Иван Гущин, уроженец Кировской области.

Его земляк Алексей Двоглазов и вологжане Акиндей Пуховкин и Николай Докучаев держали центр обороны. На правом склоне высоты замерли в ожидании Владимир Меркулов, Иван Федосимов и их командир отделения младший сержант Иван Касьянов из Курской области.

На левом фланге вместе с Павлом Бурдиным зарылись в каменистую землю сибиряк Геннадий Унжаков, Григорий Штефан с Полтавщины и вологодский парень Николай Федотовский. Невдалеке от командира взвода Василия Кочеткова расположились в окопах рядовые Василий Чирков, Михаил Степаненко и сержант Михаил Шуктомов.

Все они молоды, и самый младший из них — украинец Степаненко. За свои восемнадцать лет он успел прочитать уйму книг; по характеру — большой шутник и никогда не унывающий весельчак.

Солдатские пути-дороги свели их вместе в сентябре 1941 года. Формировалась 11-я воздушнодесантная бригада. Отбирали самых здоровых и ловких, в возрасте от восемнадцати до тридцати двух лет, с отличными производственными характеристиками.

Новобранцы пришли к шинелям и гимнастеркам голубые петлицы и с жаром принялись осваивать «небесную» профессию.

Будущие бойцы «крылатой пехоты» учились прыгать с парашютом, действовать в тылу врага и крупными силами, и мелкими группами, и в одиночку, готовясь ко всем неожиданностям, подстерегавшим десантника и по эту сторону фронта, и в тылу врага.

И вот пришел их черед. Погрузились в эшелон и — на юг. Уже в пути зачитали приказ: «11-я воздушнодесантная бригада переименована в 111-й гвардейский полк 40-й гвардейской дивизии 1-й гвардейской армии». Не побывав в боях, они стали гвардейцами. Каждый сердцем почувствовал огромную ответственность. Звание это им еще предстояло оправдать. Хватит ли сил и умения драться с врагом по-гвардейски?

Эшелон, двигавшийся к Дону, начали бомбить фашистские «юнкерсы». «Мессершмитты» обстреливали из пушек и пулеметов. Пришлось покинуть вагоны и последние двести километров шагать пешком. Двое суток шли. Днем нещадно палило солнце. Ночь не приносила прохлады.

Между Доном и Волгой, у хутора Дубовой, что в пяти километрах юго-западнее станицы Сиротинской, в степи высится курган. В народе его звали Казачьим, на штабных документах — высотой 180,9. На этом участке и занял оборону один из батальонов 111-го стрелкового полка 40-й гвардейской дивизии. Ее бойцы и командиры носили голубые петлицы.

К полудню 16 августа взвод младшего лейтенанта В. Д. Кочеткова получил приказ занять позицию на высоте 180,9 и удерживать ее во что бы то ни стало до подхода подкрепления. Стоять насмерть! До Сталинграда всего сто километров, отступить некуда.

Бойцы окопались в каменистой почве и сели перевести дух. Достали из вещевых мешков походные припасы, открыли консервы.

Но отдохнуть не довелось. Сначала донеслись приглушенные залпы орудий. Стреляли с разных сторон — советские и немецкие батареи. Снаряды, сверля воздух, летели над головами шестнадцати бойцов из взвода Кочеткова. Один, другой, третий вражеский снаряд ударил в юго-западный склон кургана. Пристрелявшись, враг повел сильный артогонь. Затем пикирующие «юнкерсы» обрушили на высоту тонны смертоносного груза. Снаряды и бомбы в куски рвали каменистые склоны кургана. Он окутался дымом и пылью.

Внезапно наступила зловещая тишина.

— Приготовиться к бою! — крикнул Кочетков.

Протирая глаза и отплевываясь, чудом уцелевшие, с лицами,

покрытыми копатью, бойцы выглянули из окопов и увидели, что к подножию кургана подходят около сотни вражеских автоматчиков. Они шли спокойно, очевидно, считая, что на кургане после такой огневой обработки не осталось ничего живого.

Командир батальона гвардии капитан А. А. Кузнецов, наблюдавший за полем боя, тоже не был уверен, уцелела ли в этом адском огне горсточка бойцов из взвода Кочеткова. Курган безмолствовал.

Но, когда цепи итальянских фашистов поднимались по склону, высота внезапно ожила. Горсточка необстрелянных бойцов с поразительным хладнокровием подпустила врага и в упор стала дружно поливать его сокрушительным огнем из пулемета, автоматов и карабинов.

Комбат Кузнецов облегченно вздохнул:

— Так их!.. Молодцы кочетковцы!

От меткого огня ряды наступающих поределели. Беспорядочно отстреливаясь, враг отступил.

Но не успели в руках защитников высоты остыть раскалившиеся стволы карабинов и автоматов, как атака повторилась. И снова с кургана ударил в упор по врагу свинцовый вихрь. Противник вновь не выдержал и отступил, оставив несколько десятков убитыми.

И еще дважды итальянские фашисты возобновляли штурм, но Казачий курган оставался несокрушимым бастионом. На этом рубеже мужества и славы, доблести и отваги кочетковцы стояли насмерть. Они с честью оправдали высокое гвардейское звание.

— С боевым крещением, братцы! — поздравил друзей неутомимый Миша Степаненко. — Вот и понюхали мы пороху! И еще, видно, придется.

Вечерело, когда кочетковцы снова взялись за оружие. Из балки размеренным шагом и в полный рост шли новые цепи противника. Это были уже немцы. Первым их разглядел младший сержант Иван Касьянов.

— Ишь ты, психическую атаку задумывают, — сказал он.

— Без моей команды не стрелять! — прозвучал приказ Кочеткова.

Далеко не каждому, даже бывалому воину, дается такая выдержка. Палец, застывший на спусковом крючке, перестает подчиняться сознанию и непроизвольно нажимает на курок. Бойцы ждали, сдерживая ярость.

— Огонь! — раздался звонкий голос взводного.

Ружейно-пулеметный перестук вновь ворвался в степь, разорвал тишину. Спотыкались и падали атакующие, но действова-

ли они напористее своих союзников по пресловутой оси Берлин — Рим. Немцы шли напрямую, обходили с флангов, пробрались даже в тыл.

Трудно приходилось горстке гвардейцев. Заняв круговую оборону, вступили они в ожесточенную схватку. Это была пятая атака на высоту. Среди защитников кургана появились раненые. Наскоро перевязав раны, они оставались в строю. И героический гарнизон вновь вышел победителем. Вал наступающих замедлил свое движение, раздробился о несокрушимую оборону и к сумеркам схлынул. Только убитыми противник потерял свыше пятидесяти солдат.

Гвардейцы пересчитали патроны. Боеприпасы у всех были на исходе. Кочетков послал донесение командиру батальона: «Атака отбита, ранены красноармейцы Федосимов Иван, Унжаков Геннадий и Меркулов Владимир... Шлите патроны и ручные гранаты».

Ночь прошла относительно спокойно. Что чувствовал каждый из них в эту ночь? Пятнадцать из них уже никогда этого не скажут. А Павел Александрович Бурдин говорит так:

«Спать не пришлось. Мы собрались все вместе, кучкой. Сидели на склоне, в овражке, размытом вешней водой. Раненые стонали. Какой уж тут сон! Покурили. Потом послали разведку.

Вернувшись, разведчики доложили:

— Немцы подтягивают танки...

Тогда Кочетков приказал готовить гранаты. У каждого было по одной противотанковой и по три ручных гранаты. Договорились: с высоты не уходить.

Утром 17 августа началась бомбежка, а потом...

— На нас идут двенадцать танков, — сказал Кочетков. — Вспомните героев-панфиловцев. Гранаты к бою!

Лязгая гусеницами, немецкие танки ползли по каменистым склонам кургана, как гигантские муравьи. Они на ходу стреляли из пушек и пулеметов, угрожая смести все живое.

Бойцы приникли к земле. И когда расстояние до двух головных машин сократилось настолько, что можно было добросить тяжелую связку гранат, первыми швырнули их Иван Федосимов и Алексей Двоглазов...

Начался смертный бой кучки бойцов со стальными чудовищами. На каждого из оставшихся без ранений — по одному танку, который надо подпустить вплотную и бить только наперняка.

В этой ожесточенной схватке погибло большинство отважных защитников Казачьего кургана.

Подбито четыре танка, остальные продолжали идти. Поло-

жив в укрытие тяжелораненого Кочеткова, Михаил Степаненко, Василий Чирков и Михаил Шуктомов взяли по новой связке гранат и бросились навстречу танкам, прямо под гусеницы. Еще два танка остановились.

Нервы у фашистов не выдержали. Шесть танков повернули вспять, хотя ничто, казалось, им уже не угрожало. На высоте оставался лишь один из ее защитников—умирающий Василий Кочетков. Он полулежал, прислонившись к стенке окопа. Лицо его было в крови. Левая рука, обвязанная побуревшим бинтом, не двигалась. Правой он держался за грудь и сплевывал кровь. ...Когда к нему подошел политрук роты Новиков, Кочетков расказал, как было, и попросил доложить командованию, что они сделали все, что могли, выполнили приказ...

— Все погибли, как герои, — сказал Кочетков».

Долгие годы так и считалось. Но один из шестнадцати остался в живых—Павел Александрович Бурдин. Он был контужен, затем ранен в левую ногу. Оглушенный, продолжал сражаться. На исходе второго дня его тяжело ранило в левое плечо, и Бурдин потерял сознание.

Очнулся около полуночи. Над курганом вновь нависла тишина. Превозмогая боль, он выбрался из полусасыпанного окопа и сполз к ручью. Там его и обнаружил санитар.

Весь следующий день немцы собирали убитых, оттащивали застывшие покореженные танки. При этом фашистские автоматчики градом пуль поливали безлюдную высоту. Они боялись даже мертвых ее защитников. Высота 180,9 осталась советской.

В начале 50-х годов в Очерский райком КПСС и жене П. А. Бурдина, Антонине Михайловне, пришли письма из Волгоградского музея боевой славы с просьбой выслать в музей какие-либо личные фронтовые вещи Павла Александровича, погибшего на Казачьем кургане в числе шестнадцати героев-кочетковцев...

Музею ответили, что Бурдин жив. Тогда в Очер приехал научный сотрудник Волгоградского музея Ростислав Кузьмич Ильин. После этого в военных архивах он выяснил, что в штабных документах, а позднее в приказе по войскам Сталинградского фронта от 2 октября 1942 года и в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении шестнадцати героев орденами П. А. Бурдин ошибочно назван Николаем Ивановичем. Ошибка была исправлена. В 1958 году Павлу Александровичу за подвиг на высоте 180,9 был вручен орден Красного Знамени.

Л. ВАЛЕЕВА

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Валеева (Петухова) Людмила Павловна родилась в 1927 году в городе Киров. В 1940—1941 годах жила и училась в Перми, затем в Саратове. В августе 1943 года добровольно пошла в Советскую Армию. Окончила курсы радистов-разведчиков. В ночь с 7 на 8 октября 1944 года была заброшена на парашюте в тыл противника в Чехословакию, в партизанское соединение под командованием М. И. Шукеева. Участвовала в боях, обеспечивала радиосвязь штаба соединения с Большой землей. В феврале 1945 года после соединения партизан с наступающими частями Советской Армии Л. П. Валеева демобилизовалась. Награждена медалями.

Ныне она живет и работает в Перми.

К осени 1944 года учеба в школе десантников-радистов подошла к концу. Однажды меня и Виктора Мельникова пригласили к командованию школы. Радостно екнуло сердце: неспроста! Так и есть: нас посылают на задание!

Когда я появилась среди девушек своего взвода, они тотчас же по моему сияющему лицу поняли все. Я видела их завистливые взгляды, разочарованные и обиженные лица: «Опять не меня...»

Тепло проводили меня подружки. Никто из них не напомнил: «Смотри не забывай, пиши». Все знали, что «оттуда» не пришьешь весточки. Никому не было известно, куда мы идем. И никто не спрашивал — военная тайна.

...Вечером нас привезли на аэродром. С наступлением темноты самолет поднялся в воздух и взял курс на Чехословакию. В ночь на 8 октября 1944 года.

Так начался наш путь с Виктором Мельниковым в тыл врага, к партизанам, действовавшим совместно со словацкими повстанцами.

Мы оба были обвешаны грузами. У каждого по две рации, по два блока питания к ним, парашют. Кроме того, я захватила с собой мешок с консервами, сухарями, табаком — подарок партизанам.

Ночь была глухой и темной. Небо застилали низкие тучи. При переходе линии фронта самолет попал в зону зенитного обстрела. Мы это поняли, когда нас здорово потрянуло. Но все сошло благополучно. Обстрел кончился, фронт остался позади. Моторы гудели ровно и деловито. Мы были над территорией, занятой врагом.

Неожиданно внизу, в кромешной тьме, под крыльями самолета промелькнули три красные точки треугольником: партизанский сигнал — костры. Вверх взвились три зеленые ракеты.

Бортстрелок открыл дверь. Сначала полетели вниз мешки с грузом — оружием, медикаментами, боеприпасами. Потом наступил мой черед.

— Счастливо! — услышала я сквозь рев моторов голос пилота и шагнула в жутковатую пустоту. Замерло сердце. Засвистело в ушах. Потом меня резко встряхнуло: раскрылся пара-

шют. На мгновение увидела купол парашюта Мельникова, силуэт самолета: он уплывал назад, на Родину...

Высота была небольшой — всего четыреста метров. По усилившемуся шуму в ушах я поняла, что земля близко. Напряглась. Подогнула ноги в коленях, чтобы смягчить удар при посадке. Но все случилось не так, как ожидалось. На меня вдруг обрушился удар такой страшной силы, что потемнело в глазах. Одеревянула спина. Острая боль пронзила ногу. Я не сразу разобрала, что произошло. Чувствую только, что все еще нахожусь в воздухе, а не на земле. И лишь через минуту, придя в себя, поняла весь ужас своего положения. Я повисла между двух огромных сосен. О деревья меня и ударило.

В довершение всего ремни, на которых держался весь груз, сползли кверху, и мое горло оказалось в петле. С трудом достав финский нож из-за голенища сапога, стала перепиливать ремни, стараясь освободить горло. Руки мне почти не повиновались.

С большим трудом освободившись от петли, я вдруг почувствовала, как что-то сорвалось с меня и полетело вниз, на землю. Через несколько мгновений послышался гулкий удар.

«Рация! Неужели разбились?.. Что же делать?»

Решение пришло как-то само собой. Ухватилась за одну из строп и с трудом подтянулась к сосне. Потом перебралась на нее. И только тут освободилась от парашюта.

Чтобы не упасть с дерева, привязала сабей к стволу стропой парашюта и решила немного отдохнуть. Кажется, даже на минуту уснула. Набравшись сил, осторожно спустилась на землю. Укрыв уцелевшую вторую рацию и мешок хвоей, пошла в сторону, откуда брезжил мутноватый свет.

Я не могла себе представить, где искать партизан. Рассчитывать приходилось только на то, что и меня тоже искали.

Поднялся осенний день. Серенький, ветреный. Но здесь, в Чехии, было еще тепло. Выйдя на вершину холма, заметила внизу, в осадине, костры. Около них стояли и сидели люди. Виднелись оседланные лошади. Партизаны!..

Меня тоже заметили. Навстречу кинулась группа людей, что-то крича и размахивая руками. И тут меня обдало холодком: бежавшие кричали на незнакомом языке. Неужели враги? Со мной была не только рация, но и шифры. И они не должны были попасть в руки врагов ни в коем случае. Что делать?

А люди приближались. Внешне они ничуть не походили на немецких солдат. Одеты кто во что: в пиджаки, куртки, шинели. Но у всех были немецкие автоматы.

— Стой! Ни с места! — крикнула я. Потом выкрикнула пароль: — Кто командир отряда?

— Ахундов.

«Не те, не те...» — обожгла мысль.

Командиром был Шукаев, а не Ахундов. Но виновата, как оказалось впоследствии, была я сама. Сгоряча перепутала пароль: вместо командира соединения назвала командира отряда.

А люди опять кинулись ко мне. Я снова не своим голосом закричала:

— Стойте! Стрелять буду! — Повторила пароль, на этот раз правильно. В ответ послышалось многоголосое «Шукаев!».

Как я потом узнала, то были партизаны-азербайджанцы из отряда Ахундова. Летчики выбросили нас не совсем точно. А может, меня просто отнесло ветром в сторону.

Меня представили командиру соединения, комиссару и начались мои партизанские будни.

Первое время, после неудачного приземления, я не могла ходить пешком. Сильно болела нога. Партизаны выделили в мое распоряжение смирную лошадку Машку. Никогда прежде я не ездила верхом, а тут пришлось научиться.

В отряде я была радисткой: держала связь с Большой землей.

Однажды ночью мы двинулись в район городка Тисовец. К рассвету достигли цели. Мне приказали оставаться на опушке леса и быть готовой к радиопередаче. Развернув рацию, я стала ждать. Через некоторое время поднялась стрельба, слышались глухие разрывы гранат. Над городом вспыхнуло зарево.

Это партизаны с боем ворвались в город. Удар был настолько неожиданным и ошеломляющим, что фашисты в панике выскакивали из окон в нижнем белье. Немногим из них удалось спастись бегством. Впоследствии мы узнали, что немцы решили: наступает регулярная Советская Армия...

Пришла зима. Горы засыпало снегом. Наступили холода. Однажды наше соединение почти со всех сторон окружили немцы. В лагере все пришло в движение. Отряды снимались с места и уходили. Звенело оружие. Всхрапывали навьюченные кони. Звучали короткие команды.

Отряд Алиева, в котором оставили меня, временно не покидал лагеря. Нас было девятнадцать человек. Мы должны были прикрыть отход основных сил. К тому же была надежда, что немцы, погнавшись за отходящими силами партизан, нас попросту не обнаружат. Так оно и случилось. Через несколько дней соединение вернулось обратно.

Но вскоре отряды вновь разошлись. У каждого было свое задание.

Вместе с отрядом Алиева ушла и я. Неожиданно наш отряд наскочил на немцев. Принять бой мы были не в состоянии: врагов — сотни, а нас двадцать человек. Отстреливаясь, ушли высоко в горы. Здесь, выставив дозоры, под скалой провели тревожную ночь.

Утром я развернула рацию, чтобы связаться с Большой землей и через нее сообщить в штаб соединения о сложившейся обстановке (прямой связи со штабом соединения у нас не было). Выстукивая позывные, вдруг заметила внизу, под горой, лыжников в белых маскировочных халатах. Один из них держал на поводке бешено рвущуюся вперед овчарку.

— Каратели! Занимай оборону! — крикнула я партизанам.

Немец, стоявший впереди других, оглянулся на голос. Ствол его автомата метнулся в мою сторону. Едва я успела упасть на рацию, как над головой прожужжали пули, ударили по потухшему костру, подняв облако золы. В ответ раздались выстрелы партизан. Началась ожесточенная перестрелка. Вниз, под гору, полетели гранаты. Я тем временем сдернула с дерева антенну, быстро упаковала рацию. Кто-то толкнул меня в плечо: «Отступай!»

Скатились с горы по противоположному склону. Отход отряда прикрывал оставленный заслон.

Целый день шли по снегу. К вечеру выбились из сил. Но от карателей все-таки оторвались.

Под покровом темноты мы вновь поднялись на скалу. Отсюда, с высоты, увидели, как повсюду в ночи пылали багровые сполохи: горели окрестные деревни и села.

Мы укрылись на высокой горе. Снег. Ветер. Наша одежда отсырела и покрылась льдом. Разводить костер нельзя: боимся выдать себя врагам. Сбившись в кучу, дрожа от холода, дремлем, дожидаясь рассвета.

Но эта ночь нам и помогла. Наши следы замела поземка. Каратели нас потеряли.

Мы не знали, где наше соединение. На связь оно не выходило. А мы уже окончательно выбились из сил. Кончились продукты. Начался голод. Решили возвратиться в лагерь. Разведка сообщила, что немцев там нет.

В лагере застали полный разгром. Землянки разрушены. Продовольствие уничтожено. И только каким-то чудом уцелела моя Машка. Она и спасла нас от голода.

Через день или два наши разведчики принесли радостную весть: в Тисовце советские части! Ура! Мы ликовали.

Пять месяцев провела я в тылу врага, на территории Чехословакии. Трудное, суровое, незабываемое время! Ведь то была моя юность: мне было семнадцать лет. Сегодня моему сыну столько же. Совсем мальчишка. Но если позовет Родина — пойдут наши мальчишки в бой. Как ходили мы когда-то...

Б. ИРОДОВ

ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

Ваулин Михаил Фролович родился в 1921 году в деревне Полянка Рыбнослободского района Татарской АССР. Работал счетоводом в колхозе. В ноябре 1939 года призван в армию. Окончив полковую школу и курсы младших лейтенантов, проходил службу в 9-й воздушнодесантной бригаде. В составе бригады прикрывал в труднейших условиях двинское направление, участвовал в тяжелых оборонительных боях за Даугавпилс и другие населенные пункты. С октября 1941 года командовал разведзвездом 5-й воздушнодесантной бригады, входившей в 3-й воздушнодесантный корпус.

В составе 91-го гвардейского стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии с июля 1942 года принимал участие в же-

стоких боях в районе станции Клетская, на подступах к Сталинграду, затем, после возвращения из госпиталя, участвовал в освобождении Калининской области, Эстонии и Латвии. Войну закончил под Лиенапой офицером разведки полка. Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», медалями. Демобилизован в июне 1946 года.

В настоящее время коммунист М. Ф. Ваулин — директор Чайковской городской школы-интерната.

Начало войны младший лейтенант Ваулин встретил в Латвии. 20 июня 9-ю парашютнодесантную бригаду подняли по тревоге. Приказ гласил: двинуться в сторону границы на учения с боевыми стрельбами. День прошел в сборах. К вечеру выступили походными колоннами в направлении Даугавпилса.

А на рассвете 22 июня город на Двине, к которому подходили передовые части бригады, подвергся налету фашистской авиации.

Михаил Ваулин шагал со своим взводом, прислушиваясь к далеким громовым раскатам. Команда отойти в лес последовала как-то неожиданно. В тот момент навстречу, из-за поворота, вылетела автомашина. Шофер в солдатской пилотке, высунувшись из кабины, прокричал:

— Война, братцы!

Вскоре по батальонам прошли митинги.

— Гитлеровская Германия, нарушив мирный договор, вероломно напала на Советский Союз. Грудью встанем на защиту Отечества! — звучали в подразделениях бригады слова политработников.

Десантники клялись беспощадно разить ненавистного врага, посмеявшегося посягнуть на Советскую Родину. Но еще не знали они, какие великие испытания выпадут на их долю.

Суровы были лица бойцов, когда бригада проходила сожженными кварталами Даугавпилса, видя на каждом шагу разрушения и смерть.

А несколько дней спустя обороняли они город от фашистских полчищ. Взвод младшего лейтенанта Ваулина окопался ночью в районе кладбища. Утром над расположением роты повис немецкий самолет-корректировщик. Бойцы называли его «рамой». Десантники открыли по «раме» огонь из всех видов стрелкового оружия, и самолет рухнул на землю. Это был первый трофей парашютистов младшего лейтенанта Ваулина.

Что было потом — словами трудно передать. Немцы бросили на позиции бригады танки, обрушили шквал огня. Город переходил из рук в руки. Силы оказались неравными. Изматывая противника в кровопролитных боях, бригада отступала к старой границе. Пройдя ее, закрепились на рубеже Опочка — Себеж...

Военная необходимость круто изменила судьбу Михаила Вау-

лина. Вместе с младшими лейтенантами Леонидом Родичевым, Василием Козловым и другими товарищами он оказался в городе на берегу Азовского моря. Здесь формировалась тогда 5-я воздушнодесантная бригада.

Вести с фронтов приходили тревожные. Немцы уже заняли Таганрог. Бригаду перебросили в Ессентуки, где десантники усиленно тренировались до мая сорок второго года.

...Степь дышала жаром, как раскаленная сковорода. Не шелохнется порыжелая трава. Кругом на многие километры видно все как на ладони.

Природа замерла, словно ожидая чего-то. В ожидании и люди, занявшие оборону на небольшой высотке. Гимнастерки у десантников мокры от пота. Земля, точно камень, трудно поддавалась солдатским лопатам, когда сооружали они окопы в полный рост. И теперь, изнемогая от жары, каждый мечтал о глотке студеной воды.

Гитлеровское командование, потерпев сокрушительное поражение в битве за Москву, решило взять реванш под Сталинградом. Фашисты пытались взломать нашу оборону в степях под Калачом.

«Защитить любой ценой твердыню на Волге», — таков приказ. Для этого 5-ю воздушнодесантную бригаду так спешно и перебросили сюда из Приазовья. Здесь встала «крылатая пехота» на смертный бой.

...Михаил Ваулин шел по ходу сообщения на правый фланг своего взвода, когда заметил далеко-далеко в степи движущиеся черные точки. Они ползли в знойном мареве, словно жуки, увеличиваясь в размерах. Вот уже стал явственно слышен гул. Он рос и рос, заполнял собой все.

— Танки!.. — понеслось по траншеям.

Михаил считал: «Раз, два, три... десять... двадцать... тридцать...» — и сбился со счета. Столько наступающих танков ему еще не приходилось видеть.

Налетели немецкие самолеты. С жутким воём они пикировали на позиции десантной бригады. Земля раскалывалась от разрывов бомб. И началось...

Казалось, не было на земле живого места, которое не терзали бы осколки раскаленного металла. Гул, вой, скрежет — все смешалось в невообразимом хаосе.

И только люди стояли насмерть в этом крошечном аду.

Все это виделось Михаилу Ваулину словно бы во сне, запечатлелось в памяти обрывочными картинками. Вот на левом фланге его взвода кто-то метнул связку гранат в надвигающийся на

окоп танк. И вмиг пламя охватило его. Другая громадина с фашистской свастикой на башне завертелась на месте с перебитой гусеницей.

Основная волна танков, встретив отчаянное сопротивление в центре бригады, двумя языками охватила ее с флангов, проутюжила окопы на стыке с соседними частями и прорвалась вглубь нашей обороны. Отважно сражались десантники. Немало немецких танков осталось догорать в степи.

Командир взвода десантников Михаил Ваулин в этом жестоким бою сумел одолеть смерть. Но в другом бою немецкий снаряд нашел его на наблюдательном пункте за Доном, заживо засыпав слоем рыхлой земли.

...Словно белым одеялом покрылись поля между Чистополем и камским устьем. Где-то здесь, в километре от Камы, приютилась деревня Полянка.

Занималось серое утро сорок второго года. Дымки над запорошенными снегом крышами столбами поднимались ввысь. В крестьянских избах хлопотали у печей хозяйки. Только в доме Ваулиных не струился из трубы дымок.

Прасковья с сыном Георгием спозаранку уехали за тальником. Печи топили в Полянке кто чем мог. Лесов поблизости не было.

Десятерых родила Прасковья. Пятеро выжили. Воспитывать пришлось одной, без мужа. Трудно было, ох как трудно! Миша за старшего, а самому едва шестнадцать минуло. Но парень был работающий, что ни говори... И вот, где-то в степях лежит...

А вечером вслед за соседкой в избу Ваулиных зашел почтальон.

— Письмо тебе, Прасковья, — проговорил он.

У нее потемнело в глазах.

— Неужто с Дусей что стряслось, ведь она тоже там, на фронте?..

— Прочитай-ка, Мария Андреевна, — обратилась Прасковья к соседке. Та начала читать:

«Здравствуй, мама. Не волнуйся. Я жив. Был сильный бой. В блиндаж попал снаряд. Контузило, засыпало землей. Наши отступили. Отлежался и едва выбрался в расположение другой части. Меня посчитали погибшим. Тебе, наверное, сообщили? Но я снова в строю и бью фашистов.

Твой сын Михаил».

Е. ШАДРИН

ПОМОГЛА

ДЕСАНТНАЯ ВЫУЧКА

Верхоланцев Николай Васильевич родился в 1918 году в деревне Касимово Пермской области. В 1938 году окончил Пермский аэроклуб. В том же году был призван в Советскую Армию. Службу проходил в 202-й воздушнодесантной бригаде. В составе 350-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии, сформированной из десантников, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Войну закончил под Прагой.

Награжден орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и пятью медалями.

В послевоенные годы коммунист Н. В. Верхоланцев, будучи на партийной и советской работе, закончил Всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности. В настоящее время живет и работает в Перми.

До Великой Отечественной войны «господствующей высотой» в Пермском саду имени М. Горького была деревянная парашютная вышка. Была она не столько модным аттракционом, сколько главным учебным пособием для будущих «летающих» пехотинцев.

Николай Верхоланцев впервые явился на эту вышку в тридцать седьмом. Было в ту пору у комсомольцев неписанным законом: каждый готовит себя к защите Отчизны и обязан совершить хоть один парашютный прыжок, хотя бы вот с этой самой вышки в городском саду.

Прыгал и Николай. А когда осенью объявили очередной набор в аэроклуб, написал заявление.

...Шел нелегкий 1938 год. В далекой Испании еще сражались с фашизмом отряды республиканцев и интербригадцев. Начались бои у озера Хасан. Курсанты аэроклуба, парни и девчата с Заимки, из рабочей Мотовилихи, Старой Слободки, написали тогда Маршалу Советского Союза В. К. Блюхеру, что они обяжутся досрочно, ко Дню Красного Воздушного Флота СССР, 18 августа, выполнить всю программу летной и парашютной подготовки и просят зачислить их в ряды Особой Дальневосточной армии, послать на самый трудный и опасный участок боев с самураями.

Под этим письмом стояла подпись и Николая Верхоланцева.

На Дальний Восток уезжали всем выпуском парашютного отделения аэроклуба — Аркадий Пучнин, Николай Долгих, Виктор Баранов, Василий Солнцев, Николай Неганов и другие. Всех — тридцать пять человек.

Но бои уже кончились. Самураев разбили. И курсанты там же, на Дальнем Востоке, продолжали совершенствовать парашютное мастерство. Прыгали не только с самолетов, но и с аэростатов. Готовились действовать группами и в одиночку. Совершали ночные марш-броски с полной десантной выкладкой, с мешками боеприпасов. И всякое бывало в таком учении...

Однажды небольшая небрежность чуть не стоила Верхоланцеву жизни. Дело было зимой. Прыгали накануне. Приказали прыгать и в это утро. А парашют еще не просох. Чуть-чуть. Ко-

нечно, надо было доложить об этом инструктору по парашютному делу, да посчитал пустяком...

Десантировался. Дернул за вытяжное кольцо. Парашют пошел, но кучей — смерзся, не раскрывается. Выбросил запасной, а он спутался с основным. Что делать? Ведь все считается мгновениями...

Стал оттягивать стропы. Помогло. Но только начал купол наполняться, как надвинулась земля.

Помогло то, что на заснеженный склон оврага угодил. Лишь в госпитале немного отлежался.

Но вот и фронт... На заключительном этапе Великой Отечественной войны из десантников была сформирована гвардейская 9-я армия, которая приняла участие в боевых операциях 3-го и 2-го Украинского фронтов по освобождению от фашистских захватчиков Венгрии, Австрии и Чехословакии. В этой армии, в 114-й дивизии 39-го корпуса, и пошел на Запад помкомвзвода гвардии сержант Николай Верхоланцев.

...Батальону, в котором служил Верхоланцев, была поставлена задача: ночью, скрытно, напрямик преодолеть горную цепь, на рассвете неожиданно атаковать немцев в городе Папа и удержать город до прихода основных наших сил.

Сначала поднимались по пастушьим тропинкам. Но вскоре и они кончились. Карабкались по скалам, подсаживая друг друга, подтягивая на веревках выюки с минометами, боеприпасами, буквально на руках выносили противотанковые пушки. Спешили. На ободранные в кровь ладони никто не обращал внимания. Понимали, что главное оружие в этой операции — внезапность. И действительно, атака со стороны гор оказалась для немецкого гарнизона Папы настолько неожиданной, а действия десантников так дерзки и стремительны, что через полтора часа сопротивление врага в городе было сломлено, боевая задача выполнена.

...Взятие крупного города и железнодорожного узла Винер-Нёйштадт и столицы Австрии Вены, форсирование Дуная и реки Рабы... Разные то бои. Однако было в них нечто общее, присущее, пожалуй, только действиям десантных войск, — неожиданный удар с фланга или даже тыла, атака без обычной артиллерийской подготовки, рукопашный бой, в котором главное оружие — финский нож.

Стремясь во что бы то ни стало удержать Винер-Нёйштадт — один из важнейших узлов сопротивления на подступах к Вене, — немцы стянули сюда все остатки ранее разгромленных частей. Здесь оказались и 46-й полк 2-й венгерской пехотной дивизии, и офицерская школа, и полицейские части, и даже венские пожар-

ные команды. Но 3 апреля десантники внезапно, без артподготовки атаковали Винер-Нейштадт с запада и ворвались в город. Газета 9-й армии так рассказывала об этом:

«В Винер-Нейштадте нашими подразделениями захвачены большие трофеи — несколько сот вагонов, много паровозов, танков, самоходных орудий, несколько сот пулеметов, большое количество складов с различными военными материалами и продовольствием. Удар наших войск был настолько стремителен, что противник не успел взорвать или повредить предприятия. Нашими войсками захвачены в полной исправности авиационный завод, выпускающий «мессершмитты», и локомотивный завод...»

За эту операцию Николай Васильевич Верхоланцев получил орден Красной Звезды.

Преследуя противника, части 9-й армии ворвались в Альпы. Здесь, в труднопроходимой горнолесистой местности, десанникам приходилось воевать небольшими группами, порой оказываясь в условиях полного окружения, в глубоком тылу отходящего противника. В одном из таких боев за безымянный хутор на развилке горной дороги Николай был контужен. Очнувшись, не сразу понял, где находится. Пошевелился — за ворот гимнастерки сыплется земля. Неяркие сполохи мечутся перед глазами. Темно. Пахнет гарью... Может, все это только кажется? Стоит закрыть глаза, и все пройдет?..

Но нет. Сквозь звон в ушах доносится чужая речь, гудят моторы тяжелых машин.

Попытался встать — и не смог, ноги придавило обрушившейся балкой. Стал было ее раскачивать — рядом раздался стон. Кто? Свой или враг?

Нашупал за голенищем сапога десантный нож, достал на всякий случай. Чуть не часом показалась минута настороженного выжидания. И вдруг кто-то вполголоса чертыхнулся. Теперь стало ясно, кто! Окликнул. Отозвался дружок — Федор Ткаченко.

Вспомнил Николай, как подползали они вместе с ним вдоль сложенной из плитняка каменной ограды к дому, как забросали вход в него гранатами, проскочили в подвал, поскольку во двор уже вкатывала серая громадина фашистского танка, а дальше...

По счастливой случайности обоих только контузило разрывом влетевшего в подвал снаряда и даже особенно не помяло обрушившимся с угла перекрытием. Под грудями битого кирпича нашли и свои автоматы. Но что предпринять дальше? Десантники оказались в ловушке. На дворе полно немецких машин и солдат. А сполохи на стенах — след пожара... над головой. Догорал

тот самый дом, в котором они укрылись! В этом не приходилось сомневаться, наблюдая, как немцы подходили совсем близко и грели у огня руки.

Из подвала никак не определить, насколько долго сможет держаться свод над головой. Вдруг прогорит и рухнет прежде, чем они найдут способ выбраться отсюда?

Подготовились к худшему. Приметили в одной из крытых брезентом машин ящик с гранатами. Решили в случае чего сюда кинуться — все дороже можно жизнь отдать.

Но перед самым рассветом немцы всполошились, начали выкатывать машины со двора. Воспользовавшись суматохой, Верхоланцев и Ткаченко выскочили из подвала-ловушки и вдоль той самой каменной кладки ускользнули в лес.

Отдыхались, напились талой воды в подвернувшейся лужице, сориентировались по звуку орудийной канонады и зашагали талой хлябью просыпающегося от зимней спячки незнакомого, голого и от этого еще более чужого леса.

Вышли на наезженную грунтовую дорогу. Туман. В какую сторону двигаться? Решили залечь в засаде и подождать.

Вскоре послышался шум приближающейся автомашины. Немецкая! Крытый грузовик.

Колебаться не стали. Была с собой единственная граната (да и то немецкая, подобранная в лесу) — под колеса ее! И очередями из двух автоматов — по кабине, по кузову.

Немцы, как горох, посыпались из машины, залегли в кюветы.

Не давая врагу опомниться, Николай подскочил к оброненному ручному пулемету — и очередью поверх голов.

— Сдавайтесь!

Переводчика не потребовалось. Немцы стали подниматься и бросать оружие на шоссе. Девятнадцать пленных гитлеровцев, в том числе три офицера, пришлось на двух десантников. С такими «трофеями» и догнали друзья ушедший вперед батальон.

Орденом Славы III степени отмечен этот эпизод в боевой биографии гвардии сержанта Верхоланцева.

А потом были бои за Вену, на подступах к Праге...

Во время Венской наступательной операции советских войск весной 1945 года многим запомнился такой случай.

В предрассветный час 7 апреля на южных окраинах Вены части 39-го гвардейского корпуса начали решительный штурм австрийской столицы. И каково же было удивление советских войск (и врага, а также оставшихся в городе жителей), когда в лучах восходящего солнца на полукилометровой высоте над центром Вены они увидели огромное алое полотнище с

пятиконечной звездой, серпом и молотом на нем. Это знамя Победы, сшитое из парашютного шелка, подняли на тросе привязного аэростата в ночь перед штурмом однополчане Николая Васильевича во главе с помощником начштаба полка гвардии лейтенантом А. Э. Стомахиним.

Все последующие семь дней уличных боев в австрийской столице оно было маяком для наступающих частей советских войск. Ныне эта реликвия хранится в Центральном музее Советской Армии.

П. САЛЬНИКОВ

ПЕРВЫЙ

БОЙ

Долгих Николай Кузьмич родился в 1917 году в деревне Елово Оханского района Пермской области. Окончил восемь классов. После переезда в Пермь учился в аэроклубе, осваивая парашютное мастерство. Работал в типографии наборщиком. В 1938 году был призван в армию. Служил в 202-й воздушнодесантной бригаде на Дальнем Востоке. За время учебы в части совершил сорок три прыжка с парашютом. В десантных операциях Н. К. Долгих участвовать не пришлось. Он воевал в полевой артиллерии, командуя огневым взводом. Принимал участие в освобождении Вены и многих других европейских городов. Форсировал Дунай и Рабу. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями. Коммунист с 1943 года.

В настоящее время Н. К. Долгих живет и работает в Перми.

Шла весна 1944 года. Третья военная весна. Отгремели бои за Будапешт. Откатившись, противник занял оборону в районе озера Балатон.

Бригада, в которой служил младший лейтенант Долгих, готовилась к новому броску. Огневой взвод 76-миллиметровых противотанковых пушек, которым он командовал, был придан стрелковому батальону. В задачу артиллеристов входило подавить огневые средства врага, расчистить путь пехоте.

Утром предстоял бой. Первый бой в его жизни. Так уж случилось, что он, находясь на службе с 1938 года, на фронт попал только сейчас. Все эти годы он служил в десантной бригаде на Дальнем Востоке. Готовил себя к выбросу в тыл врага, а вот пришлось воевать в полевой артиллерии, в боевых порядках наступающих войск.

Теплые и прозрачные весенние ночи в Европе. Под покровом белесой мглы артиллерийскому взводу Николая Долгих предстояло выдвинуться в боевые порядки пехоты, занять и подготовить огневые позиции.

Перед рассветом все было готово. До атаки оставались считанные часы. Артиллеристы, еще не обстрелянные в боях, сидели около орудий, вполголоса разговаривая друг с другом. Николай Кузьмич видел: нервничают, много курят.

А передовая и ночью не молчала. Над землей то и дело взмывали ракеты. Описав крутую дугу в воздухе, они медленно скользили вниз, источая вокруг себя мертвенно белый свет. Изредка начинали железную скороговорку ручные пулеметы. Трассирующие пули прочерчивали в темном небе светящиеся строчки. Иногда где-то в стороне глухо и тяжело ухали редкие артиллерийские разрывы. Над огневой позицией жалобно и тягуче, уже на излете, подвистывали шальные пули.

Николай Долгих ходил от орудия к орудию, еще и еще раз проверяя готовность их к бою. Он был озабочен, однако весело шутил с солдатами, стараясь их приободрить. Он понимал их состояние. Первое боевое крещение... Как-то сумеют выдержать это испытание его подчиненные? Вчерашние безусые парнишки, всего лишь несколько месяцев назад призванные к оружию, могли в первом бою растеряться.

Командир взвода знал, что абсолютно бесстрашных людей

нет. Смерти боятся все. Главное не в этом. Главное — надо научиться подавить в себе страх, не теряться, быть хладнокровным. А это самое трудное.

Младший лейтенант выглядел уверенно и спокойно. Он не имел права показывать подчиненным свои сомнения в их стойкости и мужестве. Они должны видеть: командир верит в них, в их отвагу и боевую выучку.

— Выше голову, орлы!

А «орлы» с усилием улыбались в ответ, пряча глаза от младшего лейтенанта.

Разгорался рассвет. Заметно светлело. Вот-вот из-за горизонта брызнет солнце. Уже было видно, как белесый туман тонкой пеленой висит над землей. На передовой на минуту установилось мертвое затишье.

Но вдруг где-то там, за спиной противника, что-то тяжело ухнуло. Николай Кузьмич не сразу понял смысл случившегося. И только услышав, как вразной запели, завыли, застонали мины, понял: начался вражеский артобстрел.

Рвались мины и снаряды. Дрожала и, казалось, стонала земля. Взрывы ахали впереди огневой позиции, сзади, с боков... Враг обрушил на нашу передовую шквальный огонь.

Младший лейтенант, опомнившись через минуту, метнулся к брустверу огневой позиции, напряженно вглядываясь в сторону врага. В глаза бросились всплески пламени: два немецких орудия вели беглый огонь. Они были так близко, что, казалось, их можно достать рукой. Надо прямой наводкой!..

— Расчет, к орудию! — крикнул он.

Но его команды, казалось, никто не слышал.

— К орудию! — закричал он еще яростнее, и сам бросился к пушке. Рывком открыл замок, с лязгом загнал снаряд в казенник, припал к панораме и повел стволом. «Ага, вот!» — в перекрестии панорамы плеснул огонек вражеского орудия. Он выстрелил. Пушка резко вздрогнула, ствол откатился назад и вновь встал на свое место.

— Снаряды! — не отрываясь от панорамы, снова закричал младший лейтенант. Его рука, протянутая назад, напряженно ждала... И вдруг его раскрытую, напряженно и требовательно ждущую ладонь обожгло влажным холодком: на нее лег снаряд... Командир взвода оглянулся: около него стоял младший сержант, а из окопа бежали, пригнувшись, бойцы расчета. Психологический шок прошел. Личный пример офицера вывел солдат из оцепенения.

Николай Долгих, не ожидая, когда расчет займет свои места,

вновь зарядил орудие и выстрелил. А когда открыл замок, очередной снаряд в казенник загнал уже заряжающий. Весь расчет был на местах.

Потом ни младший лейтенант, ни его солдаты уже ничего не слышали вокруг себя: ни разрывов мин и снарядов, ни свиста осколков, ни захлебывающейся стрельбы на передовой. Они были в горячке и азарте боя.

Командир взвода, стоя рядом со своим орудием, видел только одно: немецкая пушка продолжает стрелять. Он отдавал команду за командой, полный нетерпения и ненависти.

Теперь «говорила» и его вторая пушка. И гром ее приводил его в восторг. Значит, солдаты не подвели. Значит, краснеть перед командиром батареи ему не придется. Его взвод в строю. Его взвод бьется.

Вражеские снаряды рвались все ближе и ближе. Но вот Долгих увидел, как немецкое орудие окуталось фонтаном взрыва.

— Есть! Прямое попадание! Молодец наводчик! — Он приказал перенести огонь на другую цель...

Наконец погасли вспышки и второго вражеского орудия. И тогда оттуда, с передовой, донесся сплошной треск стрельбы, а немного погодя протяжный гул голосов:

— Рааа-аа!

Пехота поднялась в атаку.

Николай Долгих огляделся. Около орудия валялись пустые латунные гильзы. Некоторые из них все еще продолжали дымиться. Солдаты с расстегнутыми воротниками гимнастерок, потные и с копотью на лицах, стояли на своих местах.

— А теперь — наведите тут порядок! — сказал он.

Солдаты торопливо бросились исполнять команду. Младший лейтенант теперь знал, что авторитет его непререкаем. Бойцы пойдут за ним в огонь и в воду. Они безоговорочно поверили в него, в его хладнокровие и выдержку.

А потом, к вечеру, когда затих бой, Николая Долгих вызвал к себе командир дивизиона. Он расспросил его обо всем, а при разборе только что окончившейся операции поставил в пример действия командира огневого взвода.

— Вот так надо воевать, как воевал сегодня Долгих. Он личным примером увлек за собой своих бойцов...

Это был первый бой в его фронтовой биографии. И первая правительственная награда — орден Красной Звезды.

Но это было только начало. Впереди были Дунай, Вена, Альпы...

А. КУПОНОВ

НАГРАДА

ЗА СМЕЛОСТЬ

Дьяков Павел Семенович родился в 1915 году в Суксунском районе Пермской области. Службу в Советской Армии начал с 1936 года. В 1938 году в составе 39-й морской десантной дивизии был высажен с десантом в Посьете и принимал участие в боях на Хасане. В ноябре 1942 года направлен в воздушнодесантные войска. В составе учебного батальона, а затем 11-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, под Ахтыркой, за освобождение Украины. В августе 1943 года был тяжело ранен и весной 1944 года демобилизован. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Коммунист П. С. Дьяков живет в Перми, находится на пенсии.

Сражение на Курской дуге достигло наивысшего накала. Гвардейцам-десантникам 5-й воздушнодесантной дивизии предстояло своим наступлением сорвать контрудар немецких танковых и моторизованных дивизий во фланг войскам Воронежского фронта.

11-й стрелковый полк вначале продвинулся далеко вперед, но затем был остановлен упорным сопротивлением частей 10-й моторизованной дивизии немцев. Фашисты обрушили на десантников шквал артиллерийского и минометного огня. Потом в контратаку пошла пехота.

Сержант Павел Дьяков, не отрываясь от пулемета, поливал ее свинцом. К нему подполз командир роты.

— Немцы обходят с флангов, — сказал он. — Останешься прикрывать. Закрепимся на рубеже — получишь команду на отход.

Дьяков молча выслушал офицера. Вместе они воевали на Северо-Западном, мерзли в снегах под Старой Руссой. С тех пор научились понимать друг друга с полуслова. Дьяков огляделся, поискал глазами укрытие и, не найдя его, стал долбить саперной лопаткой неподатливую, жесткую землю. Десантники еще некоторое время вели огонь, затем, выполняя приказ, стали отходить.

Павел остался с москвичом Пермяковым, вторым номером расчета. Спокойный, неторопливый, он посылал очередь за очередью из автомата, давая возможность сержанту окопаться.

Но вот жарко хлестнул пулемет. Дьяков увидел, как поднялись в рост и с криком устремились вперед серо-зеленые фигуры немцев. Часть из них упала, скошенная пулеметной очередью, другие залегли. Над головами советских бойцов густым роем засвистели пули.

Дьяков подтянул коробку с патронами, пересчитал диски. Их оставалось восемь. В каждом по сорок девять патронов. Надо ли их хватить?!

Он посмотрел на Пермякова. Тот понял его без слов: прижимаясь к земле, пополз вдоль линии, которую недавно удерживали десантники. Вскоре он вернулся и на вопрошающий взгляд командира отделения развел руками: ничего, кроме стреляных гильз и трупов фашистов, на поле не осталось.

Впереди на пригорке снова зашевелились немцы. Сосредото-

чиваясь, они короткими перебежками продвигались вперед. И вдруг, поднявшись в рост, пошли в атаку.

Дьяков нажал на спуск автомата и стал бить длинными очередями, рядом строчил Пермяков. Фашисты отхлынули.

До самого вечера отбивали атаки фашистов два советских десантника.

...Плотная темень легла на землю. Немцы продолжали скапливаться на гребне высоты, осыпая неприступный окопчик градом трассирующих пуль.

В короткую минуту затишья Дьяков почувствовал, как Пермяков тронул его за локоть, и, не отрываясь от приклада, спросил:

— Чего тебе?

Не получив ответа, повернулся к товарищу. Тот показал пустые диски.

Дьяков дал очередь в сторону, откуда послышался топот делавших перебежку немцев. Оттуда неслись душераздирающие вопли раненого фашиста.

Вдруг сзади послышалось тяжелое дыхание ползущего по земле человека. Обернувшись, Дьяков увидел бойца в каске, на его погонах тускло отсвечивали «мухи» — так называли десантники эмблемы воздушнодесантных войск. Связной передал приказание командира полка оставить позицию. Через час все трое были у своих.

Едва забрезжил рассвет, земля вздрогнула, и все потонуло в грохоте артналета. Советские войска снова пошли в наступление.

Павел Дьяков бежал со своим отделением по полю. Впереди маячили «тридцатьчетверки». Справа и слева вставали султаны разрывов. Где-то рядом остался окопчик, в котором он несколько часов сдерживал фашистов. А вот и косогор, откуда они наседали. На его склоне, словно выброшенные прибоем, валялись десятки трупов немцев.

...Село Михайловка раскинулось на пригорке. Немцы превратили его в опорный пункт. Здесь действовали отборные немецкие части из дивизии «Мертвая голова». Сопrotивление их было отчаянным.

До первой траншеи немцев оставалось не более двухсот метров. Но сильный пулеметный и минометный огонь врага заставлял бойцов прижиматься к земле, и, казалось, никакая сила не может оторвать их от нее.

Командир роты дал сигнал к перебежке.

— Слева и справа по одному — вперед! — скомандовал Дьяков своему отделению. Сделав несколько шагов, бойцы снова бросались на землю — настолько плотным был огонь фашистов.

В эти минуты вспомнился Дьякову август тысяча девятьсот тридцать восьмого года, высота Заозерная. Тогда тоже было жарко под самурайскими пулями, но красноармейцы смяли захватчиков, выбили их с высоты.

Поднявшись над цепью, Дьяков крикнул:

— Ребята, за мной — вперед!

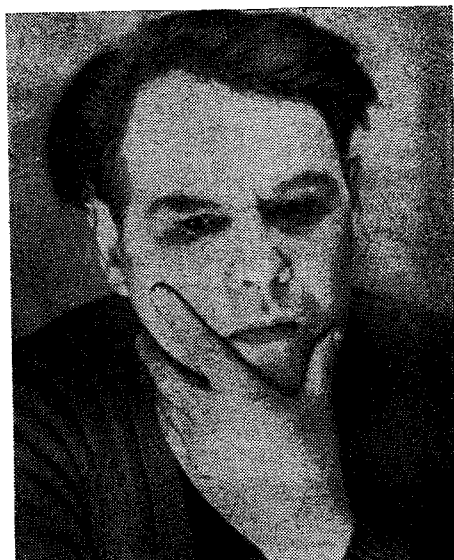
Бойцы последовали его примеру — рядом слышалось жаркое солдатское дыхание.

Одна за другой полетели в немецкую траншею «лимонки». Он стал в упор стрелять по возвышавшимся над бруствером каскам из автомата. Гвардейцы поднялись в рост и, преследуя убегающих к крайним хатам фашистов, устремились вперед.

Наши войска занимали Михайловку. Дьяков видел, как с противоположного конца села бегут немцы, преследуемые советскими танками.

Он убыстрил бег и вдруг почувствовал, как тугая воздушная волна оторвала его от земли и с силой швырнула в бездонную яму. Это случилось 28 августа 1944 года. А через месяц, в госпитале, Павел Семенович Дьяков узнал, что за отвагу, проявленную в боях под Михайловкой, он награжден орденом Красной Звезды.

Г. СУЛЕЙМАНОВ

В ДЕМЯНСКОМ

«КОТЛЕ»

Морозов Леонид Иванович родился в 1921 году в деревне Катыши Ильинского района Пермской области. До войны работал машинистом электровоза шахты имени М. И. Калинина в Губахе. В сентябре 1941 года призван в армию. Службу проходил в 1-й маневренной воздушнодесантной бригаде. Участвовал в боях на Северо-Западном фронте, десантировался в тыл 16-й немецкой армии. В составе бригады, переименованной в 5-ю гвардейскую стрелковую, осенью 1942 года принимал участие в боях на Северном Кавказе: под станицами Наурской и Ищерской. При форсировании Терека в районе города Моздок был ранен и после излечения демобилизован. Награжден пятью медалями.

Коммунист Л. И. Морозов в настоящее время живет в Кизеле. Работает прорабом на железнодорожной станции.

Весной 1942 года войска Северо-Западного фронта окружили 16-ю немецкую армию в районе Демянска. Это был первый с начала войны «котел», в который угодили немцы.

Сорок дней десантники совершали диверсии в Демянском «котле», разведывали систему коммуникаций и оборонительных сооружений, чтобы облегчить нашим войскам ликвидацию окруженной немецкой армии.

Шли двенадцатые сутки стремительного рейда по вражеским тылам. Налеты на штабы и узлы связи, засады на дорогах, многоверстные лыжные переходы и ночевки в снегу измотали десантников. Но больше всего досаждал голод. База бригады и аэродром, тайно оборудованный на краю обширного болота Невий Мох, остались далеко в стороне от зоны действий батальона. Собираясь в логово врага, каждый старался положить в рюкзак лишнюю обойму и гранату вместо пачки концентратов и сухарей. Последний сухарь был догрызен еще неделю назад, надежды на помощь местных крестьян не оправдались. Немцы выселили жителей многих деревень и превратили населенные пункты в неприступные крепости.

К вечеру лыжники остановились на отдых. Командир батальона приказал связному Леониду Морозову:

— Всех командиров рот и взводов ко мне. Остальным отдыхать, костров не разводить.

Под мохнатой елью вскоре собрались командиры. Исхудавшие, заросшие до глаз щетиной, они расположились полукругом на притоптанном снегу.

— Мы пропадем с голоду и не выполним поставленной задачи, — сказал комбат. — Выход один — брать с боем населенный пункт, запастись продуктами и двигать дальше по курсу. В полукилометре деревня Малое Опуево. Надо взять ее ночной атакой.

Совещались недолго. Было ясно, что это единственный выход, пока еще достаточно боеприпасов, пока люди на ногах и могут стрелять. Обсудили в деталях план штурма и взаимодействия в бою. Отправили в разведку к деревне сержанта Шульгина, известного в бригаде своей смелостью и находчивостью уральца.

Бойцы, получив приказ, начали готовиться к ночному сраже-

нию. Чистили оружие, набивали патронами диски, подгоняли снаряжение. Особенно тщательно чинили крепления — от сырого мартовского снега они разбухли и рвались на ходу. Каждый понимал, что значит сойти с лыж и провалиться в снег во время атаки. Станешь беспомощной, неподвижной мишенью для прицельного огня.

Связной Морозов, закончив приготовления к бою, с трудом стянул с себя маскировочный халат и принялся латать дыры. Неприятно ныла рана в боку, напоминающая о недавней стычке. Накуну он с группой лыжников нарвался на засаду. В молниеносной схватке уничтожили вражеских солдат. Но один из них успел метнуть в Леонида нож. К счастью, нож, пробив теплую куртку, прошел скользком по ребру и только разрезал кожу...

Появившись в центре «котла», десантники произвели у немцев настоящий переполох. На поимку красных «диверсантов» спешно стягивались крупные части, снятые с обороны. Воздушные «стервятники» часами кружили над лесами и дорогами, выглядывая добычу. Немецкие обозы шли только в сопровождении танков и бронетранспортеров. С наступлением темноты всякое движение прекращалось, населенные пункты блокировались наглухо. И все же то там, то тут ухали взрывы, вспыхивали дымные пожары, внезапно возникали перестрелки. Десантники, сделав свое дело, растворялись в густых лесах, не ввязываясь в затяжные бои.

Теперь же обстоятельства сложились так, что надо самим навязывать бой. Причем с непременным условием — разгромить гарнизон во что бы то ни стало. Иначе нельзя. Истощенных и обессиленных людей немцы переловят, как куропаток.

Леонид знал, что бой будет жестоким, потребует немало жертв, и был готов как можно дороже продать жизнь, прихватив с собой десяток врагов. Этой мыслью были заняты и земляки, расположившиеся вокруг. Они тихо переговаривались, сообщали друг другу адреса родных — на всякий случай...

В полночь роты лыжников снялись с короткого ночлега и двинулись с трех сторон к деревне. По цепочке шепотом передавали: «Никакого «ура». Атаковать внезапно. Отвечать на огонь». Леонид шел во втором взводе третьей роты, наступающей с левого фланга.

Сквозь деревья показались темные силуэты строений. Глухая, настороженная тишина... Ни звука, ни огонька... Рота развернулась в цепь, изготовила оружие к стрельбе. Минометчики и бронбойщики залегли на опушке — нужно было засечь и уничто-

жить огневые точки врага. Остальные бесшумно двинулись по целине.

Неожиданно залаяли пулеметы, послышались взрывы мин — враг обнаружил роту, наступающую в лоб. И тут же ожили огневые точки на флангах, над деревней взвились яркие ракеты. Гарнизон, предупрежденный о возможном нападении русских десантников, был настороже.

Лыжники, несмотря на бешеный огонь, стремительно сближались с врагом. Осколком мины сразило командира взвода. Командование взял на себя старший сержант Фомичев. Леонид шел рядом, приготовив для броска гранаты. Но вперед вырвался политрук роты Буяков, мастерски владевший «карманной артиллерией». Метнув гранату, он уничтожил пулеметчика, который бил длинными очередями из окна баньки, стоявшей на пути к строениям. Стреляли из подвалов, окон, чердаков. Каждый дом пришлось брать штурмом. Леонид бросал гранаты, стрелял, а в сенях, когда на него набросился выскочивший из чулана немец, пустил в ход нож десантника.

Особенно ожесточенно защищали немцы каменное здание, где, как оказалось потом, размещался штаб гарнизона. Расчеты бронейщиков с близкой дистанции ударили по окнам и амбразурам. Огонь на какое-то мгновение стих. Этого оказалось достаточно для стремительного броска к дверям. Прокладывая дорогу гранатами, наши бойцы ворвались в штаб и завершили дело.

Три часа шло жаркое сражение за Малое Опуево. Только кучке немцев удалось бежать, оставив на поле боя более сотни трупов. Среди многочисленных трофеев оказались и самые желанные — два крупных продовольственных склада.

Заняв круговую оборону, батальон стал приводить себя в порядок, пополнять боеприпасы.

На другой день хоронили героев штурма. Вместе со всеми стоял Леонид над братской могилой, прощался с боевыми товарищами — сержантом Гордеевым из Кизела, бронейщиком Вотинковым из Кировской области и другими славными десантниками.

Получив указания о дальнейших действиях, десантники выспались в домашнем тепле, обсушились, привели в порядок одежду и обувь, запаслись продуктами. Оставив в деревне свой гарнизон из семидесяти бойцов во главе со старшим сержантом Фомичевым, батальон отправился дальше.

Была надежда, что к деревне выйдут для пополнения запасов и другие подразделения бригады. Но, как узнал Леонид позднее, никто из наших больше не подошел. Гарнизон семь су-

ток отбивался от наседавших немцев, а затем, приведя в негодность трофейную технику, вырвался из кольца и ушел в леса.

Выполнив задание, десантники начали поиски слабых звеньев во вражеской обороне для выхода из «котла». В ночь на тринадцатое апреля поредевшие ряды десантников пошли на прорыв. Леонид шел в передовом отряде, который расчищал путь и вызывал огонь на себя. С боем прорвались через передний край противника. Переплыв под шквальным огнем реку Полу, десантники вышли к своим на крутой берег реки.

Спустя много лет после окончания войны, Леонид Иванович Морозов встретил немало земляков-десантников из Пермской области. В Кизеле сейчас живет участник рейда Вагиз Гайнуллин, который был заброшен в тыл врага в составе 4-го батальона той же бригады. Он работает кузнецом в Кизеловской дистанции пути. Еще один десантник — Михаил Ипполитович Селиванов — откликнулся из Частинского района. А Иван Тарасович Косовских, тоже участник рейда, живет в Ильинском районе.

★ ★ ★

М. СМОРОДИНОВ.

СОЛДАТ

ВЕСНЫ

Нуриев Киям Гельметович родился в 1926 году в деревне Мечетлено Салаватского района Башкирской АССР. В ноябре 1943 года призван в Советскую Армию. Служил в 20-й воздушнодесантной бригаде. В составе 98-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в боях в Венгрии, Австрии и Чехословакии. Совершил 66 прыжков с парашютом. Награжден медалями.

К. Г. Нуриев живет в Перми, работает на заводе имени В. И. Ленина. Ударник коммунистического труда, депутат Пермского городского Совета. Награжден орденом «Знак Почета».

Рассказывать о прошлом Киям Гельметович не любит. Но иногда, особенно весной, гвардии сержант запаса Нуриев повторяет мысленно свой боевой путь по дорогам Венгрии и Австрии, от Балатона до Праги. И снова грохочут взрывы гранат, и смрадно дымятся облапленные паучьей свастикой танки. Снова полыхает в огне венгерский городок Веспрем, и десантник Кочергин из шестой роты со связкой гранат падает под отполированные, как лемех, гусеницы «тигра»...

«От Советского Информбюро.

27 декабря 1944 года советские войска форсировали восточный рукав Дуная и установили связь с частями, действующими на западном берегу реки. Таким образом, наши войска расчленили окруженную будапештскую группировку противника на две изолированные друг от друга части...»

...Батальон по понтонному мосту миновал Дунай. Щепки, доски, радужные мазутные пятна, серые обломки стен замутили светлые воды воспетой поэтами реки. Был голубой Дунай не голубым, а пасмурным, свинцово-серым. Серым, как солдатская шинель.

Молча шли десантники. Ноги в обмотках, в тяжелых ботинках двигались устало. Из развалин на солдат смотрели, собравшись стайками, как воробьи в мороз, венгерские ребятишки. И, ножом по сердцу, их глаза — огромные, печальные, взрослые на худеньких, морщинистых лицах. И вид этих восьмилетних старичков и старушек заставлял солдат жестче сжимать обветренные губы и ускорять шаги — туда, на запад, куда раскатами орудейного грома катилась по Европе весна сорок пятого года. Солдаты спешили догнать войну и прикончить ее, как таежные охотники спешат по следам тигра-людоеда. Они спешили, не зная, что через трое суток у маленького венгерского городка вступят в первый бой и не каждый из них встретит День Победы...

— Киям, закурим что ли? — Рядовой Спиридонов, товарищ Нуриева по 4-й роте, сунул руку за кисетом.

— Потерпи, Иван, мы тут слишком на виду, — облокотившись на край воронки, вполголоса ответил Киям.

Позицию они выбрали неудачно. Воронка от тяжелой бомбы была глубока, в ней скопилась мутная весенняя вода, и обмотки

быстро намокли. Они лежали уже второй час. День выдался на редкость солнечный, яркий. И раскинувшийся перед ними в низине венгерский городок Веспрем был виден в подробностях. Город горел. Языки пламени, неяркие на солнце, лизали черепицу крыш. Темнели провалы окон. Будто пики, подпирали мартовское небо готические шпили уцелевших от бомбежек и артобстрелов зданий.

До города было километра три. Справа, за шоссе, ведущим к нему, чернел лес. Веспрем казался вымершим. Но только казался.

Метрах в ста от Нуриева замаскировался в кустах начальник штаба батальона с двумя десанниками. Еще двое десантников залегли на правом склоне высоты.

Семь человек, семь десантников ждали, готовясь принять на себя первый удар вражеской танковой колонны.

«Разве таким представлялся бой? — думал Киям. — Атака, пальба, громовое «ура!»...»

Война — и такое весеннее ласковое солнце... Киям взял комок липкой, влажной земли и смял ее в пальцах. Весна. Здесь, в Венгрии, снег давно стоял. Вот, земля томится. До сева недалеко. А в Башкирии — из дома пишут — еще снега. И мать по утрам расчищает тропинку до колодца, стучит по обледенелой бадье, сбивая сосули, и тяжело вращает скрипучий ворот. А потом идет, склоняясь под тяжестью ведер, — старенькая, худенькая, добрая. Последний раз отправил он ей письмо сегодня утром, после марша. Трудным был марш. На путь от Будапешта и до этой высоты перед Веспремом потребовалось три ночных перехода. Из-за весенней распутицы, превратившей местность от Будапешта до Балатона в болото, отстали от десантников артиллерия и даже танки. Вдоль раскисших дорог чадили подбитые фашистские орудия и машины, валялись обгорелые трупы.

Батальон вышел к Веспрему. Город был опоясан мощным кольцом оборонительных сооружений. К тому же разведка сообщила о скоплении вражеских танков, движущихся навстречу нашим частям. Южнее, у соседей слева, уже грохотал бой. А на позициях батальона относительно тихо.

— Надолго ли? Ведь немцам легче всего контратаковать отсюда, от Веспрема, — задумчиво сказал командиру батальона начальник штаба, складывая карту.

— Контратаковать фрицы наверняка будут вот здесь, через высоту! Слева и справа — болото. На высоту надо послать добровольцев, истребителей танков. Выбрать ребят поопытней.

Все-таки первый бой. Чтобы остальные видели, что не так уж страшен «тигр».

Из нескольких десятков добровольцев отобрали шесть бойцов. Каждому выдали по две связки гранат. Истребители во главе с начальником штаба выдвинулись вперед метров на двести от позиций батальона и оседлали высоту.

И вот лежит он, один из шести добровольцев, и ждет вражескую атаку...

Солнце припекало. Киям прикрыл глаза: сказывались часы напряженного ожидания. Тревожное предчувствие боя показалось на миг невозможным, нереальным. Подумалось, что стоит сейчас открыть глаза — и враз исчезнут дымный Веспрем, пологий скат бомбовой воронки, черные тени нагих кустов...

— «Тигры» слева! — крикнул Спиридонов.

Сердце дрогнуло, но страха не было. Так вот они какие, «тигры»! Киям крепко стиснул связку гранат.

Тяжело громыхая, на высоту взбирались два стальных чудища. Танки, почему-то без пехотного прикрытия, шли прямо к воронке, где залегли Киям со Спиридоновым. Еще два «тигра» двигались на позицию десантников, залегших справа от Нуриева. За ними бежали автоматчики. Из стволов танковых пушек вырывался огонь, снаряды, разрываясь, поднимали фонтаны земли.

— Бьешь первого! — крикнул Нуриев — Не спеши. Целься в топливный бак!

До переднего «тигра» оставалось метров двадцать, когда Спиридонов метнул связку.

«Поспешил Ваня», — подумал Киям и рванулся из воронки навстречу танкам. Но гранаты Спиридонова сделали свое дело: передний «тигр» с подбитой гусеницей закрутился на месте и осел, как зверь с простреленной лапой. Катки вдавились в сырую землю. Пытаясь обойти его, второй «тигр» подставил Нуриеву борт. Киям швырнул связку. Из топливного бака вырвались яркие языки пламени, танк окутался черным дымом. Добив второго «тигра», Нуриев и Спиридонов бросились на помощь товарищам. Громыхали разрывы гранат, трещали автоматы.

Перед кустами уже полыхала третья вражеская машина. Но четвертый «тигр» упрямо шел вперед. Загребая землю гусеницами, он огрызался пулеметным и пушечным огнем. Прячась за его броней, бежали, пригибаясь, вражеские солдаты.

Киям и Спиридонов залегли. Их автоматы били в упор. Отрезанные от последнего «тигра», фрицы отступили. А танк шел вперед. На пути его вырос десантник из 6-й роты. Киям ничего не знал об этом парне, кроме фамилии — Кочергин.

Кочергин швырнул связку, но гранаты, ударившись в лобовую броню и взорвавшись, не причинили танку вреда. И тогда Кочергин шагнул навстречу стальному чудищу...

Тяжелый взрыв тряхнул землю. «Тигр» остановился. Потрясенные молчали десантники. И в тишине, над оглохшей после пальбы и взрывов землей, лязгнула крышка. Из танкового люка показалась рука с пистолетом, потом ребристый шлем.

— Ну, эти-то в плен не пойдут, — прошептал Спиридонов и поднял автомат...

Вечером, без артподготовки, наши части двинулись вперед и неожиданным ударом взяли Веспрем.

«Дорогой товарищ младший сержант Киям Гельметович Нуриев!

Приказом № 306 от 24 марта 1945 года Верховного Главнокомандующего Вам объявлена благодарность за участие в разгроме танковой группы немцев юго-западнее Будапешта в составе одиннадцати танковых дивизий и в овладении городами Секешфехервар, Мор, Веспрем, Эньинг и 350 другими населенными пунктами.

Горячо поздравляю Вас, воин Советской гвардии, и желаю добиться еще больших успехов в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Смерть немецко-фашистским захватчикам!
Командир части...»

Утро следующего дня десантник Нуриев встретил уже далеко от Веспрема. Фронт стремительно катился на запад. И надо было шагать и шагать, стрелять в упор и биться врукопашную, и снова шагать — туда, где ждала своей весны, ждала освободитель измученная Европа.

М. ПЕРМЯКОВ

ПО

ТЫЛАМ ВРАГА

Пермяков Михаил Самсонович родился в 1912 году в городе Лысьва Пермской области. После окончания уральской областной школы физической культуры работал инструктором физкультуры на Лысьвенском металлургическом заводе, затем председателем комитета физкультуры и спорта. В июне 1941 года призван в армию. Окончив ускоренный курс пехотного военного училища, стал командиром взвода 8-й воздушнодесантной бригады. Дважды забрасывался на парашюте со своим взводом в тыл вражеских войск в Смоленскую область со специальным заданием. В тылу врага действовал около пяти месяцев. Награжден несколькими медалями.

М. С. Пермяков демобилизован в ноябре 1945 года. В настоящее время живет и работает в Лысьве.

Наконец-то учеба в пехотном училище осталась позади. Скоро фронт, о котором мы мечтали с первого дня войны. В мыслях уже рисовались картины боя: мощные артиллерийские залпы, от взрывов снарядов и авиационных бомб дрожит и стонет земля.

Нет, мы не думали тогда о возможной смерти, это как-то не укладывалось в рамки наших представлений о войне. Просто хотелось вместе с другими советскими людьми вступить в схватку с фашизмом и во что бы то ни стало добиться победы. Фашизм должен быть уничтожен.

Глубокой февральской ночью 1942 года наш взвод занял места в двухмоторном самолете. Предстояло пересечь линию фронта.

Все сидели молча или смотрели в иллюминатор на покрытую белым покрывалом едва видимую землю.

Самолет, миновав Подольск и Наро-Фоминск, приближался к передовым позициям, когда неожиданно прожекторы схватили нас в клещи, а по сторонам засверкали разрывы зенитных снарядов. Однако пилот сумел быстро вырвать машину из ярких лучей прожекторов. Полет продолжался.

Вот и нужный нам район. Это мы поняли по вспыхнувшей табличке «Приготовиться!». Попрошавшись с летчиками, я натянул на голову капюшон белого маскировочного халата и последним провалился в темноту ночи.

К рассвету весь взвод собрался вместе. А к вечеру мы разыскали штаб батальона. Начались боевые будни в лесах Смоленщины. В воздух взлетали железнодорожные и шоссейные мосты, падали под откос поезда, горели танки и автомашины.

Однажды разведчики доложили, что натолкнулись на большой лесозавод, восстановленный гитлеровцами. Завод обеспечивал пиломатериалами и лесом строителей долговременных огневых точек и ремонтников дорог.

Командир батальона собрал всех офицеров.

— Завод крепко охраняется немцами, к тому же обнесен лесным завалом. И все-таки мы должны его уничтожить.

Перед каждым взводом была поставлена задача. Мне со своими бойцами приказано было наступать с юго-востока на ту часть поселка, которая была отделена небольшой речушкой.

К назначенному времени все незаметно вышли на исходные рубежи. И как только в небо взвилась ракета, начался штурм. Почти четыре часа продолжался бой. Немногим гитлеровцам удалось вырваться из окружения и скрыться в лесу. На территории завода мы насчитали сто шестьдесят пять трупов гитлеровцев.

Вскоре батальон уходил дальше, а позади высоко в небо взвились языки пламени. Горел подожженный нами лесозавод.

Парашютисты-десантники и партизаны наносили немцам большой урон, дезорганизуя тыл. Гитлеровское командование было вынуждено бросить против нас несколько дивизий, в том числе две танковые. Под натиском превосходящих сил противника мы отходили на северо-запад, в сторону Дорогобужа. От непрерывных боев люди устали, к тому же приходилось нести раненых и больных, оружие и боеприпасы. Бойцы едва переставляли ноги, а на пятки наседали фашистские танки и пехота.

В один из таких дней меня вызвал комбат.

— Дальше так идти мы не можем, надо обязательно где-то укрыть раненых товарищей. Поручаю вашему взводу остановить и задержать немцев, а в это время мы где-либо устроим раненых. Сколько человек осталось во взводе?

— Четырнадцать. Есть два противотанковых ружья, двадцать восемь патронов к ним и один ручной пулемет.

— Маловато. И все же людьми помочь не могу. Дам тебе пару десятков ручных гранат да толовые шашки. Пригодятся для борьбы с танками. — Потом, пожав руку, дружески добавил: — Надеюсь на тебя, Самсоныч.

Мы попрощались. Каждый понимал, что возможно, больше никогда не встретимся.

Собрав остатки взвода, я объяснил задачу. Не откладывая, начали рыть окопы на опушке густого леса по обе стороны проселочной дороги. Перед нами расстилалось большое поле, а дальше, где-то там, в лесу, шли немцы.

К середине дня мокрые от пота бойцы закончили оборудование ровиков, замаскировали их, приготовили оружие и гранаты. И почти тотчас же донесся сначала слабый, а потом все усиливающийся гул. Сомнений быть не могло — приближаются танки.

— Огонь без моей команды не открывать, боеприпасы беречь, — предупредил я солдат.

Вскоре один за другим вышли из леса четыре танка. Они тащили за собой санные волокуши с автоматчиками. Вероятно, никто из немцев не думал о засаде, а поэтому многие курили и о чем-то оживленно разговаривали.

Мы с тревогой следили за приближающимися стальными громадами.

— Товарищ лейтенант, танки уже совсем близко! — донесся голос сержанта Жукова. Прижав к плечу приклад противотанкового ружья, он не сводил глаз с передней машины.

— Не спеши, — остановил я бронебойщика, а когда осталось метров триста, крикнул: — Огонь!

Бронебойные пули глухо ударились о броню, не причинив машинам никакого вреда. Немцы, сидевшие на волокушах, попали под меткие выстрелы наших пулеметчиков и автоматчиков. Оставшиеся в живых поспешили укрыться.

Передний танк почему-то свернул с дороги. Пуля, посланная сержантом Жуковым, попала в моторный отсек, и к небу взметнулся столб черного дыма.

Немцы, обнаружив наши позиции, открыли по ним артиллерийский и пулеметный огонь. К ним присоединились автоматчики. Наш небольшой участок обороны покрылся густой сетью взрывов. Дождь пуль и осколков не давал поднять головы. Туда, где только что находились сержант Жуков и его напарник, упал снаряд. Исковерканный ствол противотанкового ружья упал недалеко от моего ровика.

В тот же миг второй бронебойщик подбил еще один вражеский танк. На поле вспыхнул новый костер. Два оставшихся танка зашли с флангов. Теперь им стало удобнее бить по нашим окопам из крупнокалиберных пулеметов.

Вот замолчало и второе противотанковое ружье, бойцов становилось все меньше и меньше. Наше сопротивление слабело. И когда казалось, что в живых никого не осталось, из окопа во весь рост поднялся боец и бросил связку гранат под гусеницы танка. Солдат тут же упал, сраженный пулей, но и танк замер навсегда.

Нас осталось только двое — я и пулеметчик Егоров, расстрелявший полностью диски. Ни одного патрона не было и в моем автомате. До сих пор не знаю, каким чудом нам удалось выползти из этого пекла и скрыться в лесу. Только тогда мы заметили, что на землю уже опустилась вечерняя темнота.

Взвод выполнил поставленную перед ним задачу: отряд противника был не только задержан почти на пять часов, но и разбит.

Ночь мы с Егоровым провели в лесу, а утром продолжали путь. Лишь к вечеру нам удалось догнать батальон. Разыскав комбата, я доложил:

— Товарищ командир батальона, ваше приказание выполнено. Отряд противника разбит, уничтожено три танка.

— Знаю, — он по-братски обнял меня. — Наш старшина уже и вас с пулеметчиком Егоровым снял с довольствия.

— Мы еще повоюем, товарищ комбат, — устало улыбнулся Егоров, — и отомстим за погибших товарищей.

...Батальон продолжал поход по тылам врага.

Л. ЖЕРЕБЦОВ

УЗНАЛ

ТОЛЬКО... «ДОМА»

Полимонов Александр Актеньевич родился в 1917 году в городе Невьянск Свердловской области. В 1938 году был призван в армию. Служил в авиационных частях. Был начальником парашютнодесантной службы 3, 214, 2-й гвардейской воздушнодесантных бригад, 11-й воздушнодесантной и 281-й авиатранспортной дивизий. В составе 3-й воздушнодесантной бригады в 1942 году участвовал в боях на Таманском полуострове в районе города Темрюка. В 1943 году воевал на Северо-Западном фронте. Награжден двумя орденами Красной Звезды и семью медалями.

Ныне коммунист А. А. Полимонов живет в Перми. Он мастер

парашютного спорта. Совершил 1218 прыжков с парашютом.

Крашенинникова, ныне Полимонова, Нина Васильевна, родилась в 1921 году в селе Серман Никольского района Пензенской области. Член КПСС с 1942 года. В 1942 году добровольно вступила в Советскую Армию. Служила в 22-й зенитноартиллерийской дивизии под Москвой, затем в 214-й воздушнодесантной бригаде и 11-й гвардейской воздушнодесантной дивизии.

Н. В. Полимонова награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Зима сорок третьего. Метет февральская метель над псковской землей. Пляшет снег, забивая тропинки, седыми вихрями окутывая все вокруг. Где-то неподалеку — село. А здесь, за околицей Крапивно, тишина. Только лес скрипит и стонет под ударами ветра. Сквозь метель совсем не видно землянок на пустыре у лесной опушки, но Александр, привычно нащупывая ногами затвердевшую ниточку тропы, безошибочно отыскивает «особняк» десантников.

До утра еще далеко. Сбросив куртки и унты, солдаты сгрудились возле печки-«буржуйки».

— ...Не верят вот люди в предчувствие. Глупость, дескать, все это — сердце, мол, подсказывает. А я верю, — раскуривая цигарку, заключил старшина.

— Ну и что же подсказывает тебе сердце-то?

— Подсказывает, не подсказывает, а чувствую, недолго уж нам в этих норах сидеть. Вот-вот в тыл к фашисту пойдём.

Старшина поднес к губам самокрутку, хотел было затянуться и поперхнулся: в землянке грохнули таким хохотом, что пламя в печурке на миг захолонуло, а потом так метнулось, что труба загудела.

— Вот это сердце, братцы! Ведь такое угадать надо, — ковырнул солдат из угла.

Старшина встал и, не показывая, однако, досады, официально сказал:

— Прекратить разговоры. Отбой!

Александр сунул унты под голову, на ноги натянул меховые краги, укрылся курткой. «А ведь прав старшина. Есть у человека предчувствие. Непроста ребята балагурят. Говорят — не наговорятся. Словно прощаются...»

Старшина будто в воду глядел. Чуть свет десантников подняла боевая тревога. Застегивая на ходу ремни, Александр бросился к штабной землянке.

Метель утихла, наметав метровые сугробы. Но просека, защищенная лесом, осталась почти нетронутой. Летчики торопливо выводили из капониров заиндевелые Ли-2, вырубивая к взлетной полосе-просеке. Десантники с парашютами выстраивались возле боевых машин.

Минут двадцать гудели запущенные моторы, стряхивая с елей и дубов ночной наряд, снежной пылью обсыпая провожающих.

«Вот и их час настал», — снова подумал Александр, вглядываясь в лица десантников, прильнувших к иллюминаторам.

И вдруг приказ: выгрузиться, сдать парашюты.

Десантники уходили куда-то пешим маршем. Те же, кто готовил их, теряясь в догадках — с чего бы это отложили десантирование? — расходились по землянкам.

Откуда появились люди в стеганых ватниках, дубленых полушубках — никто толком не знал. Никто не знал и кто они. Генерал Русских вызвал начальников парашютнодесантных групп и приказал:

— Через два дня эти люди должны быть готовы к десантированию. Учтите, «прыгунов» среди них нет. Так что начинать надо все с нуля.

Александрю дали группу из тринадцати человек. Был в ней и старичок, на которого как-то сразу все в лагере обратили внимание. Среднего роста, борода клинышком, глаза острые, цепкие. Полушубок подпоясан брючным ремнем, на голове меховой треух. С виду обыкновенный, крепкий еще, подвижный старик. Но по тому, как учтиво генерал разговаривал с ним, как тот запросто называл Русских по имени и отчеству, Александр сообразил: не из маленьких, видать, человек.

Однако никаких начальственных признаков старичок не показывал. Вместе со всеми таскал хворост для учебного костра да так искусно и быстро разводил огонь, что даже выдавшие виды десантники диву давались. Вместе со всеми разбирал и собирал оружие, укладывал и снова «распускал» парашют. Только однажды, когда Александр, рассказав об устройстве парашюта, стал показывать наиболее удобные приемы приземления, объяснять, как нужно действовать, зависнув на дереве, старичок, извинившись, ушел в штабную землянку.

Вечером он разыскал Полимонова, сказал доверительно:

— Это, сынок, видать, будет мой первый и, скорее всего, последний прыжок. В молодости не научился, а сейчас, сам видишь, некогда. Ты уж не толкуй мне о том да о сем. Скажи лучше, как прыгнуть, чтобы ноги не сломать. Воевать неудобно со сломанными-то.

Старик уселся на пенек и, слушая Полимонова, мысленно прыгал: дернуть кольцо, осмотреть купол, создать удобное сиденье, оружие перевести на грудь...

— Как, говоришь, сынок? Землю на себя принимать? Эка вы-

думают! Теоретики. Ну да ладно, давай приземляться станем. Ноги, значит, вместе, ступни земле параллельно...

Ночью вызвездило. Было ясно, морозно. Накинув на плечи куртку, Александр вышел из землянки и медленно побрел по узенькой тропе. Метров триста вперед — до просеки, триста обратно — к землянке. На душе было как-то тревожно и в то же время радостно. «С чего бы это?..» — подумал. И вдруг понял: Нина!

«Милая, хорошая Нина. Так и не довелось нам больше встретиться...» Познакомились они года за три до начала войны. Александр работал тогда электромонтером и был физоргом строительного треста. Нина — инструктором кирпичной кладки зданий в этом же тресте. Стадион, туристские походы, долгие летние вечера на Каме подружили их.

В сорок первом Полимонов заканчивал действительную службу. В далекой Перми готовились к свадьбе...

Александр остановился, закурил.

Когда было последнее письмо от Нины?

«У нас на Урале сейчас тоже фронт, — вспомнил Александр. — Только трудовой. Женщины и подростки встают к станкам вместо отцов и братьев, сутками не уходят с рабочих мест... Наша бригада фронтовая... А недавно многих строителей наградили. Поздравь меня, милый. Орден Трудового Красного Знамени мне дали. Сам Михаил Иванович Калинин вручил...»

— У нас на Урале... — повторил Александр. Он тогда не знал, что его невеста давно уже добровольцем ушла на фронт. Не знал, потому что штабные писаря в сутолоке войны еще год назад похоронили его «смертью храбрых».

А Нина, как и он, шагала нелегкими дорогами войны. Была зенитчицей, защищала небо Москвы. А потом стала десантницей. Не знал Александр, что скоро, очень скоро дороги их встретятся.

Утром Полимонова вызвали к начальнику штаба. Полковник Алексеев коротко приказал:

— Проследите за экипировкой десантников. Неплохо бы вечером к месту их приземления прогуляться. Имейте в виду, операция по десантированию этой группы поручена вам. Так что...

Он развернул на столе карту. Извиваясь, словно змея, черная полоса рассекала Белоруссию почти надвое. Где-то там, западнее ее, он должен побывать сегодня, а завтра...

— Вот, — Алексеев ткнул карандашом в маленькую голубую точку, зажатую между городами Порхов и Дно, — сюда, на озеро

Лучное, и будешь высаживать. Подумай, как пройти этот коридор незамеченным, а утром доложишь.

...Александр прильнул к окошку самолета. Неподалеку на темном горизонте появились россыпи багрово-красных точек. Будто горсть рубинов бросили на черный бархат.

— Считай, что долетели, — сказал командир Ли-2 Орлов. — Справа — это Порхов, слева — Дно. Боятся, сволочи, вот и не тшат огней, еще и небо поминутно обшаривают...

Не успел Орлов договорить, как яркие полосы света беспокойно заметались и справа, и слева. Ли-2 рванулся между ними и, оставляя за хвостом запоздалый фейерверк зенитных вспышек, ушел в темноту ночи.

Обойдя озеро с северной стороны. Орлов развернул машину, пошел на снижение. Дрогнула, поползла вниз стрелка прибора: семьсот... пятьсот.... триста метров. Уже отчетливо видны деревья. Они, словно вешки, обозначили форму озера.

Больше получаса кружил самолет над лесным озером, то поднимаясь вверх, то снова прижимаясь к земле. До слез в глазах всматривался Полимонов в снежное поле, но так и не отыскал условный знак — костер.

Утром, когда он пришел доложить, у полковника Алексеева были генерал Русских и... старичок.

— Как решать будем? — выслушав Полимонова, спросил генерал.

— Решение уже принято. Там, — ткнул пальцем в потолок старичок. — Мы здесь. Выходит, нам и кумекать, как его выполнить.стерегут, говоришь, фрицы русское небо? — повернулся он к Александру. — Только, по-моему, не с той стороны они стерегут. Вот и надо подсказать им, что не с той. Пока станут уточнять, что да почему, а мы — поминай как звали. — Ну как, генерал, — вник? — усмехнулся старичок.

— Думаю, что лучшего тут не придумаешь, — согласился Русских.

— Вот и хорошо. Вы тут уточняйте, а мы в дорогу пойдём готовиться.

Он заговорщически подмигнул Александру:

— У меня тут кой-какой багажишко есть. Подарок с Большой земли. Так ты его, сынок, того, помягче заверни...

Одна за другой машины отрывались от земли и тут же исчезали в ночной темени. Флагманскую вел Орлов. В салоне, заваленном тюками с теплой одеждой, продовольствием, оружием, кроме Полимонова, сидели старичок, еще два каких-то бородача и связистка Нина.

Минут через сорок впереди показались огни. Старичок посмотрел на часы, загадочно улыбнулся:

— Не любят в потемках сидеть. Ну да и мы не лыком шиты. Сейчас фрицы убедятся в этом.

Александр отдернул занавеску, прильнул к стеклу. Он не знал, что минуту назад более ста советских бомбардировщиков обрушили на головы врагов свой смертоносный груз. Над Порховом уже поднимались багряные огненные столбы. Их было много. Им не было счета.

Слева, над городом Дно, тоже бушевал огненный ураган.

А самолеты с десанниками шли и шли по «опасному» коридору. Немцам было не до них.

— Красиво работают, — улыбнулся старичок и попросил Полимонова: — Вскрой-ка, сынок, вот этот мешочек.

Деревянная пробка так прочно сидела в бочонке, что ни Александр, ни спутники старика ничего с ней не могли поделать.

— Нина, а ну-ка покажи товарищам, как надо действовать в такой ситуации.

Нина, смеясь, отыскала в одном из тюков ручную дрель, подала Александру: сверлите.

Когда дыра была готова, она зажала ее пальцем и приказала:

— Еще одну, с другой стороны.

— А теперь поддувайте в эту дырку что есть мочи, под эту подставьте вот чайник.

Старик угостил всех янтарным грузинским вином — за успех. И стал собираться: самолет уже кружил над озером.

— Ну, прощай, сынок. — Он подошел к Александру, обнял его. По доброму русскому обычаю, они трижды расцеловались.

Старичок подошел к двери. Еще раз оглянулся и исчез в ночи...

Спал Александр часов пять — не меньше. Чертовски устал за ночь, перенервничал. Когда возвращались, напоролись-таки на немцев. Один из снарядов в хвостовое оперение угодил. Кое-как дотянули.

Разбудил его полковник Алексеев.

— Так, гляди, и орден проспишь, — пошутил он. — Только что партизаны сообщили: все в порядке, приземлились хорошо. Тебе персональное спасибо. Первый раз, говорит, прыгал.

— Кто говорит?

— Как кто? Генерал Ковпак.

★ ★ ★

А. КУПОНОСОВ.

«ФИАЛКА»

ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Романова (Кондратьева) Екатерина Филимоновна родилась в 1924 году в деревне Нератовка Альметьевского района Татарской АССР. Работала пионервожатой в селе Верхнеуратьма. В мае 1943 года добровольно ушла в Советскую Армию. Окончила школу радистов. Служила во 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которой участвовала в Курской битве. В июле 1944 года была заброшена на парашюте в тыл немецких войск в район села Малая Вашковка, на правом берегу Днепра. В тылу врага находилась около месяца, обеспечивая радиосвязь разведгруппы. Вернувшись в свою часть, принимала участие в освобождении Украины, Польши, Венгрии. Войну закончила в Праге. Награждена орденом Красной Звезды и медалями.

Е. Ф. Романова ныне живет и работает в Перми.

Глубокой осенней ночью с одного из прифронтовых аэродромов поднялся транспортный самолет с десантом на борту и взял курс на Мелитополь. В группе находилась уральская комсомолка Катя Кондратьева, недавно закончившая курсы радистов.

...Ли-2 разрезал крылом непроглядную темноту украинской ночи. Внизу — ни огонька. Где-то здесь притаилось село Малая Вашковка, которое немцы превратили в опорный пункт на пути советских войск, рвавшихся в Крым. Разведать состав и количество фашистских войск в этом районе — такую задачу поставило командование десантникам.

...Отрывисто прозвучала сирена. Парашютисты, сидевшие вдоль бортов, поднялись со своих мест и один за другим покинули самолет. Катя тоже прыгнула и, когда почувствовала рывок, первым делом ощупала правое плечо, на которое она прикрепила рацию. Затем приготовилась к приземлению.

Но вместо земли она почувствовала под ногами зыбкую поверхность веток и, зацепившись за них куполом парашюта, повисла на дереве. Быстро вынула нож, перерезала стропы. Прыгнула вниз и прислушалась: кругом было тихо. Спрятала в кустах парашют и по компасу пошла в условленное место.

Через час-полтора весь десант собрался на полянке. Переоделись в гражданскую одежду и, разделившись на группы, пошли в село.

Катя наугад выбрала одну из крайних хат, перелезла через невысокую изгородь и долго стояла у стены, выходящей в огород. Потом, держа пистолет на взводе, негромко постучала. В окне показалось испуганное женское лицо. Девушка знаками попросила открыть и подошла к двери. На пороге стояла пожилая женщина.

— Немцы в доме есть? — спросила ее Кондратьева и, увидев отрицательный жест, вошла в хату. — Я разведчица, — продолжала она. — Вы можете выдать меня немцам, но наши вам этого не простят!

Хозяйка опустила на лавку, заплакала:

— Та шо ты, дочька, чи мы не совецьки? Мы тут не дождёмось, колы вы цих гадов прогонете!

Тетя Таня — так назвала себя женщина — помогла перенести и спрятать в погребе рацию. Условились, что Катя — ее племянница, приехавшая погостить.

Наутро советская радистка прошла по селу. По улицам проносились мотоциклисты, в садах и огородах виднелись замаскированные артиллерийские батареи и пулеметные точки. Здесь располагалось несколько немецких и румынских частей.

Вечером связной принес сообщения от других разведчиков. Вместе спустились в погреб, развернули и настроили радиостанцию. Тетя Таня дежурила во дворе.

— Стрела, Стрела! Я — Фиалка! — Девушка сняла руку с ключа и замерла в ожидании ответного сигнала. Сквозь писк морзянки и треск атмосферных помех она наконец услышала знакомые позывные.

Девять дней работала в тылу врага отважная комсомолка, добывая и передавая нашему командованию сведения о противнике. Фашисты несколько раз засекали радиостанцию, устраивали в селе обыски, но Катя успевала препятать ее в другое место.

На десятый день советские войска выбили немцев из Малой Вашковки. Младший сержант Кондратьева присоединилась к своим.

...Вскоре она вновь оказалась в тылу у фашистов. Но на этот раз линию фронта она пересекла не на самолете, а на... танке.

...Задолго до вечера заняли места в танке, замаскированном у самого переднего края. Когда стемнело, капитан Манилов тронул за плечо механика-водителя. Тот плавно дал газ. Т-34 перевалил холм, пересек нейтральную полосу и углубился на вражескую территорию. Вскоре командир экипажа приказал остановиться. Открыл люк, прислушался. И тут разведчики ясно слышали рев моторов и лязг гусениц. Совсем рядом двигалась колонна «фердинандов».

Мгновенно созрел дерзкий замысел. Советский танк пристроился к фашистам и некоторое время следовал сзади. Стало ясно: немцы снимают свои бронетанковые части и стягивают их к Будапешту.

Танк развернулся, обогнул какое-то селение и остановился за околицей, под стогом прошлогодней соломы. Решили попарно подойти к селу, разведать огневые точки и взять «языка».

Катя пошла в паре с наводчиком Сергеем Глушихиным. Рацию спрятала в селе, при себе оставила финский нож и пистолет. Осторожно обходили дома, запоминали расположение огневых позиций. Услышав немецкую речь, прижались к земле и поползли на голоса. Здесь располагался какой-то штаб: в обе стороны сходились и расходились часовые, из блиндажа то и дело выходили люди.

Разведчики отползли в конец траншеи и, как только туда по-

дошел часовой, быстро сняли его. Отдышавшись, снова вернулись к блиндажу.

Ждать пришлось недолго. Из укрытия вышел немец и направился вдоль траншеи. Глушихин набросился сверху, Катя рукояткой нагана ударила фашиста по голове. Тот крикнул и осел на дно окопа. Подоспевшие Манилов с напарником помогли связать «языка» и поднять на бруствер. Через полчаса разведчики вышли к месту, где оставили танк и рацию. Настроив рацию, Катя передала донесение. А на рассвете группа вернулась к своим.

...В апреле сорок пятого советские войска наступали на Вену. Катя к этому времени стала сержантом, начальником радиостанции. Но не оставила полюбившуюся ей опасную и рискованную профессию разведчицы.

Однажды разведгруппе приказали достать «языка», причем обязательно офицера.

Вышли вчетвером. Бесшумно миновали «нейтралку» и проникли на вражескую территорию. Обошли какие-то строения и, рассредоточившись, залегли у мест, где проходили ходы сообщения.

Кате повезло. Совсем рядом откинулся полог блиндажа, и оттуда вынырнул немец. В темноте тускло поблескивали погоны.

Когда офицер поровнялся, она с силой ударила его револьвером по голове. Вставила ему в рот кляп, веревкой перевязала руки и туловище, а концы выбросила наверх. С большим трудом выволокла фрица из траншеи, но тащить дальше сил не хватило. Тихо позвала из темноты бойца на помощь.

— Что, уже? — спросил он девушку, увидев связанного фашиста, и с огорчением добавил: — Оставила ты нас сегодня без работы!

...До последнего дня войны Екатерина Кондратьева находилась в действующей армии. День Победы встретила в Праге, а еще через два дня побывала в Берлине и на стенах поверженного рейхстага оставила свой солдатский автограф.

Н. ЧИКУРОВ

ИМ БЫЛО

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Сабуров Тимофей Михайлович родился в 1925 году в деревне Абраменка Кулигинского района Удмуртской АССР. В 1936 году переехал в Пермскую область, в Краснокамский район. В 1941 году окончил семь классов. Работал рулевым на катере. В 1943 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. Участвовал в боях юго-западнее Будапешта.

Т. М. Сабуров после демобилизации работал на Краснокамской фабрике Гознака, в милиции, учился в вечерней школе. Затем окончил геологический факультет Пермского университета. В настоящее время работает заместителем начальника геологического отдела.

В марте 1945 года юго-западнее Будапешта для отражения ударных советских войск Гитлер сосредоточил одиннадцать танковых дивизий СС, полагаясь на эту огромную мощь, как на новый Восточный вал. Необходимо было прорвать оборону немцев. Эту операцию должна была выполнить 105-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Денисенко.

Перед батальоном десантников командование дивизии поставило ответственную задачу — углубиться в тыл врага, разгромить важнейший стратегический пункт, оседлать перекресток шоссеиных дорог и выстоять до прихода наших войск.

К этой операции готовились особенно тщательно. Подгоняли снаряжение, укладывали в вещмешки усиденный боекомплект, проверяли оружие, ремонтировали обувь. У десантника нет тыла, нет фронта, нет ни обоза, ни поваров. Все на себе, все с собой. Такая уж судьба этих гвардейских подразделений. И потому не всякому солдату по плечу служба в десантных войсках. Только закаленные, выносливые да храбрые могли быть здесь настоящими бойцами.

...Линию фронта перешли без приключений. Было решено проскочить ее как только стемнеет.

Шел мокрый снег. Тяжелые свинцовые облака плотно закутали небо. Темень — глаз выколи. Шли параллельно дорогам, по кленовым перелескам и дубравам, по хлюпкой весенней грязи, по оврагам, раскисшей пашне. Шли всю ночь и к утру были у цели.

Большой, разбросанный по склонам холмов поселок тускло маячил перед глазами. Разведчики ушли вперед. Им предстояло уничтожить связь и оценить обстановку на месте. Бойцам дали тридцатиминутный отдых. Ребята валились с ног.

Тимофей, примостившись на пенек, бинтовал палец.

— Сабурова, Воропаева, Быкова, Овчинникова — к комбату, — передали по цепочке.

Четверка Сабурова должна была незаметно пробраться в поселок, выйти к мосту, переброшенному через речку, снять часовых и удержать мост в случае, если немцы раньше времени обнаружат батальон.

...Сиреневый рассвет дрожал над уснувшим поселком. Четве-

ро бойцов спустились в овраг и стали незаметно подбираться к домам.

Вот впереди за кудлатыми кронами деревьев блеснула узкая лента реки. Молочный туман медленно плыл над ней, наползая на поселок. Солдаты остановились и стали чутко прислушиваться к тревожной тишине. До слуха Тимофея донеслось еле слышное бормотание немцев. Из тумана внезапно вырос большой деревянный мост. Солдаты, затаив дыхание, всматривались вперед.

— Один, два, три.., — шепотом считал Семен Быков часовых. — Их трое, больше не вижу, — зашептал он.

— Кажется, трое, — подытожил Воропаев.

— Пошли!

Десантники бесшумно исчезли в тумане. Вот они уже под мостом. Быстрые умелые руки скользят по мокрым бревнам быков и свай...

Туман такой плотный, что достигает перил, вьется и расплывается по настилу моста. Часовых трое. Двое ходят по концам моста, третий — в середине. Иногда они меняются местами.

Сабуров пристроился за стойкой перил и наблюдает. Вот, повернувшись кругом, идет прямо на него огромный детина. Его лицо закутано шарфом и только стекляшки очков поблескивают в тумане. Немец часто останавливается, протирая их шарфом, и что-то бубнит себе под нос.

Почти одновременно блеснули солдатские ножи. Двое из часовых замертво свалились на мост, третий был убит прикладом.

И вновь наступила тишина. Четверка отважных залегла за мостом у прибрежных кустов. В ранних сумерках рассвета недалеко от моста, за дощатым забором, они увидели большое скопление машин, орудий. И вокруг этой боевой техники, как призраки, маячили часовые.

— Что делать?

— Всех не снимешь. Застукают...

— Прав Тимофей. Нельзя раньше времени поднимать панику, — согласился Семен.

— Подождем комбата. Мост теперь наш — главное сделано. И они залегли, хозяйственно обложив себя запасными дисками и гранатами.

Немецкий гарнизон по-прежнему мирно спал. Через несколько минут появились первые бойцы батальона, а вскоре и сам комбат.

— Товарищ комбат, ваше приказание выполнено!

— Спасибо, соколы, — также шепотом ответил майор.

Ознакомившись с обстановкой, он приказал минометчикам открыть огонь по вражеской технике. Одновременно это было и сигналом для общего наступления.

Красная ракета, шипя, взметнулась в низкое предрассветное небо. И громкое русское «ура-а-а!» раздалось с трех сторон.

Фашисты полагали, что находятся в глубоком тылу, и вдруг — русское «ура!», автоматная и минометная стрельба. В одном белье выпрыгивали фрицы на улицу и палили из автоматов. Прицельный огонь десантников косил врага.

Немцы отступали к машинам. Вот уже первые фрицы взобрались в бронетранспортеры, и тяжело застучали крупнокалиберные пулеметы врага. Первая и вторая роты батальона оказались в тяжелом положении. Фашисты решили во что бы то ни стало прорваться к центру поселка. Но майор разгадал замысел врага. Третья рота, посланная в обход, еще не подошла. Ей-то и предстояло встретить механизированную колонну, если она прорвется.

— А если рота по какой-то причине задержится? — рассуждал вслух комбат. — Тогда что? Фашисты уйдут!.. Нет, этого допустить нельзя! Командира второй роты ко мне, — распорядился он.

— Опередите фашистов. Пока они пробиваются через кольцо наших, срежьте изгиб шоссе и устройте там засаду.

Группа лейтенанта, маскируясь за изгородью, исчезла за серыми домами. Поредевшие роты батальона, истекая кровью, сдерживали натиск врага.

Моторизованная колонна фашистов начала прорыв. В наших бойцов полетели гранаты, автоматный огонь врага усилился. Лязгая железом, впереди колонны шел бронетранспортер, за ним — автомашины с пехотой. Казалось, никакая сила не сможет удержать уже оправившихся от испуга и готовых на все врагов.

В это время у поворота шоссе появилась вторая рота лейтенанта Лепехина.

— Приготовить противотанковые гранаты! Укрыться за деревьями и бить только наверняка!

...Тупорылый бронетранспортер, сердито урча, выкатывался из-за поворота дороги. За разлапистым, раздвоенным в корневище дубом с гранатами в руках сидели Быков Семен и Тимофей Сабуров.

В поздних сероватых сумерках громада бронетранспортера росла с невероятной быстротой. И вот в единоборство с ним вступили девятнадцатилетние уральские парни. Граната Быкова удачно попала в цель — бронетранспортер, круто развернувшись

на месте, замер, загордив своим длинным корпусом всю дорогу. Во вражескую колонну полетели гранаты десантников. Враг не выдержал натиска. Бросив машины, уцелевшие фашисты побежали к реке.

Оседлав перекресток дорог на город Папа, батальон закрепился в придорожных кустах. Все понимали, что враг не успокоится и любыми средствами постарается вернуть утраченные позиции.

И действительно. Еще не успели как следует окопаться, как немцы начали окружать батальон. Они шли не маскируясь, уверенные в себе.

Тимофей с Семеном сидели в наспех вырытых окопах.

— Ничего, земляк! — успокаивал Семен товарища. — Не таких еще видали и били... И здесь побьем!

— Смотри, Семен, смотри! Это же фольксштурмовцы!

Семен различал уже их злобные лица, и его автомат безумолку строчил. Но врагов так много, и они продолжают насеждать...

Смятые коротким прицельным огнем, фольксштурмовцы откатились. Часа через два они вновь появились из-за перелеска. На этот раз среди шинелей мышиного цвета чернели эсэсовские.

— Эти так легко не отступят, — разглядывая в бинокль наступающих, сказал комбат. — Подниматься сейчас в атаку нет смысла: силы неравные. Всем замаскироваться. Подпустить их вон до той лощинки с исковерканным дубом и ударить кинжальным огнем и гранатами.

— Товарищ майор, гранаты остались только из НЗ.

— Ничего не поделаешь. Неприкосновенный запас именно на такой случай и рассчитан. Мы любой ценой должны выстоять!

А немцы с автоматами наперевес все шли и шли. Вот они уже появились у перелеска, хлынули на луговину.

Бойцы, затаив дыхание, всматривались в приближающихся врагов. Не терпелось открыть огонь. Руки непроизвольно сжимали автоматы.

Фашисты, ускорив шаги, шли цепь за цепью, недоумевая, почему молчат десантники.

И вот, когда первая вражеская цепь показалось у лощины с исковерканным дубом, на фашистов обрушился автоматный огонь, загремели взрывы гранат.

Первые две цепи дрогнули, попятнулись, оставляя на поле боя десятки трупов. Заградительный огонь эсэсовцев в спину вновь бросил их в наступление. Однако прицельный огонь автоматов десантников заставил пересилить страх перед эсэсовцами.

Фольксштурмовцы вновь отпрянули. Тогда уже черные шинели ринулись вперед, увлекая за собой отступающих. Уже видны были их лица, небритые, вспотевшие, искаженные злобой.

— Пора! — ни к кому не обращаясь, сказал комбат и, вскочив на бруствер окопа, закричал: — За мной! В атаку! Ура-а-а!..

Казалось, какая-то непонятная сила толкнула Тимофея и вместе с десятками других понесла навстречу врагу.

Тимофей видит перед собой скуластое лицо эсэсовца. На лбу выступил липкий пот, во рту пересохло. Он впервые вот так близко, один на один, видит врага. «Вот он весь в своем фашистском обличье. Душегуб! Зверь! И его надо во что бы то ни стало убить. Убить!..» И Тимофей жмет на спусковой крючок, но... автомат молчит. Заело?.. Что делать?! Но почему это эсэсовец вскинул руки и повалился?

Внезапно острая, режущая боль обожгла правое плечо. Сабуров прижал руку, перебросил автомат в левую и вновь открыл огонь.

...Враг отброшен. Высота отбита. Тишина... Пахнет прелой землей, гарью. Тимофей лежит на спине и теплый весенний ветер ласкает его лицо.

— Потерпи, Тимоша, потерпи, — серые глаза Воропаева улыбаются Сабурову. — Еще минутка-другая, и полный порядочек будет, — хлопчет он над раненым. — Никаких санбатов — у меня рука легкая, боль твою утихомирит в момент.

Тимофей с благодарностью смотрит на товарища.

...Из дальних перелесков доносятся отзвуки боя. Враг не смог сдержать натиска наступающих войск Советской Армии.

Б. ПАХУЧИХ

НЕЛЬЗЯ

НЕ БЫТЬ ОРЛОМ

Соболев Николай Иванович родился в 1922 году в Москве. Воспитывался в детском доме сначала в Москве, а затем в городе Добрянка Пермской области. Там же окончил курсы шоферов и работал на металлургическом заводе. В августе 1941 года призван в Советскую Армию. Службу проходил в 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, в составе которой участвовал в боях под Старой Руссой, на Курской дуге, в форсировании Днепра, в освобождении Румынии, Венгрии и Австрии. Войну закончил в Вене. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и семью медалями.

После войны Н. И. Соболев вернулся в Пермь и стал работать на заводе имени В. И. Ленина. Без отрыва от производства получил высшее образование.

Октябрь 1943 года... Наши части с боями вышли к Днепру. И одной из первых заняла новые огневые рубежи 5-я гвардейская Звенигородская Краснознаменная ордена Суворова воздушнодесантная дивизия.

...Бьет о берег тяжелая волна, ветер шумит в частом ивняке. Над головой — ослепительные всплески ракет. Совсем рядом зарываются в землю мины, осколки градом ложатся у ног.

...Серая гладь воды будто налита свинцом, снова и снова вспарывают ее разрывные пули, поднимая фонтанчики брызг.

Помощник начальника штаба батальона объяснил задачу:

— Захватить берег противника, произвести разведку боем. Отправляю только добровольцев. Нужно человек тридцать. Боевой группе выделяю три противотанковых орудия. Кто пойдет?

Старший сержант Николай Соболев вызвался в числе первых.

Что взять бойцу в трудную дорогу? Выдали всем по два индивидуальных перевязочных пакета, с избытком — патронов, по десять гранат.

Молоденький лейтенант с румянцем во всю щеку приказал надеть куртки. Голос у него был совсем не командирский. Он срывался на дискант. И немного картавил.

— Значит, так, — объявил лейтенант. — Выходим ровно в полночь. Переправимся на тот берег на трех лодках, артиллерию подтащим потом. Установим связь со штабом полка, сделаем боковые и фланговые заслоны.

Тихо отчалили лодки. В первой — лейтенант, во второй за главного — старший сержант Соболев. Немец словно взбесился, знай поливает Днепр снарядами, высвечивает каждый уголок переправы. Но переправились благополучно, где-то к четырем утра высадились.

Берег песчаный, поросший кустарником. Местность открытая. Отошли на треть километра от воды и начали рыть окопы. Только на метр их выкопали, а тут забрезжил рассвет. И немец полез отовсюду. Ударили минометы — все сильней и сильней. Заприметили новую позицию.

И справа, и слева — фашисты. Лезут, каски — на самые глаза, и из автоматов кустарник прочесывают.

Подпустили десантники их поближе и ударили дружно. Пулемет бьет, захлебывается — автоматы ему помогают.

А солнце уже высоко поднялось, припекает спины, песок на зубах хрустит, и стволы оружия забил. Днепр близко, а рукой не достанешь.

Во время короткой передышки уложил Соболев тяжелораненых на плащ-палатки, а тех, кто мог своим ходом передвигаться, направил к реке автоматы прополоскать, самим освежиться.

Едва успели привести себя в порядок — снова атака. Танки, а следом пехота. Два пулемета начали бой, но один сразу же захлебнулся песком и смолк. Второй, за которым лежал Соболев, продолжал вести огонь.

Да что пулеметы против танков! В бронированные машины врага полетели гранаты. Вот гусеницы одного пропахали бровку песчаного холмика и встали, вот второй встал на дыбы, охваченный ярким пламенем. Другие застряли в сыпучем песке. Но пушки их продолжают сыпать снаряды. Вражеские автоматчики не жалеют патронов.

Оглянулся Соболев, а лейтенант уже не жив. Разрывная пуля попала ему в горло, положил он голову на бруствер и словно уснул. За старшего остался Соболев.

Приказал он делать связки гранат — так надежнее. Артиллерию бы сейчас, но противотанковые пушки засели у самой переправы.

Автоматы отказывали. Лишь два диска успевали расходовать, третий вставишь — пули не летят, перегрелось оружие. Но атаку все-таки отбили. В живых осталось человек десять. Это из тридцати.

...Октябрь, а солнце совсем-совсем летнее, выжимает пот на солдатских гимнастерках. Раненые мечутся, просят пить, а где ее взять, воду? Наполнил фляжку из Днепра — только губы смочить, много не набегаешься.

Вытащил Соболев из вещмешка галеты, сахар. Перекусить бы надо, но кусок в горло не идет. Немцы опять зашевелились. Метров двести до их траншей. Поблескивают дула пулеметов и минометных установок. Расположились возле них фрицы, тянут свой шнапс прямо из горлышка. Бутылки в нашу сторону бросают, орут что-то, а что — не понять. Вроде того, что, мол, сдавайся, рус...

Огоньком бы их сейчас прижечь, да сил нет. Товарищи, кто может оружие в руках держать, тоже затихли, отдыхают. Думают каждый о своем. А Соболеву недавний случай вспомнился.

На одном из участков фронта за подбитым танком окопался немецкий пулеметчик и не давал покоя нашим бойцам. Выследил его Соболев. Подполз поближе, пригляделся, а рядом с пу-

лементным расчетом еще наблюдатель притаился, направляет огонь своей батарее.

Забросал их Соболев гранатами, натянул на себя немецкий маскхалат и занял окопчик наблюдателя. Только успел устроиться — фашистский унтер-офицер приближается. Расстрелял его Николай в упор, обыскал и документы забрал. Немцы почуяли неладное, засекли советского разведчика и попытались захватить его живым. Не тут-то было. Снова Николай пустил в ход гранаты, троих фрицев уложил на месте. Сам перевязал себе раненую руку — и к своим. Доложил командиру об удачной операции.

...Недолго длилось затишье, опять атака, танки с ходу прорезали заросли густого кустарника, за ними потянулись цепью темные, прижимающиеся к земле фигуры.

«Боятся, черти», — успел подумать Соболев, и сразу же страшной силы взрыв оглушил его, засыпал влажной, поднятой из глубокой воронки землей. Начинался новый бой.

...Очнулся Николай Соболев в глубоких сумерках. Над полем стлалась пороховая гарь, все так же зависали над головой фонарики осветительных ракет. И канонада гремела над самым ухом, за соседним перелеском. Там с грохотом рвались снаряды.

Соболев окинул взглядом поле боя, простился мысленно с погибшими товарищами и пополз туда, откуда веяло живой речной прохладой. У него хватило сил переплыть широкий и своенравный Днепр, добраться до своих. Последнее, на что его хватило, — понять и запомнить слова седенького фельдшера из полевого госпиталя: «Ты молодец, сержант, прорубил окно в фашистское логово. Слышишь? Наши пошли в наступление».

В одном из писем, хранящихся в архиве Николая Ивановича Соболева, есть такие строки:

«Комитет ветеранов бывшей 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии в ознаменование 25-й годовщины освобождения Венгрии от фашизма награждает вас памятной настольной медалью «Гвардейцу 5 ВДД» и нагрудным знаком «25 лет освобождения Секешфехервара».

Подпись: председатель комитета ветеранов полковник М. Борисов.

И дата: 8 мая 1970 года.

Николай Иванович хорошо помнит этот день. Они, бывшие воины 5-й воздушнодесантной дивизии, собрались в Москве. Немного же их явилось на встречу — человек сто, не больше. Обнялись, расцеловались, и начались воспоминания.

Однополчане Владимир Ахметович Валеев, Иван Федорович Свиридов и другие поднесли ему подарок — часы с гравировкой «От боевых друзей лейтенанту Соболеву».

Подарил ему свою книгу «Трудная наука побеждать» с автографом генерал-лейтенант Н. И. Бирюков. Есть в этой книге строки и о подвиге Н. И. Соболева.

С. МОКРОУСОВ

СКЛАД ВЗЛЕТЕЛ

НА ВОЗДУХ

Солнцев Василий Васильевич родился в 1918 году в Перми. Окончил школу ФЗО при паровозоремонтном заводе. Работал слесарем на заводе имени Ф. Э. Дзержинского. Занимался в аэроклубе парашютным спортом. В 1938 году был призван в армию, служил в воздушнодесантных войсках. Боевое крещение принял под Москвой. В Кремле получил первую награду — медаль «За боевые заслуги». Во главе диверсионной группы в 1942 году действовал в тылу немецко-фашистских войск на Смоленщине. После первого удачного рейда еще дважды забрасывался с группой в тыл врага. В бою под Старой Руссой в 1942 году получил тяжелое ранение. Демобилизован в 1945 году. Награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями.

В. В. Солнцев после войны служил в органах Министерства внутренних дел. Ныне он пенсионер.

Февральская ночь окутала аэродром. Но у самолетов, у взлетной полосы царило оживление. То и дело вспыхивали карманные фонарики, подъезжали автомашины, быстро разгрузались и исчезали в темноте.

А чуть в стороне, прислонившись к стене деревянного ангара, стояли парашютисты. Ждали, когда закончится погрузка самолетов продуктами и боеприпасами.

Вот возле одного из самолетов трижды мелькнул зеленый огонек.

— Становись! — подал команду старший группы Василий Солнцев. Парашютисты разом рванулись с места, построились в шеренгу. Все с Урала. Спокойный и невозмутимый Леонид Дорохов, весельчак Женя Поносов, неторопливый Александр Чеботарев, всегда напевающий про себя какую-нибудь песенку Сергей Иванов.

Солнцев проверил, как подогнаны парашюты, сумки с гранатами и автоматными дисками, вещевые мешки.

Молча, без суеты поднялись десантники по стремянке. Расположились на узеньких скамейках, примыкающих к стенкам фюзеляжа. Спустя несколько минут взревели моторы, и самолеты взяли курс в сторону Смоленска. Там, в районе деревни Андриянка, парашютисты должны начать борьбу в тылу немецко-фашистских оккупантов; уничтожать многочисленные гарнизоны противника, громить его опорные пункты, штабы, комендатуры, взрывать склады, тщательно охраняемые врагом железнодорожные мосты, пути, линии связи...

Сидели тихо, каждый думал о своем. Часа через полтора пересекли линию фронта. Миновали ее с выключенными моторами. Затем пролетели еще минут сорок, когда над входом в кабину летчиков загорелся долгожданный огонек — сигнал «Приготовиться!».

Последним покинул самолет Василий Солнцев. Он сразу же увидел внизу несколько огненных точек. Это были костры, которыми партизаны обозначили площадку приземления. Василий дернул за кольцо и, подтягивая стропы, заскользил к земле.

Приземлились благополучно. Вскоре нашли и контейнеры с продовольствием и боеприпасами, сброшенные с самолета.

Партизаны, встретив прибывших, сообщили, что поблизости расположен немецкий штаб.

— Что за штаб? — поинтересовался Солнцев.

— Полка или батальона — не выяснили. Знаем только, что расположен он в школе, охраняет его взвод автоматчиков.

Солнцев задумался. Перед вылетом он получил четкое и конкретное задание. В первую очередь ликвидировать большой склад с артиллерийскими снарядами. Потом начать диверсии на железнодорожной магистрали. Но, с другой стороны, разгромив немецкий штаб, ребята получат хорошую боевую закалку.

Напасть предстояло внезапно, в ночной тишине, малыми силами.

Перед утром подошли к селу. На улицах и в переулках — ни души. Окна светились только в школе, где разместился немецкий штаб, в бывшем сельсовете и двух примыкающих к нему домах.

Через час каждая группа заняла свое место для наблюдения. В белых маскировочных халатах десантники скрытно пробрались на самую окраину села. Разведали подходы к штабу и помещению, где разместились офицеры и автоматчики.

Солнцев возглавил первую группу, которая должна атаковать штаб. Вторая группа во главе с Леонидом Дороховым должна разгромить помещение, где разместились офицеры, а группа Александра Чеботарева — здание, где живет охрана.

Глубокой ночью по сугробам пробрались к селу. Незаметно проскочили к центру. Выждали с полчаса. Подозрительного ничего не обнаружили.

— Сергей и Женя, — шепнул Солнцев Иванову и Поносову, — действуйте!

Потекли томительные минуты ожидания. Солнцев напряженно следил за школой и прилегающими к ней зданиями. Но у освещенного подъезда только одиноко маячила фигура немецкого часового.

Время уже истекло. «Неужели неудача?» — подумал Солнцев и приподнялся. Но вдруг в отсветах окон мелькнули две тени, и часовой исчез.

Парашютисты, прижимаясь к домам и заборам, пошли вперед.

Вот и школа. В окна и двери полетели гранаты, загремели автоматные очереди. Затем Солнцев быстро повел свою группу к зданию сельсовета, где вел бой Александр Чеботарев со своими людьми.

Успели вовремя. Здание было охвачено огнем, но фашисты

еще отстреливались. Схватка могла затянуться. А это никак не входило в расчеты Солнцева.

— За мной! Ударим по ним со двора! — крикнул он Павлу Морозову.

Прыгая через трупы гитлеровцев, они завернули за угол здания, гранатами и автоматными очередями завершили дело.

— Кажется, все, — сказал Женя Поносов. Он все еще держал в руке гранату, приготовленную для броска.

...И снова в путь. К складу с артиллерийскими снарядами двигались густым лесом, избегая дорог и тропинок, сверяя направление по компасу.

Шли молча. Сказывалось нервное напряжение недавнего боя.

Первым нарушил молчание Женя Поносов.

— А ведь здорово мы их шарахнули, — сказал он.

— Еще бы! Штаба нет. Офицеров тоже.

Ребята оживились. Начали вспоминать детали боя, подшучивали друг над другом.

Ночь провели в лесу. А утром Солнцев, Поносов и Чеботарев пошли к складу. Шли осторожно, минуя лесные дороги.

Склад тремя сторонами примыкал к лесу, четвертая выходила к шоссе, по которому не прекращалось движение автомашин.

— Орешек крепкий, — сделал заключение Чеботарев.

— Да, пробиться на склад нелегко. Шесть сторожевых вышек. Прожектора. Пять рядов колючки... — начал перечислять Поносов.

— Главное — найти туда лазейку, — ответил Солнцев.

На другой день с раннего утра начали наблюдение. Старались запомнить и учесть каждую мелочь. Выяснили, что часовые на вышках сменяются через каждые два часа. С таким же интервалом сменялись парные часовые, прохаживающиеся вдоль изгороди. Прикинули, сколько на складе ящиков со снарядами. Приблизительно, четыре-пять тысяч. К тому же склад непрерывно пополнялся. За два дня прибыло двадцать шесть грузовиков.

После многих раздумий решили, что пробраться на склад лучше всего со стороны дороги. Расчет был прост. Немцы больше всего опасаются нападения из леса: на границу с лесом чаще посылали патрулей, усиленно освещали ее прожекторами. У въезда же на склад службу несли не так строго. Здесь были расположены караульное помещение, казарма, служебные здания. Значит, солдаты и офицеры были уверены, что здесь они неуязвимы. Именно этим и воспользовались десантники.

Выбрали подходящее место для прохода через проволочные

заграждения. Дорогу решили пересечь под мостиком через канаву, что находился слева. А если канава уходит на склад, то лучшей лазейки и не надо.

Проверили канаву. Она оказалась руслом небольшого ручейка с довольно высокими берегами. Снег в русле был несколько ниже, чем на берегах. Этим и решили воспользоваться.

После полуночи, когда произошла очередная смена часовых, четверо парашютистов — Морозов, Дорофеев, Иванов и Солнцев — бесшумно проползли под мостом, добрались до штабелей со снарядами. Крадучись, дошли почти до самого центра склада. Заложили три толовых заряда. Протянули и подожгли бикфордов шнур. А сами той же дорогой быстро проделали обратный путь.

Не успели они пробежать и две сотни метров, как позади раздался сильный взрыв... второй, третий. Потом еще и еще. А затем начался страшный грохот, небо озарилось ярким заревом.

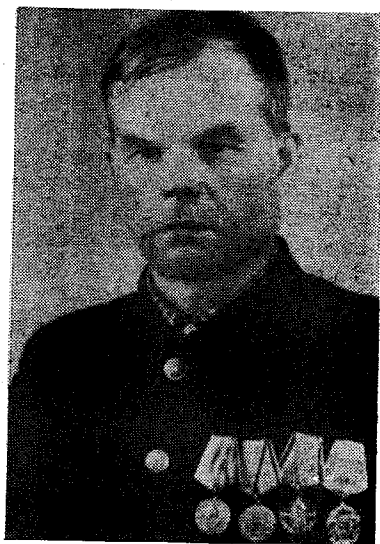
Через два часа в штаб ушло донесение: «Объект—двадцать пять ликвидирован».

В. ПИЦАЛЬНИКОВ

МЕРА МУЖЕСТВА

И СТОЙКОСТИ

Тиунов Василий Кириллович родился в 1923 году в деревне Хрустали Очерского района Пермской области. В 1942 году был призван в Советскую Армию. Служил в 1-й маневренной воздушнодесантной бригаде. В составе 5-й гвардейской стрелковой бригады (бывшая 1-я маневренная воздушнодесантная) осенью 1942 года участвовал в боях на Северном Кавказе — под станицами Наурская и Ищерская. 6 октября 1942 года в боях под Моздоком получил осколочное ранение. После излечения служил связистом пограничного укрепрайона. Награжден четырьмя медалями.

В. К. Тиунов после демобилизации в 1947 году вернулся в Верещагино. Работает монтером.

Звание «десантник» Василию понравилось с первого же раза. Этот род войск — для истинных мужчин: смелых, отважных, с железной волей.

Одно огорчило на первых порах молодого бойца — его будущая воинская специальность. С первого же дня службы в бригаде Тиунова определили во взвод радистов. Но Василий вспомнил, какую огромную роль играют радисты в тылу врага, где войска без связи обречены на бездействие и даже гибель, и успокоился. Начал заниматься с огромным усердием: изучал рацию, азбуку Морзе, работал на ключе.

И вот 1-ю десантную бригаду переименовали в 5-ю гвардейскую стрелковую и стали срочно грузить в эшелоны.

Путь лежал в Астрахань, а оттуда, морем, до Махачкалы. Прямой путь на юг по железной дороге был давно уже отрезан немцами.

На военный корабль грузились в глухие сумерки. Натужно гудя моторами, по трапу медленно ползли танки, артиллерийские тягачи и автомашины. На палубе и в трюмах до полуночи не утихал мерный топот солдатских сапог. В полном боевом снаряжении пробрался в трюм и прикорнул на полу Василий Тиунов.

В море вышли с потушенными огнями. Утром, едва лучи солнца коснулись мачт корабля, с диким воем появились фашистские пикирующие бомбардировщики. С палубы по ним тотчас же ударили зенитные орудия. Засверкал ружейно-пулеметный огонь.

Бомбардировщики, сбросив свой груз куда попало, улетели. След за ними несколько раз налетали эскадрильи немцев, но и эти воздушные атаки были отбиты. Фашисты не смогли вести прицельное бомбометание.

Почти сутки продолжался этот смелый рейс. От Махачкалы до Грозного бригаду перебросили по железной дороге. Затем пеший марш до совхоза «Первомайский», который был расположен неподалеку от города Моздок.

Не успели десантники отдохнуть, как ночью — снова тревога и многочасовой утомительный подъем на перевал. Почти трое суток, без сна, отдыха, бойцы шли вперед, преодолевая свинцовую тяжесть в ногах.

Но вот, наконец, и спуск в долину. Внизу клекотал, бесновал-

ся и ревел неистовый Терек. Даже близкие артиллерийские и минометные раскаты залпов противника не могли заглушить его зычный рев.

Бурную реку форсировали вброд. Чтобы не сшибло с ног и не смыло, каждый взвалил на себя тяжелый груз — ящики с боеприпасами, продовольствием, пулеметы, противотанковые ружья.

Переправившись через реку, десантники до самого рассвета рыли окопы и траншеи, готовясь стоять насмерть.

Начались упорные бои за освобождение Чечено-Ингушетии.

Утром гитлеровцы приметили свежие советские части и обстреливали их артиллерийским и минометным огнем. Следом за ним к нашим позициям кинулись оголтелые эсэсовцы. Они дико орал и на ходу строчили из автоматов, перебегая от одной расщелины к другой. Было по всему видно, что фашистское командование решило отбросить советских бойцов обратно за реку и по возможности уничтожить.

Василий сидел в окопе с телефонной трубкой, прижатой к уху. Над головой со свистом пролетали осколки снарядов и пуль.

Неожиданно в окопе перед Тиуновым выросла могучая фигура комбата.

— Почему связь не работает? — прокричал он.

— Как — не работает?! — всполошился Тиунов. — «Третий» только что отвечал.

Василий подул в трубку, громко окликнул условленным шифром находящегося впереди связиста. Ни звука, ни шороха.

— Сейчас будет исправлено, товарищ майор!

Тиунов перекинулся через бруствер и пополз навстречу атакующему врагу. Обстрел такой, что невозможно головы поднять. И впереди, перебежками, приближаются немцы, поливая огнем все вокруг...

Вот он — порванный провод! Василий быстро подтянул друг к другу концы, соединил их, сделал скрутку и обвил ее изоляционной лентой. Бросил провод в канавку — русло высохшего ручейка — и, пригнувшись, что есть мочи кинулся назад.

Почти над самой спиной Тиунова коротко взвыла вражеская мина и через секунду тяжело и гулко ухнула где-то неподалеку. Василия больно ударило комьями земли в голову и по плечу. Руки и ноги целы. Снова вперед. Только бы добраться до траншеи!.. Но — что это? Опять обрыв! Пришлось вновь задержаться. Мигом исправил повреждение и стремглав юркнул в свой окоп.

чик. На дне его, сидя на корточках, комбат громко кричал в телефонную трубку:

— Товарищ капитан! А ну-ка подбрось огонька вон к тому клыкастому валуну справа. Не видишь, что ли, как там фрицы буйствуют?

И тотчас же черные столбы земли от разрывов снарядов нашей артиллерии задымились вокруг указанного комбатом валуна.

Одновременно раздался громкий клич командира третьей роты:

— Рота, за мной! Вперед!

Послышалось дружное «ура!». Советские десантники, с автоматами наперевес, бросились в контратаку. Завязалась короткая рукопашная схватка. Гитлеровцы не выдержали, повернули назад. По ним со всех сторон застрочили наши пулеметы. Открыли огонь по бегущим немцам и минометчики.

Атака фашистов была отбита. Теперь можно и отдохнуть. Василий поудобнее уселся в своем окопчике и вытер пот со лба. Минуты передышки в бою сладостны, но очень коротки. Всего лишь пару папирос успел выкурить Тиунов, как немцы, занимавшие выгодную позицию на горе, близ станицы Ищерская, вновь открыли артиллерийский огонь.

Следом за ним к траншеям десантников опять двинулись цепи фашистов.

Тиунов проверил телефонный аппарат. Связь работала. Все телефонисты были начеку.

— Сокол, Сокол! — неожиданно прозвучал в трубке властный голос комбата. Он требовал немедленно позвать к телефону командира роты. Но не успел Василий ответить, как связь прервалась.

Едва Василий передал трубку пожилому бойцу, чтобы исправить провод и позвать командира роты, как возле них разорвался снаряд и обоих связистов засыпало землей. Ни воздуха, ни света.

...Их откопали пехотинцы-стрелки. Глубокий вздох, яркий свет в глаза, и сразу же, несмотря на тупую боль в голове, лихорадочно заработала мысль: «Провод... провод... Надо исправить провод».

Усилием воли преодолевая невероятную слабость во всем теле, Василий с трудом перевалился через бруствер. Но только он встал — раздался страшный, ноющий вой вражеской мины где-то поблизости. Острый кусочек железа вонзился в правую стопу Тиунова, и он упал...

Василий Тиунов не совершил выдающегося подвига. Но он свято выполнил свой солдатский долг. В течение нескольких суток он обеспечивал командование непрерывной связью, по множеству раз в день бегал под огнем противника на линию, чтобы соединить порванный провод, и этого вполне достаточно, чтобы завоевать право называться храбрым солдатом.

О. СЕЛЯНКИН

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ПРЫЖОК

Трапезникова (Дудина) Надежда Евстигнеевна родилась в 1923 году в деревне Ледянка Пермско-Ильинского района Пермской области. После окончания семилетки поступила на курсы медсестер и с 1941 года стала работать на Пермской областной станции переливания крови. В начале 1942 года добровольцем ушла в школу снайперов, откуда в 1943 году была направлена медицинской сестрой в 13-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду. Совершила восемнадцать прыжков с парашютом, один из них — во вражеский тыл.

Н. Е. Трапезникова живет в Перми. Работает медицинской сестрой в одной из городских больниц.

Надя Дудина никогда не думала, что ей придется подняться в голубое небо, чтобы потом совершить прыжок с парашютом. В детские годы она мечтала об одном — поскорей бы окончить школу и поступить на работу: семья была большая, и главное — вся детвора висела на шее матери-колхозницы.

И Надя считала, что ей очень повезло: только окончила седьмой класс — сразу же поступила на курсы медицинских сестер.

Своей специальностью тоже была довольна: это огромная радость — помочь больному человеку выздороветь или даже просто облегчить его страдания.

Но когда по радио объявили, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну, Надя Дудина сразу решила: «Мое место сейчас на фронте, ведь я медицинская сестра!»

И она немедленно пошла в военкомат, просила, требовала и даже умоляла отправить ее на фронт, но каждый раз слышала один ответ: «Когда будет нужно, сами вызовем».

Как ей казалось, равнодушно, устало отвечали. И она вновь упрямо шла в военкомат, каждый раз питая надежду, что вот уж сейчас-то ее обязательно возьмут в армию, отправят на фронт.

И в начале 1942 года. Надежда Евстигнеевна Дудина стала курсантом школы снайперов. Здесь она изучала теорию стрельбы, маскировку и многое другое, без чего снайперу никак не обойтись. Теперь она втайне мечтала о том, что вот еще совсем немного — и она выйдет на снайперскую охоту, самолично убьет врага.

Мечты безжалостно разметал приказ, в котором говорилось, что «солдата Надежду Дудину откомандировать в 13-ю гвардейскую воздушнодесантную бригаду на должность... медицинской сестры».

Первая неожиданность, с которой она столкнулась на новом месте службы, — медсестра, оказывается, тоже обязана уметь прыгать с парашютом. И она с нетерпением ждала своего первого прыжка.

А в назначенный день, еще на земле, Надя Дудина заявила солдатам, прыгавшим с ней, что она выбросится обязательно только первой. И нечего спорить: только первой!

Солдаты не перечили, только переглянулись, пряча усмешки.

Раздалась команда прыгать. Надя быстро встала, глянула в распахнутый люк, увидела далекую землю, похожую на вогнутую чашу, расслабленно опустилась на свое место — почти упала — и торопливо сказала:

— Нет, я прыгну самой-самой последней...

И опять никто с ней не заспорил. Солдаты равнодушно, как показалось ей, проходили мимо нее, проходили деловитые, суровые, и один за другим исчезали в люке.

Чтобы не прослыть трусихой, она, зажмурив глаза, бросилась в люк. И ей казалось, что сердце у нее остановилось на все те долгие секунды, пока длилось ее свободное падение, пока сильный рывок не заставил ее открыть глаза.

Трудно передать словами ее душевное состояние в те минуты, пока она плыла навстречу земле. В ее душе бушевали радость (парашют раскрылся!) и гордость («Я смогла побороть свой страх!»). Она ликовала, она упивалась своей победой.

Восемнадцать прыжков с парашютом совершила Надежда Евстигнеевна Дудина. Но тот, первый прыжок, навечно врезался в память.

А осенью 1943 года Надежда Евстигнеевна совершила и свой восемнадцатый прыжок — прыжок в тыл врага.

Войска Советской Армии начали форсирование Днепра — «Голубого вала», о неприступности которого непрерывно и назойливо трубила фашистская пропаганда. Наши войска принимали все меры для того, чтобы захватить или удержать плацдармы на правом берегу Днепра. Именно для захвата плацдарма между Каневым и Черкассами и был выброшен воздушный десант.

По-2, на котором находилась Надежда Евстигнеевна, над линией фронта попал под такой плотный вражеский огонь, что вынужден был отклониться от заданного маршрута. Надежда Евстигнеевна по команде летчика покинула самолет. Зенитный огонь врага не ослабевал. Немцы били вслепую, ориентируясь на шум мотора одинокого самолета. Но все обошлось благополучно. Самолет выскользнул из огненного мешка. А вот Надежде Евстигнеевне шальной осколок вспорол ступню.

Она не закричала от боли, а только крепко закусил губу и еще пристальнее стала вглядываться в черную надвигающуюся землю. Знала, что спускается на территорию, занятую врагом. Поэтому даже не ойкнула, когда в момент приземления боль, казалась, разрывала ногу.

На земле привычно погасила парашют, уложила его в углубление, присыпала. И затаилась, вслушиваясь в ночь. Зенитные орудия врага уже угомонились. Теперь здесь царила тишина, бы-

ла вроде бы самая обыкновенная ночь. Но Надежда Евстигнеевна прекрасно понимала, что во вражеском тылу опасности подстерегают ее на каждом шагу.

Она достала нож, потрогала пальцем отточенное лезвие и твердо решила, что если немцы попытаются взять ее в плен, она ударит себя этим ножом точно в сердце.

Приняв решение, начала накладывать повязку на рану и тут услышала далекую пулеметную стрельбу, которая то вспыхивала, то угасала южнее того места, где лежала она.

— Так вот где дерутся наши!

Встала, сделала несколько шагов и... упала: боль в ноге была невыносимой. Тогда, стиснув в руке нож, она поползла. Короткий отдых — и снова ползком вперед, туда, где раздавалась стрельба.

Ползла всю ночь, а на рассвете, когда стала отчетливо видна каждая травиночка, залегла в кустах, чтобы собраться с силами и переждать день.

Ей казалось, что она не сомкнула глаз, все видела и слышала, но немецкая речь, раздававшаяся рядом, прозвучала до ужаса неожиданно.

Чуть раздвинула ветви куста. Два фашистских солдата шагах в десяти от нее!.. Они приближаются... Еще шага четыре, и они наступят на нее... Пальцы окаменели на рукоятке ножа.

Немцы остановились буквально в двух шагах от куста, в котором пряталась она, медсестра Надя Дудина. Перекинулись несколькими фразами, потом один, поправив автомат, висевший на груди, зашагал дальше, а второй сел на землю, спиной к ее кусту. Закурил, безразлично глядя на подымающееся солнце.

Надежда Евстигнеевна поняла, что ей необходимо немедленно убить этого немца. Чтобы смогла жить она, Надежда Дудина. Чтобы он больше никогда не смел так спокойно сидеть и покуривать на советской земле.

Только широкую спину немца и видела она в тот момент. Эта спина закрывала от нее весь мир. И Надежда Евстигнеевна бесшумно выползла из-под куста, так выползла, что ни одна веточка его не шелохнулась, и что было сил вонзила нож в ненавистную спину. Точно под левую лопатку вонзила. Немец вскрикнул и повалился на бок.

Этот крик испугал Надю, и она, как могла быстро, скрылась в своем убежище. Но тут же обожгла догадка: «А если второй немец сейчас вернется?»

И она вновь бросилась к убитому врагу, чтобы завладеть его автоматом. На расстоянии вытянутой руки от немца ей вдруг по-

казалось, будто он живой, будто только притворяется убитым, чтобы заманить ее. Она вновь ударила его ножом, но теперь очень нерасчетливо: лезвие заклинило. Сил не хватило, чтобы вытащить нож. Только схватила вражеский автомат, как сзади кто-то спросил:

— Выходит, ты не убил его с первого раза?

Оглянувшись, наведя ствол автомата на спрашивающего. Ничего не могла понять от волнения, а потом чуть не разревелась от радости: у куста стоял один из знакомых десантников. На груди его был немецкий автомат.

Через несколько минут она уже знала, что Вася тоже приземлился не туда, куда было нужно, что ночь он провел в поисках своих, а вот минут пять назад убил того самого немца, который был напарником этого. Сначала он сам хотел расправиться именно с этим немцем, но она опередила его. И принял он ее за мужчину не потому, что она, как и все другие десантники, была в комбинезоне, — уж очень точно и четко она действовала. В голову не пришло, что на такое способна девушка.

Теперь на юг, откуда доносилась стрельба, пошли вместе. Когда Надя выбивалась из сил или не могла преодолеть какую-то преграду, он брал ее на руки и нес, пока хватало сил.

И вдруг, когда свои, казалось, были рядом, из-за гряды холмов появились немцы.

— Стреляй! — крикнул Вася.

Позднее, когда вокруг уже были свои, Надя узнала, что они с Васей перекрыли путь отхода врагам, которых преследовали десантники.

— Ты настоящий воздушный десантник, — так отозвались о мужестве Нади Дудиной ее боевые товарищи.

А. ГРАЕВСКИЙ

БОЙ

ЗА РЕКУ ЛОВАТЬ

Чзав Николай Михайлович родился в 1921 году в поселке Юго-Камский Пермской области. После окончания семилетки освоил специальность радиста, работал на судах Камского пароходства. С 1940 года служил в армии, сначала на Дальнем Востоке, а вскоре после начала Великой Отечественной войны — под Москвой в составе 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, радистом в артиллерийской бригаде. Участвовал в боях на Северо-Западном фронте, под Воронежем, в освобождении Украины, Австрии. Войну закончил в Венгрии, под Будапештом. Участник десантной операции по захвату плацдарма на реке Ловать.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Из густого леса, что неподалеку от аэродрома, подразделения уходили поочередно. Гудели самолеты, слышались команды, кто-то кого-то искал, кто-то кого-то догонял. В кажущейся неразберихе трудно было сразу понять — зачем тут толкуются так много одинаковых людей. А одинаково толстыми и на вид неуклюжими делали их просторные маскировочные костюмы.

Еще накануне, когда стали выдавать патроны, гранаты, сухой паек, Николай Чазов, получая тугой белый мешочек с маскхалатом, невольно подивился его белизне и добротности. Не первый раз получал маскхалат, но всегда возникало вот такое чувство, какой-то особый интерес. Может быть, потому, что стерильно-белый костюм ничем не напоминал военное снаряжение?.. Но сейчас раздумывать было недосуг. Мысли вертелись вокруг одного вопроса: «Когда?» Ясно, что недолго уже оставалось ждать — вон быстро построились и тут же скрылись за деревьями солдаты, сидевшие под соседним кустом. А все-таки хотелось знать поточней. Через минуту? Через десять? Через час?..

— Становись! — раздалась негромкая четкая команда. Через несколько секунд еще одно подразделение плотным белым комом укатилось за деревья.

И тут же быстро, почти бегом, подошел кто-то в маскхалате.
— Разведчики? Становись! За мной!

Чазов по голосу узнал майора из штаба их артиллерийской бригады. Подхватив упаковки радиостанции, они с напарником пристроились в хвост небольшой колонны и споро зашагали вслед другим по размолотому валенками снегу.

Когда уже подходили к аэродрому, майор вдруг задержал шаг, обернулся:

— Радисты здесь?

— Здесь! — откликнулся Чазов.

Еще несколько минут ходьбы по заснеженному полю, и из темноты возник силуэт небольшого самолета.

Один за другим солдаты полезли в темный овал бокового люка. Когда очередь дошла до Чазова, он протиснулся в узкий проем и присел у борта.

Вроде бы все, как на учениях, но все и не так. Не слышно разговоров, все притихло — дело предстоит серьезное. Чазов еще раз проверил, хорошо ли прилажены парашют и радиостанция,

поправил ремень автомата. Надо быть ко всему готовым, как-то там земля встретит.

Задраили дверцу, взревел мотор, заходил под ногами пол — на старт вырулили. Затем надсадный вой мотора — полетели.

Сидели, прижавшись друг к другу. Молчали. Мотор не пере-кричишь, да и не о чем говорить. Каждый думал о предстоящем задании.

Их выбросят над районом сосредоточения. Партизаны обозначат это место кострами. Сразу же после приземления — вести разведку в направлении переднего края противника и двигаться туда же под покровом ночи, не обнаруживая себя. Когда пехота ударит с фронта, помочь ей ударом с тыла. И опрокинуть, выбить фашистов, которые так крепко зацепились здесь за западный берег реки Ловать.

Задание объяснили всем. Но разве можно объяснить все и всякие случайности, которые подстерегают их, десантников, каждую минуту, если не каждую секунду! Ни один бой нельзя расписать заранее, как по нотам. А уж бой десантного отряда, сплывшегося на парашютах в тыл противника, — тем более. В таком бою многое, если не все, зависит от умения каждого солдата действовать самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Причем действовать быстро, решительно, напористо — времени для раздумий в таком бою не остается.

Поэтому, наверно, то один, то другой из сидевших вместе с Чазовым в самолете начинал похлопывать себя по карманам, шарить на поясе. Проверяли, пока не поздно, на месте ли патроны и гранаты.

Летели недолго, минут шесть — восемь. Может, чуть больше. Замигала сигнальная лампочка, кто-то прошел к дверце, все задвигались, зашевелились. Чазов понял: сейчас будут прыгать. Тревожно екнуло сердце — как оно там, на земле, будет?.. Но уже открыта дверка, уже ворвался в нее тугой ветер, и вот первый десантник шагнул в черный провал, сразу же исчезнув из глаз. Только фал, веревка, привязанная одним концом к вытяжному тросу парашюта, а другим закрепленная в самолете, вдруг стремительно побежал вниз. Но вот уже другой шагнул из самолета, третий...

Чазов не то чтобы прыгнул, а можно сказать, вывалился из самолета. На момент перехватило дыхание, и тут же сработал парашют. Он глянул вниз и увидел три костра, разложенные не так уж далеко друг от друга. На душе сразу стало веселей — встречают, значит, на земле, ждут!

Приземлившись в довольно глубокий снег как-то неожидан-

но мягко, Чазов быстро отстегнул парашют и сразу же забыл о нем. Еще на инструктаже предупредили — собирать парашюты поручат специально выделенным людям. Всем с этим путаться нельзя, обстановка может оказаться сложной...

Но пока все шло гладко. Быстро собрались вместе, укрылись в лесу. Все тот же майор приказал наладить связь. Чазов привычно развернул радиостанцию, передал в штаб бригады шифровку, составленную майором. Теперь там, на Большой земле, знали, что десант высадился благополучно. Первая часть операции прошла успешно.

Майор выслаз дозоры в разные стороны. Группа начала движение на восток. Где-то неподалеку, скрытая темнотой, туда же двигалась и «крылатая пехота». Нужно было скрытно подобраться в район артиллерийских позиций врага, подготовиться для неожиданного удара. Артиллерийские разведчики, вместе с которыми действовал Николай Чазов, должны были, кроме того, выяснить расположение важных огневых точек фашистов, особенно артиллерийских и минометных батарей. А когда начнется бой, вести корректировку огня своих орудий.

До рассвета оставалось совсем немного. День занимался ясный. Воздух отдавал весенней свежестью. Замаскировавшись в снегу, разведчики вели наблюдение.

«Вон они где, гады! Это же минометы установлены!» — Чазов теперь ясно видел в каких-нибудь двухстах метрах минометную батарею фашистов. Враг ничего не подозревал. Что ж, это к лучшему...

Чазов не видел, где расположились остальные десантники. Затаились, не обнаруживают себя до поры. А на войне неожиданность — большой козырь.

Хоть и ждали начала своей артподготовки с минуты на минуту, невольно вздрогнули, когда где-то неподалеку ухнули первые разрывы советских снарядов. Непривычное было ощущение. Вроде бы и опасаться-то не надо — свои ведь бьют. Но снаряд, бывает, и не разберет, где свои, а где чужие. Нет, лишний раз не высовываться! Тем более, что огонек наши дают плотный.

Зашевелились фрицы, забегали. Но что это? Метров за триста, может быть, за четыреста, проходит дорога. Вдалеке — еще одна. И по каждой дороге потянулись в сторону фронта крытые автомашины. Целая батарея на марше появилась. Это фрицы подбрасывают подкрепления.

То и дело Чазов передавал в штаб бригады донесения. Разведчики обнаруживали все новые и новые детали обороны вра-

га, майор уточнял их местонахождение по карте, а Чазов сообщал координаты в штаб, на наблюдательный пункт. Их бригада пока участвовала в общей артподготовке, но уже готовила данные для стрельбы по обнаруженным разведчиками целям.

Артподготовка оборвалась так же внезапно, как и началась. Чазов знал — сейчас там, на Ловати, наша пехота обозначит наступление. А когда фашисты ввяжутся в бой, по ним ударят с тыла десантники.

И вот настал черед десантников. С криком «ура!», с треском автоматных выстрелов покатились на обомлевших от неожиданности фашистов одетая в белые маскхалаты «крылатая пехота». Жарко вспыхнули и тут же погасли несколько рукопашных схваток. Застрочил было немецкий пулемет, но вздыбился перед ним гранатный разрыв, и замерли, вытянувшись на опаленном снегу, фашистские пулеметчики.

Круша врагов направо и налево, десантники быстро двигались вперед. Вот проскочили одну артиллерийскую позицию немцев, другую. Уже недалеко траншеи и окопы вражеского переднего края.

А где же наша пехота? Наступает навстречу или нет? Ведь она одновременно с десантниками должна была атаковать противника, только не с тыла, а с фронта.

Есть! Наступает! Явственно слышно не только ружейно-пулеметную стрельбу, но и приглушенное расстоянием родное «ура!». Ну, теперь сомнений быть не может, западный берег Ловати на этом участке в наших руках.

Здесь, на западном берегу реки, повстречались десантники с подразделениями, штурмовавшими оборону фашистов. Пехотинцы сразу же прошли вперед, закрепляясь на отбитом плацдарме.

Когда артиллерийские разведчики, а вместе с ними и Чазов, перейдя Ловать по льду, вернулись в расположение своей части, было двенадцать часов дня. Всего-то полсуток прошло, как двинулись отсюда на задание. И сколько же уместилось в эти двенадцать часов!

В. СВАЛОВ

ГЛУБОКИЙ

РЕЙД

Черепов Петр Максимович родился в 1923 году в поселке Юг, недалеко от Перми. После семилетки работал на Соликамской судоверфи, затем мотористом на целлюлозно-бумажном комбинате. В июле 1941 года добровольцем ушел на фронт. Проходил службу в 1-й маневренной, 5-й гвардейской воздушнодесантных бригадах. Участвовал в рейде по тылам противника на Северо-Западном фронте. Принимал участие в боях под Орлом, в освобождении Белоруссии. Войну закончил в Прибалтике. Был командиром отделения взвода разведки. Совершил девятнадцать прыжков с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и шестью медалями. После демобилизации в октябре 1945 года П. М. Черепов вернулся на Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. Работает начальником цеха.

Лыжня... Бесконечная лыжня. Она напрямик прорезает лес, взбегаёт на проталины пригорков, ныряет на края лесных болот, огибает поляны по опушке и далеко уходит в обход жилых мест...

Ещё не очнувшись и не открыв глаз, Петр Черепов уже видел ее, эту лыжню, удивительно ясно, хотя находился где-то на грани беспамятства. Она тянулась, как кадры бесконечного кинофильма. Мелькают впереди пятки лыж и концы палок. Поднимаешь взгляд — и видно, как подпрыгивают на спине идущего впереди туго набитый вещевого мешок и автомат, мелко трещащее на ветру лоскут когда-то белого маскхалата, вырванный встречным сучком.

«Это Суслов, — определяет Петр. — А может, Черепанов?»

Когда готовились к этому рейду, всем выдали по норме запасные диски к автоматам, толовые шашки, патроны и плитки шоколада. А остальные продукты и хлеб разрешили брать сколько хочешь. Завели на продсклад и сказали: берите. Петр взял всего понемногу. Только чаю взял три лишние пачки — знал по опыту, как хорошо в лесу с чаем. Взводный заставил все лишнее убрать, показал, как удобнее уложить все в вещмешке.

— Шоколад заверните и спрячьте подальше, — предупредил он, — без моего разрешения ни-ни... Он на самый крайний случай, а случай такой обязательно будет — не к теще на блины идем...

Они оценили это только через много дней изнурительного рейда, когда все продукты вышли. На привалах взводный доставал свою плитку и показывал, сколько можно отломить и положить под язык. И запивалась вся эта «трапеца» чаем, что заваривал Петр Черепов. Вот когда завидовали им десантники из других взводов!

Последний чай он заварил, когда вернулись после задания с немецкого аэродрома. Корректировали там бомбежку наших тяжелых бомбардировщиков. На бригадной базе им выделили чум из веток. Все валились с ног и сразу уснули. Но холод разбудил Петра. Вдвоем со взводным они проверили фонариком, не просвечивают ли стенки, разожгли в чуме костерок, повесили

котелки с водой, заварили чай. Проснувшимся от холода наливали по кружке. Так и коротали ночь.

А на рассвете лагерь пришлось покинуть. Базу засекли немцы. И ушли в самое время — позади колонны, там, где оставалась база, гроыхали разрывы. Вслед за бомбежкой вспыхнула яростная перестрелка — фашисты вышли на след бригады и завязали бой с тыловым охранением. И долго еще уходившую из-под удара бригаду сопровождали звуки яростного лесного боя. Но постепенно отзвуки боя стихали, а потом смолкли совсем. Десантники из боевого охранения стояли до конца, обеспечивая маневр бригады.

На десятый день рейда взвод, в котором был Черепов, получил задачу ликвидировать следы перехода бригады через шоссе и некоторое время охранять ее тыл. Без особой нужды себя не обнаруживать, по своей инициативе боя не начинать.

Позаметав ветками лыжню за бригадой, взвод залег на опушке и в кустах вдоль кювета. Пропустили в сторону Старой Руссы колонну машин. Несколько грузовиков прошли в обратном направлении. Было уже светло. Немцы вели себя на шоссе спокойно. Можно было уходить вслед за своими. Но тут на опустевшем шоссе появились сани. Двое немцев везли что-то в мешках. Они и опомниться не успели, как оказались оглушенными и обезоруженными. В мешках оказались сухари. Пересыпая их в свои вещмешки, глотали слюну.

— По сухарю разрешаю съесть, когда тронемся в путь. Остальное в рюкзак — для роты... — сказал взводный. — Кто знает, сколько еще придется без продуктов. Хоть по два-три сухаря, но достанется всем.

Это были самые критические для бригады дни. Немцы во что бы то ни стало стремились уничтожить бригаду, оказавшуюся в тылу войск, готовивших удар в сторону Демянска, где наши окружили более половины 16-й немецкой армии. Уходя от преследования, бригада забиралась все глубже в немецкие тылы, в леса южнее дороги между станциями Дно и Старая Русса. И вот теперь, кажется, оторвались от преследования.

А что же было потом? После того случая на шоссе?.. Ах, да! Был бой. Ночью, кажется, через сутки...

Командованию бригады из сообщения разведчиков об обстановке на шоссе и из других источников стало ясно, что бригада из кольца вырвалась. Теперь можно было подумать об отдыхе. Но первая база бригады и лесной аэродром на болоте Невий Мох остались далеко. Пока наладится связь с Большой землей и будет подготовлен новый аэродром для приема самолета-

тов, надо принять срочные меры для обеспечения десантников продуктами хотя бы на несколько дней. Надежды на помощь местного населения не оправдались. Люди сами бедствовали. Из большинства деревень немцы выселили жителей и превратили эти деревни в укрепленные пункты. Партизанская война лишила оккупантов спокойной жизни даже далеко от линии фронта. На шоссейных и железных дорогах то и дело взлетали в воздух транспорты, горели склады горючего, боеприпасов. Оккупанты в деревнях жили в круговой обороне.

Ночной бой за одну такую деревню и вспомнился Петру Черепову. Вечером, накануне боя, он подумал, что надо перебрать укрепления. От сырого мартовского снега сыромятные ремни начали раскисать и вытягиваться. Не подтянешь — можешь оказаться в самый неподходящий момент без лыж. А пеший на снегу — мишень, беспомощная мишень для врага.

Когда подбирались по глубокому оврагу к первым домам деревни, беспокоила мысль: только бы собаки не учуяли и не подняли лай. Но опасение оказалось напрасным. Немцы, оберегая свой сон, давно перестреляли всех собак.

Бой начался неожиданно. По сигналу ротного все рванулись вперед, к ближним домам, а навстречу и сбоку, сразу с двух сторон, начали стелиться светящиеся пунктиры пулеметных очередей. И состояние боя, состояние трезвого расчета овладело Петром.

Бросок был стремительным. Крайние дома, откуда строчили пулеметы, взлетели от взрывов. Дзоты больше не преграждали дороги. Лавина атакующих понеслась вдоль улицы, расстреливая выбегающих из жилья немцев, очищая от них дом за домом.

Петр бросал гранаты, кидался в сени домов, схватывался врукопашную, бил из автомата по чердакам и подвалам.

В центре села, в каменном здании, был главный очаг обороны фашистов. Из подвальных окон, превращенных в амбразуры, плескались огнем пулеметы. Автоматчики строчили из окон второго этажа и с чердака. Все подходы к дому простреливались плотным огнем.

На какой-то момент атака захлебнулась. Пока подтягивались бронебойщики и минометчики, командир роты старший лейтенант Макаров собрал группу десантников. В этой группе, кроме Петра и его товарищей, были гранатометчики из других рот.

— Приготовить гранаты и с разных сторон подобраться поближе для прицельного броска. Целить в окна. Сигнал — первый разрыв мины.

После одновременного удара всеми видами оружия по амбразурам немцы на короткое время стихли. Этого оказалось достаточно. На штурм со всех сторон рванулись десантники.

Три часа длилось это ночное сражение. Лишь небольшой группе немцев удалось выскользнуть из окружения.

Среди многочисленных трофеев оказалось и самое главное — два продовольственных склада. Почти сутки провели в селе десантники, отдыхали, приводили себя в порядок, пополняли солдатские мешки продуктами. Похоронили товарищей, погибших в бою. А на исходе следующей ночи основные силы бригады двинулись дальше. В деревне остались раненые и небольшой гарнизон. Но уже на следующий день немцы окружили деревню и семь дней яростно штурмовали ее. Десантники с боем вырвались из кольца, унося с собою раненых. Часть догнали уже на новой лесной базе.

— Ага, проснулся, голубчик! — Сестра склонилась над Петром с сочувственной улыбкой. — Долго же ты не приходил в себя...

— Какое сегодня число? — Запекшиеся губы не подчинялись ему. Что-то давило и резало в груди. Выступила холодная испарина на лбу, и в глаза снова напал туман. Уже сквозь забытие он услышал ответ сестры:

— Восемнадцатое марта...

Восемнадцатое... Значит, это было вчера...

Задание было привычное: выдвинуться вперед километров на десять, разведать положение в лесной деревушке и вернуться. Пошли втроем.

И только вышли за пределы обычного сторожевого охранения на опушку леса, как почти в упор из засады полоснули автоматные очереди. В груди что-то обожгло. Падая, Петр успел заметить серо-зеленую шинель под елью и открыл огонь...

Очнулся он тогда от грохота мотора. Но когда носилки втискивали в фюзеляж «кукурузника» он снова потерял сознание...

Это было 17 марта 1942 года. В этот день закончился для Петра Черепова этот знаменитый рейд под Старую Руссу.

А бригада еще много дней ходила по тылам 16-й немецкой армии, взрывая мосты, склады, пуская под откос немецкие поезда с живой силой и техникой. А потом с боями прорвалась к своим.

Военная судьба Петра Максимовича Черепова сложилась так, что после лечения его снова направили в свою бригаду. Теперь

она носила название 5-я гвардейская воздушнодесантная бригада. Знакомясь с пополнением, комбриг Сидорчук остановился перед ним.

— Стоп! Черепов?.. Почему не носите гвардейский знак?

— Не положено... мне не присвоено...

— Положено, Черепов, положено. Помню, при каких обстоятельствах ты выбыл из бригады. За тот рейд бригада и стала гвардейской.

★ ★ ★

Н. ЕФИМОВ

ПОД КУПОЛОМ

ПАРАШЮТА

Шавшуков Григорий Ефимович родился в 1913 году в деревне Головихино Карагайского района Пермской области. Окончив Пермский учительский институт, работал преподавателем истории, затем директором средней школы в городе Лысьва. С началом Великой Отечественной войны добровольно пошел в армию. Был командиром взвода 8-й воздушно-десантной бригады. Член КПСС с 1941 года. В составе 3-го батальона этой бригады в январе 1942 года десантировался в тыл вражеских войск в Смоленскую область. Г. Е. Шавшуков принимал участие в боях за освобождение населенных пунктов Никулино, Савино, Мармоново, Осташково.

После войны Г. Е. Шавшуков окончил педагогический институт. В настоящее время проживает в Перми. Работает директором педагогического училища № 1.

Немецко-фашистские войска, потерпев крупное поражение под Москвой, поспешно откатывались в направлении Смоленска, оставляя за собой, как тяжелораненый зверь, кровавый след.

Верховное Главнокомандование, уловив перебои в немецкой военной машине, растерянность в стане врага, решило немедленно забросить в тыл противника воздушнодесантные войска.

Взводу десантников лейтенанта Шавшукова было приказано неотлучно находиться на аэродроме в полной экипировке. Не вылететь ни в эту ночь, ни в следующие сутки из-за непогоды не удалось. Наступил третий день ожидания. Мела небольшая поземка. К середине дня небо прояснилось, и была объявлена посадка.

В самолет Григорий Шавшуков вошел первым, сел ближе к двери. Вскоре машина, сделав небольшую пробежку, легко оторвалась от земли и плавно начала набирать высоту. Сделав круг над аэродромом, самолет лег на курс.

Григорий глянул в иллюминатор. Там, внизу, виднелись леса, деревни, от которых длинным шлейфом тянулся дым, просматривались извилистые нити дорог, заполненные войсками.

— Сейчас будем пересекать линию фронта. Не паниковать! Всем оставаться на своих местах! — объявил летчик.

По спине прошел холодок. «Сейчас начнется!..» — невольно подумал Шавшуков.

Словно в ответ его мыслям несколько снарядов разорвалось недалеко от самолета. Трассирующие пули огненным дождем возвращались на землю. Разрывы снарядов участились, оставляя после себя небольшие белые облака.

Летчик уверенно вел самолет сквозь огневую завесу, часто меняя курс, высоту и скорость. Но опасность не уменьшалась. Вскоре по фюзеляжу барабанной дробью застучали осколки снарядов. Но, к счастью, в зоне огня они находились недолго. Вспышки снарядов и трассы пуль остались позади. Самолет миновал линию фронта. Нервное напряжение, сковавшее людей, стало спадать.

Григорий задумался, вспомнил первый день войны. В Лысьве тогда устроили массовый выезд в лес. Григорий Ефимович, директор средней школы, вместе со всем учительским коллективом тоже был на массовке. Возвращались домой усталые и воз-

бужденные. Повстречавшаяся с ними у городского парка пожилая женщина сердито бросила:

— Что смеетесь, горю рады?

— Какому горю, что вы, тетя?

— Германец пошел на нас войной, — сухо сказала она и пошла, не оглядываясь.

Веселое настроение сразу погасло. Все заторопились домой.

И сейчас, сидя в самолете, он отчетливо вспомнил лицо той незнакомой женщины, от которой впервые услышал тяжелую весть, ее острый, колющий взгляд и опустившиеся плечи...

— Вы что, задремали? — крикнул над ухом второй пилот. — Подходим к месту высадки. Приготовьтесь!

Внизу ни одного огонька. Земля выжидающе притаилась. Сопровождающие открыли люки, подтащили к ним мешки с грузом. Командовал второй пилот. Он показал два пальца, а затем резко опустил руку, что значило: десантникам прыгать на втором круге, на первом — сбросить грузы.

Вспыхнула лампочка. Григорий подошел к открытой двери. Пахнуло холодным ветром, перед глазами плыла сырая мгла. А под ногами — бездонная пропасть и неизвестность. Как их встретит земля?

— Вперед! — крикнул Григорий и, оттолкнувшись ногой, скрылся под самолетом. Только свист ветра в ушах... Просчитал до пяти и дернул вытяжное кольцо.

Раздался хлопок над головой, а затем резко трянуло. На душе стало легче, когда увидел рядом спускавшихся товарищей. Внизу чернел лес. На опушке ютилось несколько домиков.

Приземлился Григорий в полукилометре от домов. Собрал парашют, закопал в снег и направился к опушке леса. Позади послышался треск сломанных сухих сучьев. Укрывшись за деревом, увидел бегущего к нему мальчишку лет двенадцати.

— Дядя, я видел, как вы спускались с парашютом. Вы не бойтесь меня, я свой.

— Как тебя зовут?

— Коля. А младшего братишку — Васей. Нас тут все знают.

— А как называется твоя деревня?

— Клетки.

Мальчик оказался смывленным и очень осведомленным: знал, в каких местах находятся партизаны и где расположились немцы.

Тем временем подошла группа десантников. Шавшуков распорядился:

— Идемте глубже в лес, там оглядимся. Вы, Фролов, двигайтесь в дозоре, а вы, Залятин, прикройте нас с тыла.

Идти пришлось недолго: на одной из полян Фролов заметил кучку мужчин и женщин.

— Руки вверх! Не двигаться, стрелять буду!

— Что ты так громко кричишь? — ответил мужчина, поднимая руки.

Подошли ближе и увидели зависшего на дереве нашего парашютиста. Собравшиеся местные жители пытались вызволить его. На душе стало теплее: свои!

Собрав двадцать шесть десантников и примерно столько же солдат, пробивавшихся из окружения, Шавшуков повел их на пункт сбора, указанный перед вылетом.

— Слышал, слышал о вас, товарищи, — заговорил комбриг после доклада Шавшукова. — А сейчас, товарищ Шавшуков, принимайте роту и получайте задачу: внезапным налетом овладеть деревней Никулино, а затем вместе со второй ротой ударить по немцам, засевшим в Асташево.

Днем разведка донесла, что немцы очищают дороги от снега. Секреты, расположенные у Никулино, сообщили, что к деревне направляются танк и две машины с солдатами.

По сигналу две группы десантников залегли по обе стороны дороги. Немецкий танк шел впереди. Ствол орудия то высоко задирался вверх, то скрывался за сугробами. За ним неотступно шли две машины. Вот танк поровнялся с первой группой. Григорий боялся, как бы кто из бойцов не открыл преждевременно огня: тогда все пропало. Но стояла мертвая тишина. И как только танк приблизился к другой группе, а машины поровнялись с первой, связка гранат, а вслед за нею бутылки с горючей смесью полетели во врага. Танк вздрогнул, покрылся едким черным дымом. Первая группа бойцов поливала свинцом фрицев, сидевших на машинах. Короткий бой — и немцы уничтожены.

Перегруппировав силы, установив связь с командиром второй роты, Григорий Ефимович на другой день повел роту в наступление на Асташево. К концу дня деревня была в руках десантников.

Стало известно, что немцы накапливают большие силы для нанесения смертельного удара по бригаде. Командование приняло решение отступить в глубь леса. Шавшукову было приказано перекрыть дороги, ведущие в деревню Мармоново, задержать противника, прикрыть отход бригады.

Всю ночь бойцы оборудовали огневые позиции. Утром фашисты по двум дорогам, сходящимся у деревни, пошли в наступление. Как только голова колонны стала подходить к селу, Григорий дал сигнал. Головной танк был подорван. Следовавший за ним решил обойти его, но засел в снегу. По хвосту ко-

лонны десантники ударили зажигательными пулями. Машины загорелись. Началось смятение. Немцы пытались бежать, но их настигали меткие пули.

Ведя бой за следующую деревню, десантники овладели двумя, непонятно как уцелевшими, домиками. Когда вошли в один из них, то увидели лежавших на полу убитых женщин и детей, Трупы оказались и в подполье. В темном углу, за кадкой с отрубями, сидел ребенок в коротком пальтишке.

— Как тебя звать? — спросил боец, присев на корточки.

Ребенок молчал и не двигался. Кто-то дал ему большой кусок сахара. Ребенок, пугливо озираясь по сторонам, недоверчиво рассматривал его, а затем поднес к губам и, придерживая грязными ручонками, начал жадно есть. Бойцы отвернулись, смахивая с лица непрошенные слезы.

— Как же тебя зовут? — вновь спросил пожилой боец.

— Мама, — промолвил ребенок, показывая на труп женщины.

В дом вбежали старик и две женщины. Бойцы расступились. Старик наклонился к ребенку, взял его на руки, крепко прижал к груди и, не говоря ни слова, вышел. Женщины, утирая слезы, рассказали, как немцы на глазах трехлетней девочки убили ее мать.

До боли сжимали оружие бойцы. Лютая ненависть к врагу заставляла их спешить на помощь людям, попавшим в беду.

По данным разведки, в районном селе Семлево, расположенном в двадцати пяти километрах от железнодорожной станции, сосредоточился карательный отряд немцев. Захват села обеспечивал контроль над железной дорогой.

На рассвете десантная бригада незаметно подошла к селу Семлево и залегла. Село расположилось внизу, в лощине, окруженной редким лесом, за которым шли поля.

Пользуясь утренней темнотой, рота Шавшукова преодолела поле. Пологая измененность вела к селу. Метрах в ста — ста пятидесяти от десантников стояло несколько домиков. Бойцы бесшумно ползли к ним. Ракета, взвившаяся над селом, известила о начале атаки. Немцы открыли огонь из домов. Рота залегла в снег. Дважды предпринимали атаку десантники, но бешеный огонь фашистов плотно прижимал их к снегу.

Шавшуков лежал недалеко от дома, к которому тянулась небольшая лощина. Медленно, зарываясь в снег, он пополз вперед. Но вдруг разрывная пуля угодила ему в правую лопатку. Закружилась, завертелась ограда и домик, все быстрее и быстрее. Шум боя внезапно оборвался.

Очнулся — правая рука не работает. Тошнило. Хотелось спать: видно, много потеряно крови. Стал мерзнуть. А из ближайших домов немцы издевательски кричали:

— Эй, рус, иди погрейся!

«Что делать? — думал Григорий. — Надо, пока не поздно, выбраться».

Пополз влево, работая ногами и левой рукой. С большим трудом преодолел метров пятнадцать. Ударил пулемет очередью. «Перелет», — подумал Григорий. Снова пополз вперед, и опять пулеметная строчка. На этот раз она прошла позади. «Значит, взят в вилку. Выход один: делать короткие броски».

Собрав силы, он сделал рывок и упал, словно убитый. От невыносимой боли на миг потерял сознание. Отдышался и снова сделал рывок. Вскоре преследующие пулеметные очереди прекратились, но Григорий еще долго продолжал перебежки. И только упав в свежую воронку, пахнущую едким дымом, он почувствовал себя в безопасности.

Следом за ним в воронку скатился санитар.

— Вы ранены?

Санитар помог ему добраться до командного пункта. Собрав последние силы, Шавшуков пытался доложить, что прибыл на пункт по ранению.

— Не надо, не надо, — прервал его комбриг. — Знаем, что ваша рота первой ворвалась в село. От всего сердца спасибо!

С. ГОРЮНОВ.

СЛУЖИЛИ

ДВА ТОВАРИЩА

Шварев Никифор Иванович родился в 1915 году в деревне Шварево Усольского района Пермской области. Член КПСС с 1943 года. В 1942 году призван в армию и направлен в воздушно-десантные войска. Служил в 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, в составе которой участвовал в боях на Северо-Западном фронте, в освобождении Украины, в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях. Прошел с боями Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию.

Н. И. Шварев награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями. Ныне он на-

ходится на пенсии. Живет в Перми. Принимает активное участие в общественной работе.

Бобриков Евгений Пантелеймонович родился в 1923 году в Перми. Член КПСС с 1958 года. В Советскую Армию призван в 1942 году. Службу начал в 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии на Северо-Западном фронте. Прошел с боями Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию. Участвовал в освобождении Украины, в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях.

Е. П. Бобриков награжден восемью медалями. Демобилизован в 1947 году. Работает начальником участка на заводе имени В. И. Ленина в Перми.

Раньше таких дней в жизни Евгения Бобрикова никогда не было. Мало того, что начальник цеха из-за болезни второго разметчика все удлинял Евгению рабочую смену, четыре раза в неделю Бобрикова видели в шеренгах всевобуча, во взводе автоматчиков. Ему и его товарищам — Павлу Пономареву, Николаю Ушакову, Анатолию Кибанову — другие ребята завидовали. Еще бы, сам райвоенком назвал этот взвод наикратчайшей путевкой на фронт.

— Десантники — воздушные солдаты — сейчас очень нужны!

И в штабе батальона, где Бобрикову с товарищами младший лейтенант Голубев вручал комсомольские билеты, не сомневались: таким орлам да не летать!

А присутствовавший при этом командир из особого отдела Шварев уверенно заявил:

— Мои земляки не подведут ни на земле, ни в воздухе. Отважный народ, скажу вам...

Вот так и познакомились рядовой Евгений Бобриков из Мотовилихи и старший лейтенант Никифор Иванович Шварев из Краснокамска. И надолго разошлись, даже забыли друг про друга: у каждого свои дела, свои хлопоты.

...Ночью просигналили боевую тревогу. Словно в холодную воду окунули — по душе озноб: «Наконец-то!» В темноте погрузились в автомобили. Взводные несколько раз пофамильно сверили, все ли на месте, и длинная колонна без света покатила по дороге.

А война была уже рядом. Все чаще приходилось прыгивать с грузовика и по команде «Раз-два, взяли!» перетаскивать его через развороченные мосты. Однажды Евгений вроде бы увидел старшего лейтенанта Шварева, тоже налегающего плечом на борт машины, но подойти к нему не смог.

Вскоре после этого при переходе через бесконечное лесное болото разбитый грузовик Бобрикова «сел» окончательно. Отделение, выстроившись в колонну, продолжало путь.

Здесь, на Северо-Западном фронте, давно хозяйничала зима. Но, наверное, оттого, что была она не очень суровой, осень нет-нет да и заявляла о себе уцелевшим на ветке багряным листком, лужей на дороге, разбухшей от влаги почкой. Эти почки вполне съедобные. Ведь сухой паек давно съеден. Позвякивает

котелок который день без применения. Осунулись ребята, повзрослели, будто каждый походный день — год.

В конце второй недели вышли на высокий берег Ловати. На той стороне виднелись из-под снега остатки деревни Черенчицы. По реке плыли беспризорные легкие баржи и свинцово-тяжелые льдины.

Солдаты, которых ребята сменили в окопах, на прощание балагурили: «Вам, авиаторам, проще пареной репы атаковать. Расправили крылышки и сверху в темечко немца — клюки!»

Ловать густела, и наконец морозы сделали свое дело. Бойцы сползали опробовать, выдержит ли лед человека. В окопах побывали артиллеристы. Все предвещало бой. И он начался...

— Иуу-иуу-зз... — запело вдруг над их головами.

Бобриков скатился с крутого берега, испытывая в душе нечто похожее на ожидание парашютного рывка. Рядом в утренних сумерках копошились в снежном обвале его товарищи.

— Ура! — раздался голос взводного. Он выскочил из-за сугроба и, не оглядываясь, побежал к противоположному берегу.

Тотчас из-за деревни ударила немецкая батарея. Сначала снаряды обрушились на пустые окопы, но, разглядев наступающих, фашисты перенесли огонь на реку. Один миг — и сплошной ледяной панцирь превратился в дырявое решето. Засыпанные крошевом коварные полыньи проглатывали людей.

— Ур-ра! — опередив других, ловко перепрыгивая пробойны, бежал Анатолий Кибанов. Прыжок, еще прыжок — и за спиной невысокий уступ берега. Он первым достиг его... И, словно наткнувшись на стену, упал.

«Надо к нему! — думает Бобриков и замечает, что слева и справа люди остановились и залегают в снегу. — Почему?»

— Почему остановились? Вперед! — Это кричит замполит Гнездов, в полный рост перебегая Ловать. — Вперед, товарищи! — И как будто приседает, окрашивая снег кровью.

— Ур-ра! — снова нарастает крик бойцов, устремившихся в проход через минное поле. А рядом, если взглянуть чуть левее, лежит на снегу пермский парень Анатолий Кибанов, первым ступивший на мину...

Всю ночь Евгений разыскивал в сугробах раненых товарищей. Если бы позволили обстоятельства, он бегал бы по полю, как заведенный, он закричал бы во весь дух, чтобы скорее узнать, где замерзают они. В его ушах все звучал стон, который он слышал, лежа под градом шрапнели. Слышал — не мог помочь.

Уже на рассвете, мокрый, измученный, привалился к мерзлой стенке окопчика в пойме, что под низменным берегом Ловати. Если пойти по той пойме, вниз по течению, то придешь к мосту через реку. Но чуточку раньше от поймы ответвляется неглубокий ложок, который по кустикам идет до самой околицы Черенчиц.

Брать деревню должна была снова первая рота. С фланга поднялся в атаку другой батальон. И вот по этой самой пойме и ложку, в кустах, бесшумно подобрался к Черенчицам двадцать восемь тех, кто остался от авиадесантной роты, и среди них рядовой Евгений Бобриков.

По траншее без всяких помех они дошли до хитро замаскированного блиндажа, в амбразуре которого бесновался вражеский пулемет.

— А ну, фриц, получай гостинец! — крикнул Бобриков, бросая гранату.

Капитан Шварев служил в особом отделе штаба этой же дивизии. Знал он, что под Ново-Георгиевском десантники несколько раз бросались в штыковую атаку через небольшую речку и что в рукопашной схватке участвовали его земляки.

Так, почти рядом, но не встречаясь друг с другом, служили два пермяка. И вот в сорок третьем, на острове Яцков, окрещенном солдатами «островом смерти», они встретились. Через силу, прихрамывая, Бобриков подтаскивал боеприпасы.

«Надо бы ему дать передышку», — подумал капитан и попросил командира взвода:

— Хочу взять у тебя вон того парня.

— Исполнительный и дисциплинированный боец, — начал было по-казенному взводный и неожиданно закончил: — Не покаешься — бери!

Дальнейшая служба напоминала Евгению бесконечный наряд по штабу. В самом деле, новые обязанности очень походили на обязанности дневального или рассыльного. Но, как хороший солдат, Бобриков все дела делал споро. Он уже понял, что у капитана из особого отдела служба намного сложнее, чем у строевиков. Однако, как фронтовик, Евгений все же не мог окончательно оценить своего командира, не повидав его в бою.

И вот возможность представилась.

На немцев нарвались в полном смысле этого слова: во-первых, прямо на марше, во-вторых, в невыгодном для себя положении — на голом и ровном месте. С бугра, от деревни, на ба-

табьон понеслись мины и снаряды, а на хвост колонны (черт знает откуда!) вдруг навалились два танка с крестами на боках. С неба заходили в пике стремительные «мессеры».

В первые минуты возникла неразбериха. Солдаты бросились в разные стороны — каждый искал удобную позицию.

«Что же получается? — подумал капитан Шварев. — Надо зацепиться где-то!»

С большинством солдат, бросившихся влево от дороги, он бежал по зеленой луговине, надеясь встретить хоть какую-нибудь яму. И — удача! Поле резко оборвалось, образовав овраг, тянущийся к лесу.

— Сюда! — он показывал место, где нужно окопаться, зайти, установить пулемет.

И вот в приблизившиеся танки полетели гранаты, заговорили пулеметы. Замелькали лопаты. Закрутились катушки связистов. Начался бой, организованный и управляемый.

«Не растерялся земляк! — подумал тогда Бобриков о своем новом начальнике. — С таким служить можно...»

Ефрейтор Бобриков служил с капитаном Шваревым до конца Великой Отечественной войны. И был однажды случай, когда Бобриков спас жизнь своему командиру.

Бой шел в центре Вены.

— И нам, — рассказывает Евгений Пантелеймонович, — нужно было попасть в район одного завода. Опытному фронтовику несложно определить, куда летит и где упадет снаряд. Но мы еще не воевали в городских кварталах и не имели такого опыта. Подождали-подождали да и побежали поперек улицы...

На середине ее они услышали нарастающий визг снаряда. Вздрогнула, охнула земля, с посвистом разлетелись осколки. Бобриков что было силы толкнул Шварева на землю и упал на него сам.

Трудно поверить, но разорвавшийся в двух шагах снаряд никого не убил. Солдаты затащили оглушенных пермяков в подвал ближнего дома.

— Гляжу, — вспоминает Евгений Пантелеймонович, — у меня сапоги в ремешки, а один осколок в ноге, как заноза...

За этот подвиг Бобриков награжден медалью.

И по сей день продолжается дружба двух солдат-однополчан, свято выполнявших в годы войны свой воинский долг.

СУДЬБЫ СОЛДАТСКИЕ

В годы Великой Отечественной войны под знаменами гвардейских воздушнодесантных частей сражались наши земляки — уроженцы Прикамья. Многие из них погибли. Многие были ранены и после войны вернулись к мирному труду.

Пермским советом ветеранов войны собрано немало сведений о пермяках-десантниках. Мужество и героизм проявили они в боях с врагом. Орденами и медалями отмечены их боевые подвиги.

Как сложились судьбы наших земляков-героев? Об этом рассказывают краткие сведения, собранные подполковником в отставке А. Д. Пучниным.

АГЕЕВ Николай Григорьевич родился в 1926 году в деревне Маланенская Коробовского района Московской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в воздушнодесантных войсках. В составе 9-го отдельного батальона связи 38-го гвардейского стрелкового корпуса в 1945 году участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Награжден десятью медалями.

В послевоенный период коммунист Н. Г. Агеев продолжал службу в воздушнодесантных войсках. Совершил 238 прыжков с парашютом, имеет звание инструктора парашютнодесантной службы и почетного радиста СССР.

Н. Г. Агеев живет в Перми. Он офицер управления Министерства внутренних дел.

АЛДАРОВ Аркадий Брюханович родился в 1922 году в деревне Верхний Ашап Бардымского района Пермской области. В 1940 году был призван в армию. Служил в 1-й маневренной воздушнодесантной бригаде, в составе которой участвовал в

боях на Северо-Западном фронте: выбрасывался на парашюте в тыл немецких войск с разведывательно-диверсионной группой в районе Старой Руссы. Принимал участие в боевых действиях в составе 181-го стрелкового полка под Сталинградом, 153-го стрелкового полка — на Курской дуге и 1623-го стрелкового полка — под Ленинградом и в Прибалтике. Штурмовал Берлин. Демобилизован в 1945 году. Старшина А. Б. Алдаров награжден четырьмя медалями.

А. Б. Алдаров живет в поселке Бизярка Пермской области, работает в леспромпхозе.

БАЛАБАНОВ Борис Иванович родился в 1913 году в городе Бузулук Оренбургской области. Член КПСС с 1939 года. В 1936 году был призван в армию. Находился на политработе. С 1942 года работал в Особом отделе 4-й маневренной воздушнодесантной бригады. В составе 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте: с группой десантников забрасывался

в тыл вражеских войск со специальным заданием. Награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

Б. И. Балабанов живет в Перми, находится на пенсии, является членом совета ветеранов парашютистов-десантников.

БЕЛЬСКИЙ Артемий Григорьевич родился в 1914 году в Устьянском районе Архангельской области. Член КПСС с 1945 года. В 1941 году был призван в армию. Служил в 68-й гвардейской стрелковой, затем в 7-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Участвовал в форсировании Днепра, в Корсунь-Шевченковской операции. В 1943 году забрасывался в тыл вражеских войск в районе Черкас и Корсунь-Шевченковского. Старшина А. Г. Бельский демобилизовался в 1945 году. Награжден орденом Отечественной войны II степени и четырьмя медалями.

В настоящее время А. Г. Бельский живет в городе Кизел Пермской области.

БИК-МУХАМЕТ (Бикмухаметов) Габдрахман Гиниятуллович родился в 1919 году в Перми. В 1942 году добровольцем ушел в воздушнодесантные войска. Служил в отдельном минометном дивизионе 9-го воздушнодесантного корпуса. В составе 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте. В составе 19-го гвардейского воздушнодесантного полка 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии форсировал реки Полу и Ловать. Награжден медалью.

Г. Г. Бик-Мухамет живет в Перми, находится на пенсии.

БОБЛАК Иван Афанасьевич родился в 1918 году в деревне Жемердеевка Суражского района Брян-

ской области. Член КПСС с 1943 года. В 1938 году был призван в армию. Служил в частях ВНОС*, затем в воздушнодесантных войсках. В составе 53-го отдельного батальона связи 37-й гвардейской стрелковой дивизии с августа 1942 года участвовал в боях в излучине Дона и в Сталинграде, на Курской дуге, в освобождении Белоруссии и Польши, форсировал реки Сож, Днепр, Нарев, Одер. Старшина И. А. Боблак дважды десантировался во вражеский тыл. Награжден орденом Красной Звезды и десятью медалями.

И. А. Боблак живет в Перми, находится на пенсии.

БОЛОТОВ Василий Яковлевич родился в 1917 году в поселке Юго-Камский Пермской области. Член КПСС с 1944 года. В 1938 году был призван в армию. Служил в 202-й, затем в 22-й воздушнодесантных бригадах. В августе 1939 года в составе группы десантировался в тыл японских войск со специальным заданием. Участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии, форсировал реки Раба и Дунай. Старший сержант В. Я. Болотов совершил 76 прыжков с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и восемью медалями.

После демобилизации работал в органах Министерства внутренних дел.

В. Я. Болотов живет и работает в городе Дубна Московской области.

БРОННИКОВ Федор Яковлевич родился в 1918 году в Перми. В 1938 году окончил Пермский аэроклуб и в том же году был призван в армию. Служил в 202-й воздушнодесантной бригаде. В составе 353-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии, командуя автоматной ротой, он участвовал в освобождении Австрии, форсировал реки Раба, Па-

* Войска наблюдения, оповещения и связи.

па и Дунай. Совершил 100 прыжков с парашютом. Демобилизован в 1946 году. Награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями.

Ф. Я. Бронников живет и работает в Перми.

БУХТИЯРОВ Афанасий Павлович родился в 1915 году в селе Шипы Обоянского района Курской области. В 1937 году был призван в армию. Военную службу проходил в железнодорожных войсках на Дальнем Востоке. Уволившись в декабре 1939 года в запас, А. П. Бухтияров был назначен комиссаром отдела боевой подготовки Кемаровского городского Осоавиахима. С началом Великой Отечественной войны он добровольцем уходит в армию и назначается военным комиссаром роты 12-й воздушнодесантной бригады. Совершил 11 прыжков с парашютом. В составе 116-го гвардейского стрелкового полка (б. 12 ВДБ) 40-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в оборонительных боях в излучине Дона, на подступах к Сталинграду, в окружении и разгроме группировки Паулюса, в освобождении Донецка, Енакиева, Мелитополя, Никополя, Одессы, Кишинева, Бухареста, Белграда. Награжден двумя орденами Красной Звезды и девятью медалями. В послевоенные годы подполковник А. П. Бухтияров находился на политической работе.

А. П. Бухтияров живет в Перми, работает старшим инженером по технике безопасности.

ВАВИЛИН Иван Андрианович родился в 1915 году в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа. В 1942 году был призван в армию. Служил в 7-м гвардейском воздушнодесантном полку 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которого участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в освобождении Чехосло-

вакии. Старшина И. А. Вавилин совершил 18 прыжков с парашютом. Демобилизован в 1945 году. Награжден четырьмя медалями.

И. А. Вавилин живет на станции Кукуштан Пермской области, работает мастером погрузочно-разгрузочных работ в дорожно-строительном управлении № 1.

ВЕРЕЩАГИН Павел Васильевич родился в 1918 году в деревне Казымово Оханского района Пермской области. В 1938 году был призван в армию. С июня 1941 года он служил в 14-й воздушнодесантной бригаде. В составе группы дважды забрасывался на парашюте в тыл противника с разведывательно-диверсионной целью. Сержант П. В. Верещагин демобилизован в 1946 году.

П. В. Верещагин живет в Перми, работает бригадиром плотников.

ВЕЧТОМОВ Юрий Данилович родился в 1920 году в Чите. Учился в Пермском сельскохозяйственном институте. В 1941 году добровольцем ушел в армию. Был направлен в 1-ю маневренную воздушнодесантную бригаду, в составе которой в 1942 году участвовал в боях на Северо-Западном фронте, в рейде по тылам противника в районе Старой Руссы. В составе той же бригады, ставшей 5-й гвардейской стрелковой, принимал участие в оборонительных боях на Северном Кавказе—под Наурской, Ищерской и городом Моздок. Десантировался на Малую землю. В составе 110-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в освобождении станции Крымская, города Пятихатки. После окончания 1-го Московского огнеметного училища направлен в 989-й Краснознаменный артиллерийский полк РГК, в составе которого принимал участие в параде Победы. Старший лейтенант Ю. Д. Вечтомов награжден орденом Красной Звезды и тринадцатью медалями.

Коммунист Ю. Д. Вечтомов в послевоенные годы продолжал службу в Советской Армии. Живет и работает в Перми.

ВЛАСОВ Валерий Иванович родился в 1921 году в поселке Павловский Очерского района Пермской области. В 1940 году был призван в армию. Служил в 13-й воздушнодесантной бригаде, ставшей в июле 1942 года одним из полков 40-й гвардейской стрелковой дивизии. Участвовал в боях на подступах к Сталинграду, за освобождение Ельни, Смоленска, Витебска, Каунаса, Кенигсберга. В 1945 году участвовал в разгроме Квантунской армии. Младший лейтенант В. И. Власов демобилизован в 1948 году. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Коммунист В. И. Власов живет и работает в Пермской области в городе Очере.

ВОЛКОВ Геннадий Александрович родился в 1923 году в городе Оса Пермской области. В 1942 году был призван в армию. В составе 163-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. С группой саперов-подрывников 20-й воздушнодесантной бригады в 1943 году был заброшен в тыл противника в районе Старой Руссы для проведения диверсионной работы и оказания помощи партизанам в «рельсовой войне». В составе 137-го отдельного саперного батальона прошел с боями через Варшаву до Берлина. Обеспечивал переправу наших войск через Вислу и Одер. Майор Г. А. Волков награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и девятью медалями.

Г. А. Волков живет в Перми, работает на заводе имени А. А. Шпагина.

ВОРОНОВ Всеволод Савватеевич родился в 1919 году в поселке Сыл-

ва Пермской области. В октябре 1940 года был призван в армию. В составе 7-го гвардейского воздушнодесантного полка 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге. В составе 129-й стрелковой дивизии принимал участие в боях в Восточной Пруссии, во взятии Кенигсберга и штурме Берлина. Минюетчик В. С. Воронов демобилизован в 1946 году. Награжден орденом Красной Звезды и семью медалями.

В. С. Воронов живет в Перми, работает зубным техником.

ГАВРИЛОВ Юрий Александрович родился в 1923 году в городе Губаха Пермской области. Член КПСС с 1943 года. В 1941 году призван в армию. Служил в воздушнодесантных войсках. В составе 9-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге. Участвовал в освобождении Полтавы, Кременчуга, Александрии, Знаменки, Аджамки, Кировограда, в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях. Форсировал реки Ворскла, Днепр, Буг, Днестр, Висла, Одер, Нейсе и Шпрее. Войну закончил в Чехословакии. Демобилизован в 1947 году. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и семью медалями. В послевоенный период награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1955 году он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Ю. А. Гаврилов живет в Перми, работает заместителем председателя Пермского областного Совета депутатов трудящихся.

ГАВРЮКОВ Борис Филиппович родился в 1924 году в Перми. В 1942 году был призван в армию. Служил в 26-й воздушнодесантной бригаде. В 1944 году в составе группы десантников был заброшен на парашюте в тыл немецких войск в

районе города Шауляй с разведывательно-диверсионной целью. Демобилизован в 1945 году.

Б. Ф. Гаврюков живет в Перми, работает гравером на телефонном заводе.

ГАЗЕТОВ Михаил Никитович

родился в 1910 году в Киеве. Член КПСС с 1931 года. В 1932 году был призван в армию. Находился на командно-политической работе: с 1942 года — комиссар воздушнодесантной бригады, затем начальник политического отдела 1-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которой участвовал в боях на Северо-Западном фронте, в освобождении Латвии, Литвы, в разгроме Курляндской немецкой группировки. Полковник М. Н. Газетов награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и девятью медалями.

М. Н. Газетов живет в Перми, находится на пенсии.

ГАЙНУЛИН Вагиз

родился в 1915 году в городе Кизеле. В 1941 году добровольцем ушел в армию. Служил в 1-й маневренной воздушнодесантной бригаде, сформированной в Кировской области, в составе которой участвовал в боях на Северо-Западном фронте, десантировался во вражеский тыл, где находился более полутора месяцев. В составе 5-й гвардейской стрелковой бригады в 1942 году форсировал Терек и участвовал в боях за станцию Ищерская, город Моздок. В числе первых десантировался и сражался на Малой земле. Сержант В. Гайнулин демобилизован в 1944 году по ранению. Награжден орденом Отечественной войны II степени и четырьмя медалями.

В. Гайнулин живет в Кизеле, работает в дистанции пути молотобойцем.

ГЛАВАТСКИХ Митрофан Андреевич родился в 1916 году в деревне Безрезники Кезского района Удмуртской АССР. В 1941 году призван в армию. В составе 2-го батальона 1-й маневренной воздушнодесантной бригады участвовал в боях на Северо-Западном фронте, забрасывался в тыл противника в составе диверсионной группы. М. А. Главатских демобилизован в 1942 году по ранению. Награжден четырьмя медалями.

М. А. Главатских работает в совхозе «Верещагинский» Верещагинского района Пермской области.

ГОЛИКОВ Анатолий Семенович родился в 1917 году в селе Черновское Пермской области. В 1938 году призван в армию. Служил в 202-й, затем в 22-й воздушнодесантных бригадах. В составе 350-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии. Форсировал реки Раба и Дунай. Совершил 314 прыжков с парашютом. Награжден двумя орденами Красной Звезды и десятью медалями, имеет звание инструктора парашютнодесантной службы. Подполковник А. С. Голиков уволен в запас в 1960 году.

Коммунист А. С. Голиков живет в Хабаровске, работает председателем объединенного комитета профсоюзов треста столовых.

ГОЛУБЕВ Павел Семенович родился в 1916 году в деревне Зайково Уржумского района Кировской области. Член КПСС с 1939 года. В 1942 году призван в армию. В должности помощника начальника политотдела 5-й воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте в разгроме Демянской группировки гитлеровцев, в боях на Курской дуге, под Ахтыркой, в освобождении городов Котельва, Звенигородка, Оргиев, в Корсунь-Шевченковской, Уманьско-Христиновской и Яско-Кишиневской опе-

рациях. Прошел с боями Румынию, Венгрию и Австрию, штурмовал Будапешт и Вену, освобождал Чехословакию. Майор П. С. Голубев демобилизован в 1946 году. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и шестью медалями.

П. С. Голубев живет и работает в Перми, является членом совета ветеранов парашютистов-десантников.

ГРИГОРЬЕВ Сергей Андреевич родился в 1919 году в деревне Гороховье Великолукского района Псковской области. Член КПСС с 1942 года. В 1938 году был призван в армию. Служил в артиллерии на Дальнем Востоке, а с 1942 года — в воздушнодесантных войсках. В составе 6-й гвардейской воздушнодесантной дивизии принимал участие в боях на Северо-Западном фронте, под Прохоровкой, в освобождении Белгорода, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Знаменки, Кировограда, в Корсунь-Шевченковской Яско-Кишиневской операциях, во взятии Бухареста. В составе 10-й воздушной армии в 1945 году участвовал в разгроме Квантунской армии. Награжден двумя орденами Красной Звезды и десятью медалями.

С. А. Григорьев живет и работает в Перми.

ГУЩИН Мелетий Анатольевич родился в 1917 году в городе Кизел. В 1938 году призван в армию. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде, в составе которой в 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе, а в августе 1941 года — в тяжелых оборонительных боях за Киев. Сражался за города Остер, Конотоп, Тим, Щигры. Принимал участие в обороне Сталинграда и ликвидации группировки Паулюса, а затем — в наступательных боях за освобождение Украины, Белоруссии, Польши, штурмовал Берлин. Старший сержант М. А. Гущин совершил 34 прыжка с парашютом. Демобилизован в

1945 году. Награжден двумя орденами Красной Звезды и одиннадцатью медалями.

М. А. Гущин живет в Кизеле, работает мастером в вагонном депо.

ДЕДОВ Василий Ипатович родился в 1918 году в селе Чекмени Нытвенского района Пермской области. В 1938 году был призван в армию. Служил в 202-й и 4-й маневренной воздушнодесантных бригадах. В составе 30-го гвардейского воздушнодесантного полка 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, во взятии Полтавы, Тирасполя, Бендер, в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, с боями дошел до Австрийских Альп. Совершил 39 прыжков с парашютом. Старшина В. И. Дедов демобилизован в 1945 году. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

В. И. Дедов живет в Нытве, находится на пенсии.

ДЕСЯТКОВ Иван Васильевич родился в 1908 году в деревне Кряж Осинского района Пермской области. В 1941 году призван в армию. В составе 3-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он участвовал в боях на Курской дуге, в форсировании Днепра, во взятии Киева, в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Старший сержант И. В. Десятков награжден двумя медалями. Демобилизован в 1945 году.

И. В. Десятков живет в поселке Ново-Ильинский Нытвенского района Пермской области, работает формировщиком на Ново-Ильинском рейде.

ДОЛГИХ Михаил Петрович родился в 1911 году в селе Сташково Оханского района Пермской области. Участник войны с белофиннами. В 1941 году он вновь был призван в армию. Служил в 12-й воздуш-

нодесантной бригаде 6-го воздушно-десантного корпуса. В составе 40-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в боях в излучине Дона, на подступах к Сталинграду. В составе 23-го гвардейского воздушно-десантного полка 9-й гвардейской воздушнодесантной дивизии воевал на Северо-Западном фронте, на Курской дуге. Старшина М. П. Долгих с боями прошел Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. Демобилизован в 1945 году.

М. П. Долгих живет в Перми, работает на телефонном заводе.

ЖУРАВЕЛЬ Алексей Васильевич родился в 1921 году в селе Ряска Полтавской области. В 1940 году был призван в армию. Служил в 214-й воздушнодесантной бригаде. В составе 4-го батальона бригады он принимал участие в оборонительных боях близ Пуховичей, на реке Березина, под Могилевом и Кричевом. С группой десантников забрасывался в тыл вражеских войск в районе Духовщины Смоленской области с разведывательно-диверсионной задачей. В октябре 1941 года в числе парашютистов отряда И. Г. Старчака участвовал в боях под Москвой. Демобилизован в 1942 году по инвалидности. Награжден двумя медалями.

А. В. Журавель живет в Чердынском районе Пермской области, работает нормировщиком в леспрохозе.

ЗАЛКИНД Игорь Эмильевич родился в 1923 году в Ростове-на-Дону. В 1941 году был призван в армию. В 1942 году он забрасывался на парашюте в тыл вражеских войск в районе Пулковских высот для выполнения специального задания. Участвовал в боях под Ленинградом в составе 35-го морского погранотряда. А в составе 210-й стрелковой дивизии — в прорыве блокады Ленин-

града. В 148-м гвардейском авиационном истребительном полку был авиационным механиком, принимал участие в Берлинской операции. Старший сержант И. Э. Залкинд демобилизован в 1946 году. Награжден пятью медалями. После войны он окончил геологический факультет Пермского государственного университета.

И. Э. Залкинд живет и работает в Перми.

ЗЕЛЕНЦОВ Виктор Семенович родился в 1918 году в Перми. После окончания в 1938 году Пермского речного училища работал помощником капитана парохода в Николаевске-на-Амуре. В том же году был призван в Военно-Морской флот. В августе 1941 года его направили в воздушнодесантные войска, в составе которых он участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. В. С. Зеленцов демобилизован в 1945 году. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени и пятью медалями.

В. С. Зеленцов живет в Перми, находится на пенсии.

ЗЕМЛЯНСКИЙ Алексей Егорович родился в 1925 году в селе Бородино Восточно-Казахстанской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в 13-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 99-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в боях на Карельском фронте, прошел с боями от Лодейного Поля до финляндской границы, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. В послевоенный период окончил военное училище. Совершил 270 прыжков с парашютом, имеет звание инструктора парашютнодесантной службы. Награжден орденом Славы III степени и десятью медалями.

А. Е. Землянский живет и работает в Перми.

ЗОТОВ Александр Иванович родился в 1920 году в селе Печерники Михайловского района Рязанской области. В 1941 году был призван в армию. Служил в 3-й маневренной воздушнодесантной бригаде. В составе 167-го отдельного мотострелкового батальона он участвовал в боях под Ржевом, трижды ходил в штыковую атаку. Совершил 4 прыжка с парашютом. Демобилизован в 1942 году по ранению.

А. И. Зотов работает в совхозе «Юговской» Пермского района.

ЗУЕВ Петр Павлович родился в 1919 году в деревне Никифоровка Чусовского района Пермской области. В 1938 году был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке в 211-й воздушнодесантной бригаде. Участник боев на Халхин-Голе. В годы Великой Отечественной войны он неоднократно в качестве стрелка-радиста вылетал на самолетах ТБ-7, СБ-1, Ил-2 бомбить вражеские войска и их коммуникации. С июня 1942 года и до конца войны, будучи шофером штаба 2-го Украинского фронта, прошел с боями от Воронежа до Праги. Затем участвовал в разгроме Квантунской армии. Совершил 32 прыжка с парашютом. Демобилизован в 1945 году. Награжден двенадцатью медалями.

Коммунист П. П. Зуев живет в Перми, работает шофером в военизированной пожарной части.

ЗЫКОВ Григорий Иванович родился в 1917 году в Харькове. В 1938 году окончил Пермский аэроклуб и в том же году был призван в армию. Служил в 202-й и 22-й воздушнодесантных бригадах. В 414-й гвардейской стрелковой дивизии был санинструктором. Принимал участие в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии. Совершил 45 прыжков с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями. Демобилизован в

1945 году. Вернувшись в Пермь, работал часовым мастером.

Г. И. Зыков умер в 1962 году.

ИЗОТОВ Владимир Михайлович родился в 1919 году в селе Красные Баки Горьковской области. Член КПСС с 1945 года. В 1941 году окончил Пермский государственный университет и в том же году был призван в армию. Участвовал в боях под Ржевом, затем служил в 3-й и 13-й гвардейских воздушнодесантных бригадах. В 1943 году десантировался во вражеский тыл на правом берегу Днепра, в районе Канева. В составе 99-й гвардейской стрелковой дивизии в 1944 году участвовал в боях на Карельском фронте — прошел с боями от Лодейного Поля до финляндской границы. Участвовал в освобождении Венгрии, Австрии. Лейтенант В. М. Изотов демобилизован в 1946 году. Награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны II степени и четырьмя медалями.

В. М. Изотов живет в Перми, работает главным инженером Пермского отделения Казанского треста инженерно-строительных изысканий.

КАЛИНИН Павел Петрович родился в 1919 году в деревне Сокры Очерского района Пермской области. Член КПСС с 1947 года. В 1939 году был призван в армию. Служил в 10-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 301-го гвардейского стрелкового полка 100-й гвардейской стрелковой дивизии в 1944 году форсировал реку Свирь у Лодейного Поля и прошел с боями до финляндской границы. Принимал участие в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. Сержант П. П. Калинин совершил 28 прыжков с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и десятью медалями.

П. П. Калинин живет и работает в Перми.

КАРАКСИН Михаил Петрович родился в 1919 году в селе Невотино Кунгурского района Пермской области. В 1939 году был призван в армию. Служил в 19-й и 4-й гвардейской воздушнодесантной бригадах. Участвовал в оборонительных боях под Москвой, десантировался в составе роты в тыл вражеских войск западнее Калинина с разведывательно-диверсионной задачей. Был участником боев за освобождение Украины, Молдавии, Румынии и Венгрии, штурмовал Будапешт и Вену. Старший сержант М. П. Караксин демобилизован в 1946 году. Награжден орденом Красной Звезды и семью медалями.

М. П. Караксин живет в поселке Кукуштан Пермской области.

КАРПОВ Иван Александрович родился в 1922 году на хуторе Малая Каменка Кунгурского района Пермской области. Член КПСС с 1946 года. В 1942 году призван в армию. В составе 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, под Ахтыркой, в освобождении городов Котельва, Звенигородка, Оргиев, в Корсунь-Шевченковской, Уманьско-Христиновской и Яско-Кишиневской операциях — был разведчиком. Прошел с боями Румынию, Венгрию и Австрию, штурмовал Будапешт и Вену. Демобилизован в 1946 году. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени и пятью медалями.

И. А. Карпов живет и работает в Кунгуре.

КАШИН Дмитрий Федорович родился в 1916 году в селе Куликово Верхнегородковского района Пермской области. В 1942 году был призван в армию. В составе 3-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в

освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии.

Демобилизован в 1945 году. Награжден шестью медалями.

Д. Ф. Кашин живет в Перми, находится на пенсии.

КЛИМОВ Василий Иванович родился в 1918 году в Перми. Член КПСС с 1943 года. В 1938 году призван в армию. Служил в 202-й воздушнодесантной бригаде. В должности командира отделения 678-го отдельного танкового батальона он в 1945 году участвовал в боях за освобождение Южного Сахалина. Старшина В. И. Климов совершил 23 прыжка с парашютом. Демобилизован в 1951 году. Награжден несколькими медалями.

В. И. Климов живет и работает в Перми.

КОКШАРОВ Николай Александрович родился в 1919 году в деревне Сандяк Куединского района Пермской области. В 1941 году был призван в армию. Служил в 1-й маневренной воздушнодесантной бригаде, в составе которой участвовал в боях под Демянском, в рейде десантников по тылам 16-й немецкой армии. Демобилизован в 1942 году по инвалидности. Награжден тремя медалями.

Н. А. Кокшаров живет и работает в Перми.

КОСОВСКИХ Иван Тарасович родился в 1923 году в деревне Мережата Ильинского района Пермской области. В 1942 году был призван в армию. В составе 2-го батальона 5-й гвардейской стрелковой (бывшей 1-й маневренной воздушнодесантной) бригады он участвовал в боях за освобождение Северного Кавказа, станции Наурская, Ищерская и города Моздок. Старший сержант И. Т. Косовских демобилизован в 1947 году. Награжден пятью медалями.

Коммунист И. Т. Косовских живет

и работает в поселке Октябрьский Ильинского района Пермской области.

КРЕМЛЕВ Евгений Федорович родился в 1919 году в городе Очер Пермской области. В 1939 году призван в армию. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде. Он участвовал в обороне Киева, в боях за Ростов-на-Дону, в составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии отстаивал Сталинград. Совершил 21 прыжок с парашютом, один из них — в тыл противника. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Е. Ф. Кремлев живет в поселке Павловский Пермской области, работает мастером машиностроительного завода.

КУЗЬМИН Николай Васильевич родился в 1921 году в селе Ново-Спасское Альметьевского района Татарской АССР. Член КПСС с 1942 года. В 1941 году был призван в армию. Служил в 7-й воздушнодесантной бригаде (4-й воздушнодесантный корпус), в составе которой участвовал в оборонительных боях в районах Червень — Березино — Климовичи — Унеча. В 1942 десантировался в тыл противника в Смоленскую область. Во вражеском тылу пробыл четыре месяца. Он участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении Белоруссии и Польши. С боями дошел до Берлина. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и тринадцатью медалями.

Н. В. Кузьмин живет в Перми, работает в органах юстиции.

КУЛАКОВСКИЙ Александр Степанович родился в 1912 году в Минской области. До Великой Отечественной войны работал в органах МВД в Пермской области. В 1942 году был призван в армию. Служил в 8-м гвардейском воздушнодесантном

полку 3-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которой участвовал в боях под Старой Руссой, на Курской дуге, в степях Украины, в Яско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии и Венгрии. Старшина А. С. Кулаковский совершил 15 прыжков с парашютом. Демобилизован в 1945 году, награжден орденом Красной Звезды и девятью медалями.

А. С. Кулаковский живет в Перми, находится на пенсии.

ЛЕПИХИН Петр Андреевич родился в 1904 году в деревне Надулловка Куединского района Пермской области. В 1939 году был призван в армию. В составе 609-го саперного батальона 82-й стрелковой дивизии в должности санинструктора участвовал в боях на Халхин-Голе. С 1941 года он был начальником интендантского снабжения 4-го батальона, затем начальником вещевого снабжения 11-й воздушнодесантной бригады. В 1942 году в составе десантников был заброшен на парашюте в тыл противника в район Дорогобужа Смоленской области со специальным заданием. Затем он служил в 14-й воздушной армии Волховского фронта. Награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

П. А. Лепихин живет в Перми, находится на пенсии.

ЛИЦМАН Владимир Иванович родился в 1920 году в Москве. Член КПСС с 1944 года. В 1939 году был призван в армию. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде, в составе которой в августе 1941 года принимал участие в боях за Киев. В составе этой же бригады, в последующем ставшей 283-м стрелковым полком 87-й стрелковой дивизии, затем 42-м гвардейским стрелковым полком 13-й гвардейской стрелковой дивизии, участвовал в боях за Конотоп, Тим, Щигры, в обороне Сталинграда

(был в числе защитников гарнизона дома Павлова). Войну закончил в Праге. Совершил 15 прыжков с парашютом. Награжден двумя орденами Красной Звезды и двенадцатью медалями.

В послевоенные годы окончил высшее военное училище военных дирижеров, имеет звание заслуженного работника культуры РСФСР.

В. И. Лицман живет и работает в Перми.

МАКСИМОВ Александр Николаевич родился в 1908 году в селе Шемолово Горьковской области. Член КПСС с 1944 года. До войны работал учителем средней школы в Губахе Пермской области. В 1942 году был призван в армию. В должности командира взвода принимал участие в боях под Сталинградом, на Курской дуге. В составе 23-го гвардейского воздушнодесантного полка 9-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в освобождении Полтавы, Кременчуга, Кировограда, был участником Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операций, форсировал Днепр, Буг, Вислу, Одер, Нейсе и Шпрее. Войну закончил в Праге. Демобилизован в 1945 году. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и восемью медалями.

А. Н. Максимов живет в Перми, находится на пенсии.

МЕЩАНКИН Николай Васильевич родился в 1916 году в Гайнском районе Пермской области. Член КПСС с 1946 года. В 1937 году был призван в армию. Служил в кавалерийских частях на Дальнем Востоке, а с 1942 года — в 7, 3, 5-й гвардейских воздушнодесантных бригадах и 103-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Старший лейтенант Н. В. Мещанкин совершил 73 прыжка с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями. В 1956 году уволен в запас.

Н. В. Мещанкин живет и работает в Перми.

МИКОВ Иван Кириллович родился в 1918 году в деревне Воробы Нытвенского района Пермской области. В 1938 году был призван в армию. Служил в 202-й, 4-й маневренной воздушнодесантных бригадах. В составе 24-го гвардейского воздушнодесантного полка 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он участвовал в боях на Северо-Западном фронте. Был снайпером. Истребил 87 фашистов. В бою за деревню Михалкино (под Старой Руссой) погиб смертью храбрых. Награжден посмертно орденом Красной Звезды.

МОЗЖЕРИН Федор Сергеевич родился в 1915 году в деревне Усть-Мечка Кунгурского района Пермской области. В 1937 году был призван в армию. Служил в укрепрайоне на Дальнем Востоке. В 202-й воздушнодесантной бригаде был командиром отделения саперов-подрывников. В составе 353-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии принимал участие в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии, форсировал реки Раба и Дунай. Старшина Ф. С. Мозжерин демобилизован в 1945 году. Совершил 7 прыжков с парашютом. Награжден двумя орденами Красной Звезды и семью медалями.

Ф. С. Мозжерин живет и работает в Перми.

МОСИН Петр Васильевич родился в 1921 году в деревне Бурешки Частинского района Пермской области. В 1940 году был призван в армию. Служил в 94-м погранотряде в Западной Украине. 22 июня 1941 года, находясь в наряде по охране государственной границы, в числе первых вступил в бой с гитлеровцами. Принимал участие в обороне Киева, Северного Кавказа. Участвовал в ос-

вобождении станиц Наурская, Ищерская. В составе 3-го гвардейского воздушнодесантного полка 1-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он прошел с боями Румынию, Венгрию и Чехословакию. В 1945 году в составе этой же дивизии участвовал в разгроме Квантунской армии, совершив поход из Монгольской Народной Республики через Халун-Аршанский укрепленный район, Большой Хинган и безводные степи Внутренней Монголии до города Кайлу (Китай). Старший сержант П. В. Мосин демобилизован в 1946 году. Награжден тремя орденами Красной Звезды и двумя медалями.

П. В. Мосин живет и работает в Перми.

МУРЗИН Владимир Мстиславович родился в 1925 году в Витебске. Член КПСС с 1945 года. В 1942 году был призван в армию. Служил в 9-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. Дважды забрасывался во вражеский тыл со специальным заданием. Капитан В. М. Мурзин совершил 18 прыжков с парашютом. В 1954 году уволен в запас. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и шестью медалями.

В. М. Мурзин живет и работает в Перми.

НОСОВ Алексей Федорович родился в 1919 году в поселке Павловский Очерского района Пермской области. Член КПСС с 1946 года. В 1939 году был призван в армию. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде на Дальнем Востоке. В августе 1941 года в ее составе он участвовал в боях за Киев, в освобождении Ростова-на-Дону. В составе 4-й воздушнодесантной бригады, затем 32-й гвардейской стрелковой дивизии, принимал участие в оборонительных боях северо-восточнее Туапсе. Совершил 19 прыжков с парашютом. Демобилизован в 1943 году по ранению. Награжден несколькими медалями.

П. Ф. Носов живет в поселке Павловский, работает трактористом.

ОЛЬХОВ Владимир Васильевич родился в 1924 году в селе Юрла Пермской области. Член КПСС с 1949 года. В 1942 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 349-го гвардейского стрелкового полка 105-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Форсировал реку Раба. Демобилизован в 1947 году. Награжден орденом Красной Звезды и девятью медалями.

В. В. Ольхов живет и работает в Перми.

ОНЯНОВ Валерий Вениаминович родился в 1923 году в городе Очер Пермской области. В 1941 году был призван в армию. С 1942 года в составе 1-й маневренной воздушнодесантной бригады он участвовал в боях на Северо-Западном фронте, совершил лыжный рейд в тыл противника под Старую Руссу. В 1942 году в составе той же бригады, ставшей 5-й гвардейской стрелковой бригадой, участвовал в боях на Северном Кавказе — под станицами Наурская и Ищерская. Сержант В. В. Онянов демобилизован в 1943 году по ранению. Награжден орденом Славы III степени и пятью медалями.

В. В. Онянов живет в Перми, находится на пенсии, является членом совета ветеранов парашютистов-десантников.

ОРДИНОВ Яков Григорьевич родился в 1912 году в Чувашской АССР. Участник войны с белофиннами. С началом Великой Отечественной войны он возглавил истребительный отряд по борьбе с фашистскими диверсантами в Смоленской области, затем вступил в партизанский отряд «За Родину». С 1942 года в составе 141-й стрелковой дивизии уча-

ствовал в боях под Воронежем, а в составе 25-го гвардейского воздушно-десантного полка 8-й гвардейской воздушнодесантной дивизии воевал на Северо-Западном фронте. Совершил 11 прыжков с парашютом. Награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Я. Г. Ординов живет в Перми, работает инкассатором.

ПЕПЕЛЯЕВ Кондратий Осеевич родился в 1920 году в деревне Устины Нытвенского района Пермской области. Член КПСС с 1947 года. В 1940 году был призван в армию. Служил в 212-й воздушнодесантной бригаде, в составе которой в августе 1941 года участвовал в обороне Киева. Демобилизован в 1942 году по ранению. Награжден шестью медалями.

К. О. Пепеляев живет в Перми, находится на пенсии.

ПЕРМИНОВ Алексей Агафонович родился в 1925 году в Свечинском районе Кировской области. Член КПСС с 1948 года. В 1943 году был призван в армию. Служил в 19-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 299-го гвардейского стрелкового полка 98-й гвардейской стрелковой дивизии он в 1944 году форсировал реку Свирь, прошел с боями от Лодейного Поля до финляндской границы. Участвовал в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. Разведчик А. А. Перминов награжден пятью медалями. Демобилизован в 1949 году. В послевоенный период был парашютистом Западно-Уральской авиационной базы охраны лесов. Совершил 425 прыжков с парашютом. Имеет звание инструктора парашютнодесантной службы.

А. А. Перминов живет в Перми, находится на пенсии.

ПЕСТРЯКОВ Петр Иванович родился в 1918 году в Перми. В 1942 году был призван в армию.

Служил в 21-м запасном воздушно-десантном полку, а с 1943 года — в 1-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 328-го гвардейского стрелкового полка наводчик П. И. Пестряков участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Демобилизован в 1946 году. Совершил 8 прыжков с парашютом. Награжден пятью медалями.

П. И. Пестряков живет в Перми, находится на пенсии.

ПЕТРОВ Илья Степанович родился в 1914 году в деревне Карасово Юсьвинского района Пермской области. Член КПСС с 1942 года. До войны работал завучем Гайнской средней школы. В 1939 году был призван в армию. В должности заместителя политрука 13-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона служил в Забайкалье. Начало Великой Отечественной войны он встретил под Кишиневом. Участвовал в оборонительных боях под Оршей, Смоленском, Москвой. В составе 8-го гвардейского воздушнодесантного артиллерийского полка 6-й гвардейской воздушнодесантной дивизии участвовал в боях на Северо-Западном фронте, с боями дошел до Германии. Демобилизован в 1946 году. Награжден тремя медалями. Совершил 13 прыжков с парашютом.

И. С. Петров живет и работает в Перми.

ПИГАЛЕВ Илья Андрианович родился в 1918 году в деревне Софроны Нытвенского района Пермской области. Член КПСС с 1965 года. В 1941 году был призван в армию. В составе 127-й стрелковой бригады, сформированной в Прикамье, участвовал в боях на Северо-Западном фронте. Затем он был направлен в 41-ю отдельную лыжную бригаду, которая 23 февраля 1943 года на реке Ловать остановила наступление фашистских войск. С 1943 года служил

в 1-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в ее составе принимал участие в освобождении Кривого Рога, Пятихаток, Звенигородки, в Корсунь-Шевченковской операции. Прошел с боями Румынию, Венгрию, Чехословакию. Штурмовал Бухарест и Будапешт. Старшина И. А. Пигалев в августе 1945 года в составе этой же дивизии участвовал в разгроме Квантунской армии, совершив поход из Монгольской Народной Республики через Халун-Аршанский укрепленный район, Большой Хинган и безводные степи Внутренней Монголии до города Кайлу (Китай). Демобилизован в 1946 году. Награжден семью медалями.

И. А. Пигалев живет на станции Чайковская, работает управляющим отделением совхоза «Правда» Нытвенского района Пермской области.

ПИГАЛЕВ Алексей Андреевич родился в 1922 году в селе Абаимово Горьковской области. Член КПСС с 1946 года. В 1941 году был призван в армию. Служил в 211-й воздушнодесантной бригаде. В составе 118-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии с августа 1942 года до февраля 1943 года он отстаивал Сталинград, участвовал в наступательных операциях на Курской дуге. В составе 12-й гвардейской стрелковой дивизии принимал участие в освобождении Пинска, Бреста, Шауляя, городов Польши, штурмовал Берлин. А. А. Пигалев награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и одиннадцатью медалями.

А. А. Пигалев живет и работает в Перми.

ПРИДАННИКОВ Евгений Владимирович

родился в 1919 году в Перми. В 1942 году был призван в армию. В 5-й гвардейской воздушнодесантной бригаде был санитаром.

В 1943 году в составе штабной группы десантировался во вражеский тыл на правом берегу Днепра, в районе Свидовок Черкасской области. Принимал участие во взятии районного центра Свидовки и в расширении захваченного плацдарма. Совершил 63 прыжка с парашютом. Старший сержант Е. В. Приданников демобилизован в 1945 году. Награжден четырьмя медалями.

Е. В. Приданников живет в Перми, работает мастером на заводе имени Ф. Э. Дзержинского.

ПОПОВ Павел Федорович родился в 1914 году в деревне Крутой Угор Сивинского района Пермской области. Член КПСС с 1940 года. В 1941 году призван в армию. Служил в 11-й воздушнодесантной бригаде. В составе 111-го гвардейского полка 40-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в боях за Сталинград. Был заместителем политрука. Затем служил в 7-м учебном воздушнодесантном полку. Совершил 86 прыжков с парашютом. Демобилизован в 1945 году. Награжден пятью медалями.

П. Ф. Попов живет в Очере, находится на пенсии. Он является председателем Очерской районной секции ветеранов парашютистов-десантников.

ПРОКОШЕВА Александра Ивановна родилась в 1910 году на станции Полевая Свердловской области. В 1937 году она окончила Пермский медицинский институт. В 1941 году была призвана в армию. Служила командиром госпитального взвода 10-го отдельного медсанбата 6-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, участвовала в боях на Северо-Западном фронте, под Воронежем, на Курской дуге. В должности старшего врача 426-го гаубичного полка 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса с боями дошла до Берлина и Праги. Капитан медицинской службы А. И. Прокошева демобили-

зована в 1946 году. Награждена двумя орденами Красной Звезды и пятью медалями.

А. И. Прокошева умерла в 1970 году.

ПРОСКУРЯКОВ Василий Яковлевич

родился в 1925 году в деревне Заборье Елецкого района Архангельской области. Член КПСС с 1947 года. В 1943 году был призван в армию. Служил в 20-й гвардейской воздушно-десантной бригаде. В составе 239-го гвардейского артиллерийского полка 98-й гвардейской стрелковой дивизии летом 1944 года форсировал реку Свирь и прошел с боями от Лодейного Поля до финляндской границы. В 1945 году в составе 144-го отдельного батальона связи той же дивизии принимал участие в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. В послевоенные годы службу продолжал в воздушнодесантных частях, а затем в войсках противовоздушной обороны страны. В. Я. Прокураков совершил 67 прыжков с парашютом. Награжден десятью медалями.

В. Я. Прокураков живет и работает в Перми.

ПУЧНИН Аркадий Данилович

родился в 1918 году в деревне Кормины Нытвенского района Пермской области. Член КПСС с 1941 года. В 1938 году окончил Пермский аэроклуб и в том же году был призван в армию. В 202, 4-й маневренной, 20-й гвардейской воздушнодесантных бригадах был радистом, начальником радиостанции, заместителем политрука, политруком разведзвода, военным комиссаром отдельной роты связи. В составе 98-й гвардейской стрелковой дивизии в 1944 году участвовал в боях на Карельском фронте. В должности командира штабной роты батальона связи 103-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. Имеет звание инструк-

тора парашютнодесантной службы. Награжден двумя орденами Красной Звезды и девятью медалями.

В послевоенные годы подполковник А. Д. Пучнин служил в войсках противовоздушной обороны страны. В 1971 году вышел на пенсию.

А. Д. Пучнин живет в Перми, является председателем совета Пермской секции ветеранов воздушнодесантных войск, заместителем председателя Пермского областного совета ветеранов войны.

РАКИНЦЕВ Геннадий Николаевич

родился в 1918 году в Перми. Член КПСС с 1942 года. В 1940 году был призван в армию. Находился на партийно-политической работе. Участвовал в боях под Старой Руссой, в ликвидации окруженной группировки немецких войск под Минском, в освобождении Польши. Форсировал реки Нарев, Неман, Вислу, Одер. Награжден двумя орденами Красной Звезды и тринадцатью медалями.

В послевоенный период окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Был инструктором политотдела воздушнодесантных войск, а затем работал в аппарате ЦК КПСС.

Г. Н. Ракинцев живет в Москве, работает в ТАСС.

РАКИНЦЕВ Михаил Николаевич

родился в 1913 году в селе Лобаново Пермского района. Член КПСС с 1938 года. В 1943 году был призван в армию. Служил в 19-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 229-го гвардейского стрелкового полка 98-й гвардейской стрелковой дивизии летом 1944 года форсировал реку Свирь и прошел с боями от Лодейного Поля до финляндской границы. Принимал участие в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. Майор М. Н. Ракинцев совершил 167 прыжков с парашютом. Награжден орденом Отечественной войны II степени, Красной Звезды и

десятью медалями. В 1960 году уволен в запас.

М. Н. Ракинцев живет в Сызрани, работает прорабом.

РАМАЗАНОВ Ахматмур
родился в 1925 году в селе Малый Ашар Ординского района Пермской области. В 1942 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 349-го гвардейского стрелкового полка 105-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в Венской наступательной операции, во взятии Вены, в освобождении Чехословакии. Совершил 22 прыжка с парашютом. Коммунист А. Рамазанов награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. Демобилизован в 1949 году.

А. Рамазанов живет в селе Малый Ашар, работает техником-строителем.

СМИРНОВА Людмила Макаровна
родилась в 1920 году в селе Казаково Кировской области. В 1944 году окончила Свердловский медицинский институт и в том же году была призвана в армию. Служила в 24-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. Была командиром медицинского взвода — врачом-ординатором. Совершила 16 прыжков с парашютом. Демобилизована в 1946 году. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями и значком «Отличник здравоохранения».

Л. М. Смирнова живет в Перми. Работает заместителем главного врача детской больницы № 18.

СУДНИЦЫН Иван Михайлович
родился в 1923 году в Красновишерске Пермской области. В 1942 году был призван в армию. В составе 7-й гвардейской стрелковой бригады (бывшей воздушнодесантной) осенью 1942 года он участвовал в боях на Северном Кавказе — под Наурской, Ищерской и городом Моздок. Сер-

жант И. М. Судницын демобилизован по ранению. Награжден медалью.

И. М. Судницын живет в Красновишерске, находится на пенсии.

СУМАТОХИН Михаил Филиппович
родился в 1919 году в деревне Ершата Сивинского района Пермской области. Член КПСС с 1946 года. В 1942 году был призван в армию. В составе 8-го гвардейского воздушнодесантного полка 3-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он участвовал в боях на Северо-Западном фронте. Демобилизован в 1943 году по ранению. Награжден медалью.

М. Ф. Суматохин живет в селе Лобаново Пермского района.

СУХОДОЕВ Николай Георгиевич
родился в 1917 году в деревне Смыки Сунского района Кировской области. Член КПСС с 1943 года. В 1938 году был призван в армию. Служил в 202-й воздушнодесантной бригаде. В составе 367-го гвардейского стрелкового полка 114-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Сержант Н. Г. Суходоев совершил 32 прыжка с парашютом. Награжден орденом Славы III степени и шестью медалями. Демобилизован в 1946 году.

Н. Г. Суходоев живет в Перми, работает в локомотивном депо.

ТИТОВ Виктор Яковлевич
родился в 1921 году в деревне Зазерье Пермского района. В 1942 году был призван в армию. Служил в 16-м гвардейском воздушнодесантном полку 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которого участвовал в боях на Северо-Западном фронте, затем в прорыве блокады Ленинграда. Демобилизован в 1945 году по состоянию здоровья. Награжден пятью медалями.

В. Я. Титов живет в Перми, находится на пенсии.

ТИУНОВ Александр Парамонович

родился в 1925 году в деревне Ипатово Очерского района Пермской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В составе 349-го гвардейского стрелкового полка 105-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в боях за освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Был автоматчиком. Демобилизован в 1949 году. Совершил 21 прыжок с парашютом.

А. П. Тиунов живет в Перми, работает мастером на заводе имени В. И. Ленина.

ТИУНОВ Аркадий Алексеевич

родился в 1925 году в городе Верещагино Пермской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде переформированной в 349-й гвардейский стрелковый полк 105-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе которого участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Демобилизован в 1948 году. Награжден пятью медалями.

А. А. Тиунов живет в Перми, работает на печатной фабрике Гознака.

ТИУНОВ Петр Семенович

родился в 1925 году в деревне Логиново Верещагинского района Пермской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в 15-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В 349-м гвардейском стрелковом полку 105-й гвардейской стрелковой дивизии он был полковым разведчиком. Участвовал в разгроме Балатонской танковой группировки немцев, в освобождении Чехословакии. Демобилизован в 1949 году. Награжден шестью медалями.

П. С. Тиунов живет в деревне Логиново Верещагинского района Пермской области, работает лесником.

ФИЛИППОВ Григорий Филиппович

родился в 1908 году в Чувашской АССР. Член КПСС с 1932 года. В 1938 году был призван в армию и направлен на учебу в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В 1941 году он был назначен парторгом 30-го артиллерийского полка 10-й стрелковой дивизии, входившей в 8-ю армию Северо-Западного фронта. Участвовал в оборонительных боях под Таллином, Стрельней, Петергофом, У Пулковских высот. В должности заместителя начальника политотдела 125-й стрелковой дивизии участвовал в прорыве блокады Ленинграда, освобождении Красного Села, Кингисеппа, Нарвы, Таллина. Форсировал Одер, штурмовал Берлин. Награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и девятью медалями. В послевоенный период продолжал службу в воздушнодесантных войсках.

Г. Ф. Филиппов живет в Перми, находится на пенсии.

ХАНАНОВ Мубарак Ханнанович

родился в 1922 году в деревне Кузеево Мензелинского района Татарской АССР. Член КПСС с 1945 года. В 1941 году был призван в армию. Служил в 7-й воздушнодесантной бригаде, ставшей 112-м гвардейским стрелковым полком 39-й гвардейской стрелковой дивизии. В составе этого полка в должности командира минометного взвода он участвовал в боях под Сталинградом. В 1943 году в составе 3-й гвардейской воздушнодесантной бригады десантировался на правый берег Днепра в районе Черкас, где успешно выполнил поставленную задачу. Затем служил в 5-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. Старший лейтенант М. Х. Хананов совершил 54 прыжка с парашютом. В 1946 году уволен в запас. Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями.

М. Х. Хананов живет в Чайковском, работает учителем в школе № 1.

ХАНЖИН Вячеслав Затикивич родился в 1918 году в селе Ножовка Чагинского района. Член КПСС с 1944 года. В 1938 году после окончания аэроклуба по путевке комсомола он был направлен в Пермскую авиационную школу летчиков. Служил в авиационных частях. Был летчиком, затем — начальником парашютнодесантной службы. В период днепровской наступательной операции в сентябре 1943 года он производил выброску десантников 3-й воздушнодесантной бригады в тыл немецких войск в районе города Канев. В послевоенные годы майор В. З. Ханжин находился на штабной работе. Совершил 362 прыжка с парашютом. Имеет звание инструктора парашютнодесантной службы. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и двенадцатью медалями. В 1960 году уволен в запас.

В. З. Ханжин живет в Перми, работает на заводе имени В. И. Ленина, является членом совета ветеранов-десантников.

ХЛОБЫСТОВ Яков Степанович родился в 1915 году в деревне Жуки Фаленского района Кировской области. В 1942 году был призван в армию. В составе 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии он участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в освобождении городов Звенигородка, Оргиев, в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях, во взятии Будапешта и Вены. Демобилизован в 1945 году. Награжден орденом Красной Звезды и шестью медалями.

Я. С. Хлобыстов живет в Краснокамске Пермской области, находится на пенсии.

ЧУСОВ Лонид Федорович родился в 1925 году в селе Губдор Чердынского района Пермской области. Член КПСС с 1949 года. В 1943 году был призван в армию. Служил в 14-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В 105-й гвардейской стрелковой дивизии был снайпером, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии. Демобилизован в 1945 году. Награжден девятью медалями.

Л. Ф. Чусов живет в Перми, находится на пенсии.

ШАЙДУРОВ Федор Севастьянович родился в 1911 году в селе Асово Березовского района Пермской области. В 1933 году был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке — в отдельном стрелковом батальоне особого назначения 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии. В 1935 году он принимал участие в групповом парашютном десанте на общеармейских учениях Дальневосточного военного округа, которыми руководил В. К. Блюхер. Приказом ВВС РККА № 28 награжден нагрудным знаком «Парашютист-спортсмен». В апреле 1942 года он был снова призван в воздушнодесантные войска. В боях участвовал в составе 125-й особой стрелковой бригады под Медынью. Награжден несколькими медалями. Демобилизован в 1942 году по инвалидности.

Ф. С. Шайдуров живет в Перми, находится на пенсии.

ШАРОВ Виктор Григорьевич родился в 1925 году в деревне Гольяны Оханского района Пермской области. В 1943 году был призван в армию. Служил в 9-й гвардейской воздушнодесантной бригаде. В 1945 году в составе 298-го гвардейского стрелкового полка 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии, участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Был пулеметчиком. Демобили-

зован в 1948 году. Награжден орденом Славы III степени и пятью медалями.

В. Г. Шаров живет в Перми, находится на пенсии.

ШИПУЛИН Иван Михайлович родился в 1923 году в деревне Верхний Кунгур Ординского района Пермской области. Член КПСС с 1944 года. В 1942 году был призван в армию. Служил в 1-м гвардейском воздушнодесантном полку 5-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, в составе которого участвовал в боях на Северо-Западном фронте, на Курской дуге, в освобождении городов Котельва, Звенигородка, Оргиев, в Корсунь-Шевченковской, Уманьско-Христиновской и Ясско-Кишиневской операциях. Прошел с боями Румынию, Венгрию. Штурмовал Будапешт. Демобилизован в 1947 году. Награжден пятью медалями.

И. М. Шипулин живет в Кунгуре, работает начальником участка на заводе.

ЮДИН Аркадий Иванович родился в 1924 году в деревне Большая Головниха Частинского района Пермской области. В 1942 году был призван в армию. Служил в 17-й гвардейской воздушнодесантной бригаде, совершил 16 парашютных прыжков с самолета. В составе 2-го батальона этой бригады он десантировался в тыл противника в районе Пятихаток для выполнения специального задания командования. В составе 355-го гвардейского стрелкового полка принимал участие в освобождении Румынии и Венгрии. Демобилизован в 1947 году. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени и четырьмя медалями.

А. И. Юдин живет в Красновишерске.

Содержание

5	А. ПУЧНИН.	Пермяки в «крылатой пехоте»
19	С. МОКРОУСОВ.	Спасая святыню полка
23	О. СЕЛЯНКИН.	Один из двенадцати
27	В. СВАЛОВ.	На правом берегу Днепра
34	О. ДЕНИСОВ.	Командир десантного взвода
41	А. ГРАЕВСКИЙ.	Боевая закалка
48	Г. СОЛОДНИКОВ.	Тревожные ночи
56	Б. ПАХУЧИХ.	Весна сорок пятого
60	Н. БОЯРШИНОВ.	За огненной чертой
65	Н. РЯЗАНОВ.	Непокоренный гарнизон
71	Л. ВАЛЕЕВА	Партизанскими тропами
77	Б. ИРОДОВ.	Победивший смерть
81	Е. ШАДРИН.	Помогла десантная выучка
87	П. САЛЬНИКОВ.	Первый бой
91	А. КУПОНОСОВ.	Награда за смелость
95	Г. СУЛЕЙМАНОВ.	В делянском «котле»
100	М. СМОРОДИНОВ.	Солдат весны
105	М. ПЕРМЯКОВ.	По тылам врага
110	Л. ЖЕРЕБЦОВ.	Узнал только... «дома»
116	А. КУПОНОСОВ.	«Фиалка» выходит на связь
120	Н. ЧИКУРОВ.	Им было девятнадцать
126	Б. ПАХУЧИХ.	Нельзя не быть орлом
131	С. МОКРОУСОВ.	Склад взлетел на воздух
136	В. ПИЩАЛЬНИКОВ.	Мера мужества и стойкости
141	О. СЕЛЯНКИН.	Восемнадцатый прыжок
146	А. ГРАЕВСКИЙ.	Бой за реку Ловать
151	В. СВАЛОВ.	Глубокий рейд
157	Н. ЕФИМОВ.	Под куполом парашюта
163	С. ГОРЮНОВ.	Служили два товарища
168	А. ПУЧНИН.	Судьбы солдатские

В

«КРЫЛАТОЙ ПЕХОТЕ»

Составители
А. М. Граевский
и А. Д. Пучнин

Редактор Л. Н. Аристова
Художественный редактор М. В. Тарасова

Художник **И. В. Чичкин**

Технический редактор Т. В. Дольская
Корректоры Л. К. Крамаренко,
З. Е. Капелькина.

Сдано в набор 18.XII-1972 г. Подписано в печать 20.II-73 г. Формат бумаги тип. 2 60×84¹/₁₆. Печ. л. 11,75 (усл. прив. л. 10,9275), бум. л. 5,875; уч.-изд. л. 10,264. ЛБ06187. Тираж 30 000 экз. Цена 51 коп. Зак. 1968. Пермское книжное издательство, 614000 Пермь, ул. Карла Маркса, д. 30. 2-я типография Управления издательства, полиграфии и книжной торговли. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Тем. план 1973 г. Изд. № 2.

В-11 В «крылатой пехоте». Сборник. Пермь, Кн. изд-во.

Цель книги — рассказать читателям о парашютистах-десантниках Прикамья. О мужестве и доблести наших земляков в годы Великой Отечественной войны.

355 с + 9(с)27

1122-

М152(03-73)

2-73